ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»

На правах рукописи

Лукашин Александр Александрович

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ С НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ ПРАВОВОЙ ПРИРОДОЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

кандидат юридических наук, доцент

Михайлов Сергей Михайлович

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ 18

§ 1. Понятие, признаки и цели использования специальных знаний в цивилистическом процессе 18

§ 2. Признаки процессуальной формы заключения эксперта и консультации специалиста 63

ГЛАВА 2. ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВНЕПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ 99

§ 1. Понятие и виды внепроцессуальной экспертизы 99

§ 2. Место результатов внепроцессуальной экспертизы в системе средств доказывания в современном цивилистическом процессе 132

§ 3. Процессуальная форма, порядок исследования и оценки результатов внепроцессуальной экспертизы в цивилистическом процессе 161

ГЛАВА 3. ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ФОРМАХ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ПРОВЕДЕНИЕМ ЭКСПЕРТИЗЫ 185

§ 1. Рецензия на заключение эксперта как средство доказывания в современном цивилистическом процессе 185

§ 2. Правовая природа и доказательственное значение ответа на запрос специализированного арбитражного суда 206

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 217

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 229

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Непрерывный процесс усложнения общественных отношений, развития науки и техники, цифровизации социальных явлений детерминируют рост потребности в использовании специальных знаний сведущих лиц при отправлении правосудия по гражданским делам[1].

Современное цивилистическое процессуальное законодательство предусматривает два процессуальных статуса, которые могут приобрести лица, владеющие специальными знаниями, при привлечении их к участию в деле: эксперт и специалист. Кроме того, законодательству, правоприменительной практике и доктрине известны три процессуальные формы применения указанными субъектами специальных знаний: судебная экспертиза, справочно-консультационная деятельность и непосредственная (техническая) помощь. Такое положение дел сохраняется с принятия действующего Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее также – ГПК РФ)[2]. Учитывая немногочисленность и несущественный характер изменений, которым с тех пор подвергался институт использования в цивилистическом процессе специальных знаний, можно прийти к выводу, что он рассматривается законодателем как сформированный и самодостаточный.

Согласиться с такой оценкой не представляется возможным. Так, источники цивилистического процесса в настоящее время по-разному регулируют вопрос доказательственного значения[3] консультации специалиста. Учитывая, что содержание его справочно-консультационной деятельности не различается в

---

[1] Автор имеет в виду гражданские дела в широком смысле как совокупность различных правовых вопросов, рассматриваемых в судах общей юрисдикции по правилам ГПК РФ, КАС РФ, а в арбитражных судах – по правилам АПК РФ. Об этом подходе см., например, Гражданское процессуальное право России: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. Т. 1 / С. Ф. Афанасьев [и др.]; под ред. С.Ф. Афанасьева. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 18 (автор главы – Д.А. Туманов).

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. Федерального закона от 17.02.2023 №34-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46, ст. 4532.

[3] Под доказательственным значением в рамках настоящего исследования понимается потенциальная возможность получения из определенной информации сведений о фактических обстоятельствах дела.

гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах, подобная дифференциация не может быть признана оправданной.

Кроме того, осуществление правосудия по гражданским делам судами общей юрисдикции и арбитражными судами не является единственной сферой, в которой используются специальные знания сведущих лиц. За проведением специального исследования к таким субъектам обращаются государственные юрисдикционные органы, нотариусы, третейские суды, заинтересованные (или потенциально заинтересованные) в разрешении возникшего (или прогнозируемого) правового конфликта лица.

Действующее цивилистическое процессуальное законодательство обходит стороной вопрос доказательственного значения результатов внепроцессуальной деятельности сведущих лиц в форме проведения исследования, что порождает правоприменительные проблемы. Судебная практика показывает, что правовые последствия представления в суд заключения внепроцессуальной экспертизы остаются неопределенными, а признание такого документа доказательством полностью зависит от усмотрения суда в каждом конкретном случае. Указанное положение дел затрудняет реализацию права граждан и организаций на судебную защиту.

Схожая проблема возникает при представлении в суд составленного сведущим лицом документа, содержащего его мнение относительно недостатков проведенной судебной или внепроцессуальной экспертизы. Сложности, с которыми сталкивается судебная практика при квалификации такого документа и определении его доказательственного значения, в свою очередь, порождают препятствия для использования рецензии заинтересованными лицами в качестве инструмента оспаривания результатов экспертного исследования и убеждения суда в наличии оснований для проведения по делу дополнительной или повторной экспертизы.

Другая проблема связана с введением в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ)[4] положений о запросе специализированного арбитражного суда и ответа на такой запрос. Действующее законодательство не устанавливает требований к содержанию ответа на данный запрос. За рамками правового регулирования остается и вопрос о наличии у подобного ответа доказательственного значения. Кроме того, схожесть оснований для направления запроса и привлечения к участию в деле специалиста вызывает вопрос о допустимости квалификации ответа на запрос специализированного арбитражного суда в качестве письменной консультации специалиста.

Заключение внепроцессуальной экспертизы, рецензию на заключение эксперта и ответ на запрос специализированного арбитражного суда сближает с заключением эксперта и консультацией специалиста сущность и содержание деятельности сведущих лиц по формированию этих результатов применения специальных знаний. Вместе с тем порядок получения результатов процессуальной и внепроцессуальной деятельности сведущих лиц не позволяет такие результаты отождествлять и распространять на них одно правовое регулирование. Представляется, что упомянутые выше результаты применения специальных знаний во внепроцессуальном порядке могут быть признаны в условиях действующего правового регулирования имеющими неопределенную правовую природу и доказательственное значение.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о наличии совокупности затрудняющих реализацию права на судебную защиту проблем, связанных с использованием в доказательственной деятельности результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой. Решение таких проблем требует проведения углубленного комплексного исследования, что обусловливает актуальность настоящей работы.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования.

---

[4] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 25.12.2003). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета», №137, 27.07.2002.

Отдельные вопросы использования специальных знаний в научной литературе дореволюционного периода развития цивилистического процесса освещались, например, в трудах К.И. Малышева, И.Е Энгельмана, Е.В. Васьковского. В частности, К.И. Малышев впервые в российской гражданской процессуальной доктрине обратил внимание на то, что заключение сведущего лица, полученное стороной в частном порядке, должно квалифицироваться в качестве письменного доказательства, а не заключения эксперта.

На советском этапе развития гражданской процессуальной мысли судебной экспертизе и заключению эксперта в гражданском судопроизводстве посвящали свои диссертационные исследования Л.В. Молочкова, Ю.М. Жуков. Отдельные вопросы применения специальных знаний в процессуальной форме экспертного исследования затрагивались в публикациях А.Ф. Клейнмана и М.К. Треушникова.

В 1970 году Т.А. Лилуашвили защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Применение специальных познаний в советском гражданском процессе», ставшую первым комплексным исследованием по обозначенной тематике.

Значимым этапом в развитии представлений о формах использования специальных знаний стала диссертация Л.Н. Ракитиной «Участие специалистов в гражданском судопроизводстве» (1985 год), в которой автор обосновала существование в гражданском процессе фигуры специалиста.

Заключению эксперта на постсоветском этапе развития науки гражданского процессуального права посвящены работы Х. Виаама, А.Г. Давтян, Ю.М. Жукова, Е.А. Леонтьевой, А.А. Мохова, Т.В. Сахновой, М.Н. Черновой, в которых затрагиваются отдельные вопросы отграничения заключения эксперта по результатам судебной экспертизы от заключений, полученных во внепроцессуальном порядке.

В 2013 году вышла в свет монография А.Т. Боннера «Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе», в которой внимание уделяется не только известным процессуальному законодательству заключению эксперта и консультации специалиста (которую

автор считает одним из средств доказывания), но и, так называемому, заключению специалиста, как документу, составленному по результатам проведенного во внепроцессуальном порядке исследования. А.Т. Боннер отстаивает в своей работе точку зрения о наличии у такого документа доказательственного значения.

Доказательственному значению заключения специалиста посвящен параграф в диссертационном исследовании Н.И. Борискиной «Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве», в котором данный документ рассматривается в качестве доказательства с неопределенной внутренней структурой.

Отдельные вопросы доказательственного значения результатов внепроцессуальных экспертиз затрагиваются в публикациях Е.Р. Галяшиной, Е.Р. Россинской и О.Г. Дьяконовой. Эти авторы рассматривают результаты внепроцессуальной деятельности сведущих лиц с позиций судебной экспертологии.

Большое внимание различным видам процессуальной деятельности специалиста уделяет А.В. Ковалева. Проблемам доказательственного значения, порядка получения, обеспечения достоверности рецензии на заключение эксперта посвящены публикации М.В. Жижиной. Отдельные вопросы, связанные с направлением Судом по интеллектуальным правам запросов сведущим лицам о предоставлении разъяснений и консультаций, рассматриваются в работах С.М. Михайлова.

Можно констатировать, что проблемы использования специальных знаний в цивилистическом процессе вызывают в доктрине большой интерес, чем объяснимо значительное количество публикаций по этой тематике. Отметим, что научные исследования перечисленных выше и иных авторов внесли серьезный и весомый вклад в развитие гражданской процессуальной науки. Вместе с тем следует отметить, что до настоящего времени комплексного изучения доказательственного значения результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой не проводилось, что требует дальнейшей теоретической работы над обозначенной проблемой на основе существующих доктринальных разработок.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, возникающих в связи с использованием в доказательственной деятельности в цивилистическом процессе результатов применения специальных знаний.

Предметом диссертационного исследования выступают относящиеся к теме работы отечественные и зарубежные научные исследования; нормы российского гражданского процессуального, арбитражного процессуального законодательства, законодательства об административном судопроизводстве и государственной судебно-экспертной деятельности; нормы гражданского процессуального законодательства, закрепленные в источниках права дореволюционного и советского периодов; соответствующие правила гражданского процессуального законодательства зарубежных стран, судебная практика по вопросам, связанным с использованием в доказательственной деятельности результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой.

Целью диссертационного исследования является установление концептуальной возможности использования результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой в доказывании по делам, рассматриваемым в цивилистическом процессе, а также определение надлежащей процессуальной формы таких правовых явлений в качестве средств доказывания.

Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач:

1) определить цели, преследуемые участниками цивилистического процесса, при использовании результатов процессуальной деятельности сведущих лиц;

2) установить признаки процессуальной формы заключения эксперта и консультации специалиста в цивилистическом процессе;

3) определить содержание понятия «результаты применения специальных знаний с неопределенной правовой природой» в цивилистическом процессе;

4) провести сравнительный анализ различных видов внепроцессуальной экспертизы на предмет наличия общих черт, позволяющих распространить на такие результаты применения специальных знаний общее правовое регулирование их доказательственного значения в цивилистическом процессе;

5) проанализировать перечень средств доказывания в цивилистическом процессе с целью определения возможности облачения результатов внепроцессуальной экспертной деятельности сведущих лиц в одну из предусмотренных действующим процессуальным законодательством процессуальных форм;

6) сформулировать предложения по надлежащему процессуальному оформлению внепроцессуальных экспертных исследований;

7) определить допустимость использования рецензии на заключение эксперта в качестве доказательства в цивилистическом процессе;

8) оценить необходимость в законодательном обособлении рецензии на заключение эксперта как самостоятельного средства доказывания;

9) установить правовую природу ответа на запрос специализированного арбитражного суда, соотнести ее с правовой природой известных процессуальному законодательству средств доказывания;

10) определить условия, при которых ответ на запрос специализированного арбитражного суда может служить доказательством в цивилистическом процессе.

Теоретическую основу исследования составили труды ученых по гражданскому процессуальному праву, в частности: И.В. Азаренко, А.Р. Амерханова, В.В. Аргунов, С.Ф. Афанасьев, П.Д. Багрянская, А.Т. Боннер, Н.И. Борискина, Н.А. Бортникова, К.Ю. Бубнова, Д.Х. Валеев, Е.В. Васьковский, А.Я. Вышинский, Х. Виаам, Е.А. Галяух, Е.С. Ганичева, К.А. Голубенко, А.Х. Гольмстен, В.М. Гордон, М.А. Гурвич, А.Г. Давтян, М.О. Дьяконова, Ю.М. Жуков, С.И. Зернов, А.Ф. Клейнман, А.В. Ковалева, С.В. Курылев, Е.А. Леонтьева, Т.А. Лилуашвили, К.И. Малышев, А. Мирлес, С.М. Михайлов, В.В. Молчанов, А.А. Мохов, Е.А. Нахова, Е.А. Нефедьев, Л.Н. Ракитина, Н.Н. Раскатова, И.В.

Решетникова, К.Б. Рыжов, Т.В. Сахнова, А.К. Сергун, С.А. Синицын, Е.Г. Стрельцова, Л.А. Терехова, В.Г. Тихиня, М.К. Треушников, Д.А. Туманов, М.А. Фокина, Д.А. Фурсов, А.В. Чайкина, М.Н. Чернова, М.С. Шакарян, П.Д. Шкурова, И.Е. Энгельман, К.С. Юдельсон, И.В. Юдин, В.В. Ярков и др.; уголовно-процессуальному праву: В.Д. Арсеньев, В.О. Белоносов, Е.П. Гришина, М.М. Гроздинский, В.Г. Заболоцкий, Е.А. Зайцева, Е.В. Иванова, А.А. Исаев, Н.А. Классен, Л.В. Лазарева, А.Н. Линев, Н.П. Майлис, В.А. Назаров, Ю.К. Орлов, И.Л. Петрухин, М.А. Поздняков, Е.В. Селина, И.И. Трапезникова, В.И. Шиканов, А.А. Эйсман и др.; судебной экспертологии: Р.С. Белкин, Е.Р. Галяшина, Н.А. Духно, О.Г. Дьяконова, М.В. Жижина, С.П. Жданов, А.М. Зинин, Е.В. Иванова, Я.В. Комиссарова, Ю.Г. Корухов, В.А. Михайлов, Е.Р. Россинская, А.И. Семикаленова, З.И. Соколовский, И.Н. Сорокотягин, Д.А. Сорокотягина, В.В. Степанов, Л.Г. Шапиро и др.; общей теории права: Н.Н. Вопленко, Ю.А. Гаврилова, Н.Л. Дворников, К.В. Каргин, В.В. Кошелева, Л.А. Морозова, Е.В. Пирмаев, В.А. Толстик.

Нормативную основу исследования образуют положения действующих Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие судебно-экспертную и другие виды деятельности по применению специальных знаний в форме экспертизы.

Эмпирическую основу исследования составили акты толкования и разъяснения процессуального законодательства, принятые Пленумом Верховного Суда РФ, Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ, а также правоприменительная практика судов общей юрисдикции, арбитражных судов и Верховного Суда РФ по гражданским и административным делам.

Методология и методы исследования. При проведении исследования использовались общенаучные методы (диалектический, логический, системный, структурно-функциональный, аксиологический, герменевтический, социологический), а также частно-научные методы (историко-правовой,

формально-юридический, системно-структурный, метод правового моделирования, метод анализа и обобщения правоприменительной практики).

В частности, герменевтический и формально-юридический методы позволили определить цели применения специальных знаний в цивилистическом процессе, а также выявить элементы процессуальной формы заключения эксперта и консультации специалиста. Метод анализа и обобщения правоприменительной практики использовался для установления признаков заключения внепроцессуальной экспертизы, рецензии на заключение эксперта и ответа на запрос специализированного арбитражного суда. Системно-структурный метод и метод правового моделирования применялись при формулировании требований к правовому регулированию процессуальный формы результатов применения специальных знаний в системе предусмотренных действующим процессуальным законодательством средств доказывания.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в науке гражданского процессуального права сформулировано значение термина «доказательственное значение»; на основании учения о процессуальной форме доказательств аргументирована необходимость обособленного правового регулирования процессуальной формы каждого из рассмотренных в диссертации результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой; сформулированы требования к процессуальной форме заключения внепроцессуальной экспертизы, рецензии на заключение эксперта, ответа на запрос специализированного арбитражного суда.

По результатам проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Обосновано, что с позиций определения сущности судебных доказательств как единства содержания (сведений о фактах) и процессуальной формы (средств доказывания) категория «доказательственное значение» применима к содержательной составляющей этого термина. Под доказательственным значением предложено понимать потенциальную возможность получения из определенных источников сведений о фактических

обстоятельствах дела без определения надлежащей процессуальной формы таких сведений.

2. Аргументировано, что критерием, по которому происходит законодательная дифференциация судебной экспертизы, справочно-консультационной деятельности и непосредственной (технической) помощи специалиста выступает цель использования специальных знаний в конкретной процессуальной форме. Вместе с тем использованию специальных знаний в целом не присуща особая цель, позволяющая отграничить этот институт от смежных явлений, в частности от участия в деле свидетеля. В ее обособлении в качестве признака понятия «специальные знания» отсутствует практическая и научная необходимость.

3. Доказано, что вопрос об обоснованности включения знаний правового характера в содержание категории «специальные знания» должен решаться по-разному, в зависимости от направления, в котором такие знания применяются. Знания в области содержания норм иностранного и международного права, правовых обычаев как источников российского права являются специальными по своей правовой природе. В свою очередь, привлечение сведущих лиц для оказания суду помощи в установлении содержания российского законодательства противоречит аксиоме jura novit curia, которая в современном цивилистическом процессе должна пониматься в значении «судья может отыскать право». Привлечение к участию в деле для установления содержания правовых норм сведущих лиц необходимо в случае введения в российскую правовую систему новых источников, таких как: правовая доктрина, корпоративные акты, акты «мягкого права» и т.д. Сведения о надлежащем толковании правовых норм или юридической квалификации фактов, входящих в пределы доказывания по конкретному делу, не могут быть получены судом в рамках доказывания, поскольку имеют разную правовую природу со сведениями о фактах.

4. Обосновано, что целью справочно-консультационной деятельности специалиста является предоставление суду в абстрактной форме или применительно конкретным обстоятельствам дела уже известных специалисту на

момент привлечения его к участию в деле положений науки, ремесла или искусства, которые имеют значение для решения исключительно процессуальных вопросов, возникающих в ходе рассмотрения дела, или, ввиду их связи с искомыми юридическими фактами, необходимы для правильного его рассмотрения и разрешения. Характер получаемых из консультации специалиста сведений позволяет прийти к выводу, что консультация специалиста в цивилистическом процессе является доказательством и служит средством познания судом доказательственных фактов и фактов, имеющих процессуальное значение.

5. Установлено, что специалист в арбитражном судопроизводстве наряду со справочно-консультационной деятельностью оказывает арбитражному суду непосредственную (техническую) помощь в процессуальном статусе переводчика. При этом арбитражные суды не имеют обеспеченной процессуальным законом возможности привлечь к участию в деле специалиста для оказания непосредственной (технической) помощи в иных случаях, не связанных с осуществлением перевода. В этой связи текущее состояние арбитражного процессуального законодательства, которое, в отличие от ГПК РФ и КАС РФ, прямо не предусматривает оказание специалистом непосредственной (технической) помощи, не может быть признано удовлетворительным.

6. Доказано, что критерием разграничения судебной и внепроцессуальной экспертизы выступает наличие в первом случае связи проведенного исследования с конкретным гражданским делом, конкретным процессом. Основываясь на этом критерии, внепроцессуальную экспертизу предлагается понимать как специальное исследование, проведенное за рамками гражданского процессуального правоотношения, возникшего между судом и иными участниками процесса в связи с рассмотрением определенного гражданского дела.

7. Обосновано, что уголовная ответственность эксперта за дачу заведомо ложного заключения, предусмотренная ч. 1 ст. 305 УК РФ, не может рассматриваться в качестве гарантии достоверности заключения эксперта или фактора, повышающего его достоверность в сравнении с результатами

внепроцессуальной экспертизы. Заведомая ложность представленного в суд заключения является частным случаем его недостоверности. Достоверность или недостоверность устанавливается судом в отношении каждого представленного доказательства, безотносительно предупреждения его составителя (источника) об уголовной ответственности.

Наличие установленной уголовным законом ответственности судебного эксперта за заведомо недобросовестное выполнение возложенной на него функции не оказывает влияния на обязанность суда проверить представленное заключение на предмет достоверности. Равным образом эта обязанность сохраняется у суда и при исследовании и оценке заключения внепроцессуальной экспертизы.

8. Обосновано, что заключение внепроцессуальной экспертизы не может быть квалифицировано в качестве одного из закрепленных в действующем цивилистическом процессуальном законодательстве средств доказывания. Признание таких заключений письменными доказательствами в гражданском и административном судопроизводствах основано исключительно на их письменной форме без учета особенностей формирования содержащейся в данном документе информации. Квалификация заключения внепроцессуальной экспертизы в качестве иного документа в арбитражном процессе также не может быть признана состоятельной ввиду неопределенности содержания и процессуального порядка получения такого средства доказывания. Содержательная близость с заключением эксперта в совокупности с неустранимыми различиями в процессуальном порядке получения позволяют прийти к выводу, что заключение внепроцессуальной экспертизы требует обособленного от известных законодательству средств доказывания правового регулирования.

9. Доказано, что рецензия на заключение эксперта представляет собой имеющий доказательственное значение результат справочно-консультационной деятельности сведущего лица, осуществляемой во внепроцессуальном порядке. Рассматривать рецензирование заключения эксперта и оформление результатов рецензирования в виде заключения внепроцессуальной экспертизы недопустимо ввиду наличия существенного различия между указанными видами деятельности,

заключающегося в моменте, с которого сведущее лицо начинает применять специальные знания. Субъект, проводящий внепроцессуальную экспертизу, применяет свои специальные знания непосредственно в ходе осуществления специального исследования. Рецензент, в свою очередь, применяет специальные знания уже после того, как ознакомится с содержанием заключения эксперта, излагая свою точку зрения в качестве сведущего лица.

10. Аргументировано, что правовая природа ответа на запрос Суда по интеллектуальным правам различается в зависимости от содержания такого документа. В случае, если перед адресатом запроса были поставлены вопросы правового характера, относящиеся к толкованию правовых норм или юридической квалификации определенных фактов, представленный в специализированный арбитражный суд ответ не имеет доказательственного значения, поскольку содержащаяся в нем информация не относится к сведениям о фактах. Если запрос направлен по вопросам, не касающимся толкования правовых норм или юридической квалификации определенных фактов, деятельность сведущего лица по составлению ответа с точки зрения своего содержания не отличается от справочно-консультационной деятельности специалиста. Различающийся порядок получения консультации специалиста и ответа на запрос Суда по интеллектуальным правам приводит к выводу о необходимости обособленного правового регулирования процессуальной формы такого ответа как средства доказывания в арбитражном судопроизводстве.

Теоретическая значимость исследования. Выводы диссертационного исследования способствуют развитию научных представлений о допустимых формах использования специальных знаний в доказательственной деятельности в цивилистическом процессе. Положения диссертации могут быть использованы в будущих научных исследованиях в области доказательственного права и гражданского процессуального права. Выводы работы относительно целей использования специальных знаний в цивилистическом процессе, элементов процессуальной формы заключения эксперта и консультации специалиста, а также предложения автора относительно надлежащей процессуальной формы

заключения внепроцессуальной экспертизы, рецензии на заключение эксперта и ответа на зарос специализированного арбитражного суда могут послужить теоретической основой для прироста научных знаний в этой области в результате дальнейших исследований.

Практическая значимость исследования заключается в выдвинутых его автором предложениях по совершенствованию (дополнению, устранению противоречий, уточнению) действующего цивилистического процессуального законодательства. В частности, в рамках диссертационного исследования разработаны проекты статей, посвященных правовому регулированию заключения внепроцессуальной экспертизы, рецензии на заключение эксперта, ответа на запрос специализированного арбитражного суда. В случае реализации этих предложений будет решена практическая проблема доказательственного значения результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой. Кроме того, выводы диссертационного исследования могут быть использованы в законотворчестве, правоприменительной практике и педагогической деятельности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность диссертационного исследования обеспечивается примененной методологией, значительным количеством изученных научных источников, собранного эмпирического материала, системным анализом действующего законодательства. В диссертации использовано более 200 судебных актов судов общей юрисдикции, арбитражных судов и Верховного Суда РФ по гражданским делам.

По отдельным выводам и положениям диссертационного исследования его автором были подготовлены доклады, прошедшие обсуждение на VII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Тенденции развития частного права» (г. Москва, 29-30 ноября 2021 г.), Ежегодной всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и соискателей «Право и правосудие в современном мире» (г. Санкт-Петербург, 25-26 марта 2022 г.), Стратегической сессии «Представительство в материальном и процессуальном праве и доступность правосудия: преодоление барьеров и

расширение возможностей» (г. Москва, 01 июня 2022 г.), круглом столе «Очная и онлайн-коммуникация в цивилистическом судопроизводстве: можно ли поставить знак равенства?» (г. Москва, 03 декабря 2022 г.), Международной научно-практической конференции «Современная реформа цивилистического процесса: оценки и перспективы» (г. Москва, 08 апреля 2023 г.), XXIV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XXIV Международной научно-практической конференции Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, 24 ноября 2023 г.), Международной научно-практической конференции VII Прокопьевские чтения «Суд и правосудие: традиция, новация, практика» (г. Калининград 06 декабря 2023 г.).

По теме диссертационного исследования опубликовано десять статей, пять из которых – в научных изданиях, включенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; пять – в иных научных изданиях.

Диссертация подготовлена на кафедре гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», где рецензировалась и обсуждалась.

Структура диссертации детерминирована целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих в себя семь параграфов, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Понятие, признаки и цели использования специальных знаний в цивилистическом процессе

Использование специальных знаний в современном цивилистическом процессе является незаменимым средством правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Прежде чем перейти к исследованию целей использования специальных знаний в цивилистическом процессе, следует определиться с используемым понятийным аппаратом.

Вопрос о содержании понятия «специальные знания» в российской правовой науке является дискуссионным.

В науке гражданского процессуального права специальные знания традиционно раскрываются через два негативных признака:

1) это знания, не являющиеся общеизвестными;
2) это знания, не являющиеся правовыми[5].

Палитра представленных в доктрине взглядов относительно характерных черт специальных знаний не исчерпывается названными выше. Так, в научной литературе достаточно часто упоминается такой признак как профессиональный характер специальных знаний[6]. Эта характеристика относится к порядку

---

[5] См., например, Эйсман А.А. Заключение эксперта в системе судебных доказательств (Исследование логической структуры доказывания, методов обоснования выводов эксперта и их оценки в уголовном процессе): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. С. 23; Лилуашвили Т.А. Применение специальных познаний в советском гражданском процессе: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 15; Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. С. 129; Давтян А.Г. Экспертиза в гражданском процессе. М.: Фирма «СПАРК», 1995. С. 17; Ганичева Е.С. Особенности применения специальных знаний в арбитражном процессе // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 120.

[6] См., например, Арсеньев В.Д., Заболоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. С. 4; Сахнова Т.В. Экспертиза в суде по гражданским делам: Учебно-практическое пособие. М., 1997. С. 9; Мохов А.А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 88-90; Леонтьева Е.А. Использование специальных знаний адвокатом - представителем по гражданским делам: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 38; Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ.

формирования у сведущего лица соответствующих знаний и понимается учеными по-разному. Рассмотрим наиболее распространенные точки зрения по обозначенному вопросу.

Первая группа ученых полагает, что специальные знания приобретаются в результате специальной теоретической и практической подготовки к определенной деятельности[7]. При этом, как правило, в качестве такой подготовки рассматривается получение сведущим лицом соответствующего профессионального образования[8].

В настоящее время опору такой точки зрения составляют положения ст. 13 Федерального закона от 31.05.2001 №73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[9] (далее также ФЗ о ГСЭД), в силу которых одним из квалификационных требований к лицу, занимающему должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях, является наличие у него высшего образования и дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности.

В правоприменительной практике также встречаются правовые позиции, в силу которых отсутствие у эксперта профессионального образования по определенной специальности свидетельствует об отсутствии у такого субъекта необходимых для проведения судебной экспертизы специальных знаний[10].

С рассматриваемой правовой позицией сложно спорить. Думается, что профессиональное образование является одним из основных путей приобретения

пособие. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2010. С. 226; Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств. М.: Проспект, 2017. С. 238.

[7] См., например, Арсеньев В.Д., Заболоцкий В.Г. Указ. соч. С. 4; Мохов А.А. Указ. соч. С. 88.;

[8] Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): Дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 1998. С. 22; Степанов В. В., Шапиро Л.Г. Специальные знания в судебной экспертизе // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 69; Климович Л.П., Логинова Н.Г., Кривоколеско И.И. Специальные знания как средство формирования адвокатом правовой позиции защиты // Адвокатская практика. 2021. № 6. С. 27 – 31; Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021, С. 26.

[9] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета», № 106, 05.06.2001.

[10] См., например, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.09.2020 № Ф08-6512/2020 по делу № А32-6105/2018 // СПС «Гарант»; апелляционное определение СК по гражданским делам Саратовского областного суда от 27.07.2022 по делу № 33-57/2022 // СПС «Гарант»; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2023 по делу № 88-25570/2023 // СПС «Гарант».

сведущими лицами специальных знаний. Вместе с тем возникает вопрос, является ли такое образование единственным источником формирования специальных знаний.

В научной литературе представлена точка зрения, в силу которой наличие профессионального образования не приводит к формированию специальных знаний в полном смысле этого термина. Субъект применения специальных знаний должен иметь опыт применения полученных в ходе специального образования знаний в конкретных практических ситуациях[11]. Представители этого направления научной мысли полагают, что для приобретения специальных знаний необходима не только специальная подготовка (образование), но и соответствующий профессиональный опыт[12].

В поддержку рассматриваемой позиции также можно привести нормы действующего законодательства. Так, ст. 25 ФЗ о ГСЭД устанавливает в качестве требования к содержанию заключения эксперта необходимость отражения в нем информации не только о специальности, но и о стаже работы эксперта. Такие же требования содержатся в ч. 2 ст. 86 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее также АПК РФ) и ч. 2 ст. 82 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[13] (далее также КАС РФ). Комплексный подход к обстоятельствам, подтверждающим наличие у лица специальных знаний (образование, практическая подготовка и стаж работы) встречается и в правоприменительной практике[14].

---

[11] Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М.: Проспект, 2011. 256 с.

[12] Шмонин А.В. Понятие и содержание специальных познаний в уголовном процессе // Российский судья. №11. 2002. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Селина Е.В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе: Дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 29-30; Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. С. 398; Классен Н.А. Использование специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам: Дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 28; Лазарева Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 29-31; Рогожин С.П. Процессуальные особенности доказывания по делам, возникающим из таможенных правоотношений: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Леонтьева Е.А. Использование специальных знаний адвокатом - представителем по гражданским делам: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010, С. 38.

[13] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 №21-ФЗ (ред. от 14.02.2024). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета», №49, 11.03.2015.

[14] См., например, решение Калужского областного суда от 02.06.2023 по делу № 3а-43/2023 // СПС «Гарант»; апелляционное определение Московского областного суда от 02.02.2022 по делу № 33-1123/2022 // СПС «Гарант»; решение Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 30.11.2023 по делу №2-2831/2023 // СПС «Гарант»; апелляционное определение Оренбургского областного суда от 17.08.2016 по делу №33-6156/2016 // СПС «Гарант».

Следует согласиться с позицией сторонников обозначенного подхода в части признания возможности опыта работы по определенной специальности служить источником формирования специальных знаний. Вместе с тем тезис о том, что специальными являются только те знания, которые приобретены в результате профессионального обучения с одной стороны и опыта работы с другой, вызывает возражения в части обязательности сочетания этих условий.

Думается, что специальные знания могут быть приобретены как в результате профессионального образования в отсутствие стажа работы по полученной специальности, так и наоборот, в результате продолжительной практической деятельности в отсутствие образовательного «фундамента». Ранее нами было высказано согласие с позицией исследователей, признающих специальное обучение предпосылкой формирования специальных знаний. Может ли, в свою очередь, опыт профессиональной деятельности в отсутствие специального образования служить самостоятельным признаком, наличия которого достаточно для вывода о наличии у лица специальных знаний?

Для ответа на поставленный вопрос приведем пример из судебной практики. В ходе рассмотрения одного из дел Октябрьским районным судом г. Ижевска Удмуртской Республики была назначена почерковедческая экспертиза. Проведение экспертного исследования было поручено лицу, имеющему высшее техническое образование и, при этом, более 16 лет опыта работы экспертом-почерковедом. Представителем истца было заявлено о несогласии с результатами проведенного этим экспертом исследования ввиду недостаточной квалификации эксперта. Оценивая представленное заключение, судом было отмечено, что подтвердить наличие специальных знаний эксперт может как документами об образовании и/или повышении квалификации по соответствующей специальности, **так и стажем работы по данной специальности** (выделено мной – А.Л.)[15].

В другом деле, которое рассматривалось Промышленным районным судом г. Ставрополя Ставропольского края по делу была назначена судебная строительно-

[15] Решение Октябрьского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 13.01.2021 по делу № 2-607/2021 // СПС «Гарант».

техническая и оценочная экспертиза. В ходе исследования в судебном заседании заключения эксперта истец заявил о его недостоверности ввиду отсутствия у эксперта профильного образования. По результатам рассмотрения этого возражения, суд, в частности, пришел к выводу о несостоятельности доводов истца ввиду того, что эксперт имеет высшее образование по специальности «инженер», а также **является индивидуальным предпринимателем, и к видам его деятельности относится изготовление мебели**[16] (выделено мной – А.Л.).

В каждом из приведенных дел суды пришли к выводу о достаточной квалификации экспертов, в том числе, исходя из их опыта работы в сфере, в которой требовалось проведение экспертизы.

Следует также обратить внимание, что приведенная выше правовая позиция относительно допустимости подтверждения наличия специальных знаний как документами об образовании, так и стажем работы по определенной специальности достаточно распространена в правоприменительной практике[17].

Кроме того, на схожее толкование ч. 1 ст. 55 АПК РФ обращал внимание Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 21 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц: экспертом в области иностранного права может быть лицо, обладающее специальными познаниями в области иностранного права, что может подтверждаться его научными исследованиями в области иностранного права **или его практической деятельностью в данной сфере** (выделено мной – А.Л.)[18].

Изложенные примеры позволяют сделать вывод, что опыт профессиональной деятельности в определенной сфере наравне со специальной подготовкой может

---

[16] Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя Ставропольского края от 24.10.2023 по делу № 2-5025/2023 // СПС «Гарант».

[17] См., например, постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2020 № 08АП-12723/2020 по делу № А75-17744/2019 // СПС «Гарант»; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2020 по делу № 88-3420/2020 // СПС «Гарант»; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2023 по делу № 88-2690/2023 // СПС «Гарант»; апелляционное определение Алтайского краевого суда от 05.10.2021 по делу № 33-7305/2021 // СПС «Гарант»; решение Борисоглебского городского суда Воронежской области от 29.12.2022 по делу № 2-1261/2022 // СПС «Гарант».

[18] П. 21 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» (вместе с «Обзором судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дела с участием иностранных лиц») // СПС «КонсультантПлюс».

служить самостоятельными источником формирования специальных знаний. В этом свете заслуживает внимания позиция тех исследователей, которые полагают, что специальные знания приобретаются путем специальной подготовки или профессионального опыта[19]. Достоинством этой точки зрения является признание за опытом практической работы значения возможного источника приобретения специальных знаний в отсутствие профессионального образования. Вместе с тем признать такую позицию бесспорной не представляется возможным. Несмотря на самостоятельность образовательного и практического путей овладения специальными знаниями, думается, что не являются редкими ситуации, в которых для выполнения своей процессуальной функции сведущему лицу необходимо не только специальное образование, но и профессиональный опыт (и, наоборот, не только опыт, но и образование).

В этом контексте представляется уместным привести точку зрения Л.В. Лазаревой, которая пишет, что без соответствующих научных знаний, позволяющих, например, систематизировать полученные в процессе практической деятельности наработки в целях дальнейшего совершенствования своего профессионального уровня, субъект не может быть отнесен к разряду специалистов, обладающих специальными знаниями, в полном смысле этого термина. Так же как и знания научных основ, приобретенные в процессе обучения, без опыта практической деятельности нельзя считать в должном смысле специальными знаниями. Лишь сочетание теоретической и практической основ образует специальные знания[20]. Уточним, что эту позицию мы считаем верной исключительно для ситуаций, в которых стоящая перед сведущим лицом конкретная процессуальная задача требует наличия у него специальных знаний,

---

[19] Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. С. 20; Документально-проверочная деятельность органов внутренних дел при расследовании преступлений в сфере налогообложения: монография / под ред. А. П. Опальского. М., 2011. С. 37; Поздняков М.А. Понятие и признаки специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 156; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 7.

[20] Лазарева Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 29-31.

сформированных как в результате специальной подготовки, так и вследствие профессиональной деятельности.

В свете обозначенной проблемы, на наш взгляд, следует обратиться к позиции А.Т. Боннера, который рассматривал специальные знания как совокупность профессиональных знаний, навыков и умений, приобретенных в результате специального образования **и (или)** (выделено мной – А.Л.) опыта работы, соответствующую современному уровню развития определенной области науки, техники, искусства или ремесла и являющейся достаточной для проведения экспертного исследования и дачи компетентного заключения по интересующим суд вопросам по конкретному делу[21]. Как видно из приведенного определения, А.Т. Боннер не рассматривает специальное образование и опыт как две обязательные предпосылки формирования у будущего сведущего лица специальных знаний. Профессиональный характер специальных знаний предполагает, что они могут быть приобретены как в результате специального обучения, при отсутствии опыта работы по соответствующей профессии, так и в результате осуществления профессиональной деятельности без получения образования в этой области. При этом, рассматриваемое определение остается правильным и для ситуаций, в которых для решения возникших в ходе рассмотрения гражданского дела вопросов требуются специальные знания, полученные в результате профессионального обучения и подкрепленные опытом работы по конкретной специальности. Именно подобный подход к признаку профессиональности специальных знаний представляется верным.

Предложенное А.Т. Боннером определение примечательно еще одной особенностью – специальные знания рассматриваются данным автором как собирательное понятие, объединяющее знания, умения и навыки. На этот признак специальных знаний также довольно часто обращается внимание в научной литературе[22].

---

[21] Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М.: Проспект, 2013. С. 275.

[22] См., например, Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. С. 7; Сорокотягин И.Н. Специальные познания в расследовании преступлений. Ростов: Издательство Ростовского университета, 1984. С. 5;

Придание понятию специальных знаний комплексного характера, объединение в его содержании не только знаний, но также умений и навыков в полной мере соответствует действующему правовому регулированию и системе процессуальных форм использования специальных знаний.

Так, для осуществления справочно-консультационной деятельности специалисту достаточно иметь знания в области, по которой дается консультация. Так, к примеру, сообщая суду фармакологические свойства медицинского препарата, специалист не осуществляет каких-либо практических действий, связанных с применением специальных знаний (не проводит исследование), а только предоставляет уже известную ему информацию.

Как справедливо отмечает С.М. Михайлов, оказание непосредственной помощи при исследовании доказательств и совершении других процессуальных действий требует не только знаний, но и основанных на них навыков, которые являются не чем иным, как готовностью к профессиональному осуществлению конкретных практических действий по оказанию помощи суду[23]. В равной степени это правило может быть распространено и на сведущее лицо, проводящее судебную экспертизу, которая является наиболее сложной формой применения специальных знаний в судопроизводстве.

Так, например, при проведении строительно-технической экспертизы эксперту-строителю нужно не только знать, какие строительные недостатки являются устранимыми и неустранимыми, он также должен уметь выявлять и различать между собой такие недостатки в объекте строительства.

В рамках определения набора признаков специальных знаний в научной литературе рассматривается вопрос их соотношения с научными знаниями. Так, некоторые исследователи полагают, что специальные знания представляют собой

Селина Е.В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе: Дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 27-28, 29; Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. С. 77-78.

[23] Михайлов С.М. Консультация специалиста как форма использования специальных знаний с неопределенным процессуальным статусом в проекте Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Юридический мир. 2014. № 1. С. 13-16.

научные знания[24]. Другая представленная в доктрине точка зрения заключается в признании научной основы специальных знаний, а не их характера[25].

На наш взгляд, более правильной является вторая из обозначенных позиций. Так, к примеру, процессуальная деятельность переводчика по применению специальных знаний не может быть охарактеризована как научная. Вместе с тем знания переводчика, позволяющие ему выполнять свою процессуальную функцию, основаны на положениях науки – лингвистики.

Как было отмечено выше, традиционной в доктрине является точка зрения, в силу которой правовые знания не относятся к специальным. Однако, в научной литературе представлена и другая точка зрения. Так, некоторые исследователи полагают, что правовые знания по своей природе являются специальными[26].

Такая позиция, на наш взгляд, вполне имеет право на существование в контексте общего деления знаний на общеизвестные и специальные. Однако при этом представляется, что правовые знания не могут быть в полном объеме отнесены к числу специальных в значении, которое придается этому термину в цивилистическом процессе, по следующей причине.

Понятие специальных знаний не различается в зависимости от процессуальной формы их применения. Как в случае проведения по делу судебной экспертизы, так и при получении консультации специалиста или оказании специалистом суду непосредственной (технической) помощи специальные знания понимаются одинаково. Независимо от принадлежности применяемых сведущим

---

[24] Гродзинский М.М. Сущность и формы экспертизы в советском уголовном процессе // Ученые записки Харьковского юридического института. Харьков, 1956. Вып. 6. С. 8.; Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М.: Юрид. литература, 1964. С. 14.; Исаев А.А. Роль судебной экспертизы в квалификации преступлений: Дис. … д-ра юрид. наук. Алматы, 1998, С. 31; Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): Дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 1998, С. 20.

[25] См., например, Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М.: Юрид. лит., 1967. С. 17-22; Трапезникова И.И. Специальные знания в уголовном процессе России: Понятие, признаки, структура: Дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 133-134; Мохов А.А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика: Дис…. д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 88; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. С. 11.

[26] См., например, Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. С. 81.; Жижина М.В. Криминалистическая экспертиза документов в арбитражном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 42 - 43; Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021, С. 26.

лицом знаний к определенной сфере науки, ремесла или искусства результат такой деятельности имеет одинаковое значение, определенное формой, в которой применяются специальные знания. В случае, если применение определенных знаний в одной из обозначенных процессуальных форм не приведет к получению соответствующего такой форме результату, на наш взгляд, это является основанием для вывода об иной по отношению к специальным природе применяемых знаний.

Основной формой процессуальной деятельности сведущих лиц в цивилистическом процессе является проведение судебной экспертизы, а основным результатом применения специальных знаний, соответственно, - заключение эксперта, которое является одним из предусмотренных процессуальным законодательством доказательств (средств доказывания) (ст. 86 ГПК РФ, ст. 86 АПК РФ, ст. 82 КАС РФ).

В научной литературе понятие доказательств раскрывалось по-разному[27]. Некоторые ученые рассматривали доказательства как фактические обстоятельства (сведения о фактах)[28], другие – как фактические обстоятельства (сведения о фактах) и, равным образом, средства доказывания[29], третьи – как единое понятие, объединяющее сведения о фактах и установленные процессуальным законодательством средства их установления[30].

Независимо от избранной тем или иным ученым точки зрения из числа обозначенных выше, общей чертой указанных подходов является рассмотрение доказательств как сведений о фактах (фактов, фактических данных, информации),

---

[27] Поскольку подробное исследование вопроса о понятии судебных доказательств выходит за рамки предмета настоящей работы, ниже будут обозначены основные подходы к сущности данного правового явления.

[28] См., например, Мирлес А.А. Основные начала русского гражданского процесса. Киев. 1910. С. 57; Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб., 1913. С. 204; Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 223; Курылев С.В. Избранные труды. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. С. 53.

[29] См., например, Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М., 1909. С. 178-179; Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др.; под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 146-147 (автор главы – А.К. Сергун).

[30] Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. С. 6; Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том второй: Гражданское судопроизводство как форма отправления правосудия. М.: Статут, 2009. С. 271 (автор главы – Д.А. Фурсов).

находящихся в определенной связи с обстоятельствами, подлежащими установлению судом по делу.

Именно как сведения о фактах определяются судебные доказательства и в современном процессуальном законодательстве. Так, под доказательствами по делу понимаются полученные в предусмотренном законом сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела (ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, ч. 1 ст. 64 АПК РФ, ч. 1 ст. 59 КАС РФ).

Рассмотрим возможность получения сведений о фактах из результатов применения правовых знаний.

Думается, что при рассмотрении судами гражданских дел правовые знания могут использоваться в двух направлениях:

– для установления наличия и содержания правовых норм;

– для выяснения мнения лица, владеющего правовыми знаниями, относительно толкования норм права и их применения к конкретным правоотношениям, о юридической квалификации правоотношений, выступающих предметом судебного рассмотрения.

Действующее законодательство предусматривает несколько механизмов, позволяющих получить от сведущих в вопросах права лиц информацию относительно содержания норм права.

Так, ч. 2 ст. 50 КАС РФ предусматривает возможность обращения суда к специалисту с вопросами, связанными с установлением содержания положений нормативного правового акта, норм иностранного права, технических норм. В соответствии с ч. 2 ст. 14 АПК РФ, арбитражный суд может привлечь к участию в деле экспертов в целях установления содержания норм иностранного права. При этом, под сведениями о содержании норм иностранного права правоприменительная практика понимает тексты иностранных правовых актов, ссылки на источники опубликования иностранных правовых актов, заключения о содержании норм иностранного права, подготовленные лицами, обладающими

специальными познаниями в данной области[31]. На возможность привлечения к участию в деле экспертов в целях установления норм иностранного права указывается в п. 1 ст. 166 Семейного кодекса Российской Федерации[32] (далее также СК РФ) и п. 1 ст. 1191 Гражданского кодекса Российской Федерации[33] (далее также ГК РФ). Думается, что законодателем в этих нормах не вполне верно определен процессуальный статус сведущего лица, сообщающего суду сведения о содержании норм иностранного права. Так, в арбитражном процессуальном[34], гражданском и семейном законодательстве указывается, что такое лицо суд может привлечь в качестве эксперта. Вместе с тем как будет показано далее по тексту настоящего исследования, такое лицо может приобретать процессуальный статус как эксперта, так и специалиста, в зависимости от правовой системы, содержание норм которой необходимо установить суду.

Таким образом, в настоящее время законодательно предусмотрено привлечение сведущих лиц к участию в деле для установления содержания как российского, так и иностранного права. Рассмотрим оправданность такого правового регулирования.

Некоторые исследователи полагают, что предпосылкой изменения взглядов относительно принадлежности правовых знаний к числу специальных стала, в том числе, норма ст. 63 Федерального закона от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О

---

[31] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // СПС «КонсультантПлюс».

[32] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета», № 17, 27.01.1996.

[33] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета» № 233, 28.11.2001.

[34] Особенно интересен процессуальный статус лиц, которые в арбитражном процессе привлекаются к участию в деле для установления содержания иностранного права, в свете разъяснений, содержащихся в п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23. Верховный Суд РФ прямо обращает внимание, что заключение о содержании норм иностранного права не является заключением эксперта, а к процедуре привлечения эксперта в этом случае не применяются положения АПК РФ о назначении экспертизы. При таких обстоятельствах возникают вопросы, какое процессуальное положение занимает в арбитражном судопроизводстве такой «эксперт», и как следует квалифицировать его заключение? При ответе на второй вопрос предположим, что неопределенность в доказательственном значении такого заключения может быть разрешена путем признания его иным документом (ст. 89 АПК РФ). В свою очередь, сделать сколько-нибудь определенный вывод относительно процессуального статуса, который приобретает «эксперт», сообщающий суду сведения о содержании иностранного права, из положений действующего законодательства и правоприменительной практики не представляется возможным.

Конституционном Суде Российской Федерации»[35], которая на протяжении более чем 25 лет допускала обращение к экспертам по вопросам рассматриваемого дела. Специфика рассматриваемых в порядке конституционного судопроизводства дел приводила исследователей к выводу о том, что заключения экспертов, представляемых в Конституционный Суд РФ, носят правовой характер[36]. На сегодняшний день такой довод не может быть признан актуальным ввиду внесенных в указанную выше норму изменений, в силу которых вопросы, для разрешения которых Конституционный Суд РФ привлекает к участию в деле эксперта, не должны непосредственно относиться к сфере российского права[37].

Думается, что привлечение сведущих лиц для установления содержания российского права противоречит принципу jura novit curia. Не погружаясь в эту дискуссию, согласимся с точкой зрения П.Д. Блохина, который пишет: «предполагается, что содержание российского права не является информацией, недоступной непосредственному восприятию судьи»[38]. Представляется, что в условиях непрекращающегося и стремительного роста объема источников права, а также их цифровизации и каталогизации в справочно-правовые системы содержание принципа jura novit curia неизбежно трансформируется. Думается, что в настоящее время эта максима должна звучать не как «судья знает право», а как «судья может отыскать право».

Сформулированное правило видится справедливым для таких «традиционных» источников национального права как нормативные правовые акты. При этом, представляется допустимым обращение к сведущим лицам для установления наличия и содержания национальных правовых обычаев в случае,

---

[35] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 29.07.2018). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета», № 138-139, 23.07.1994.

[36] Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова [и др.] ; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 453 (автор главы – Н.Н. Раскатова).

[37] Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 11.11.2020. № 253.

[38] Блохин П.Д. Умножение сущностей: обращение Конституционного Суда РФ к международной (зарубежной) судебной практике // Вестник исполнительного производства. 2021. № 3. С. 8.

если таковые не известны суду и не зафиксированы в каких-либо общедоступных документах (к примеру, в Единой политике разрешения доменных споров UDRP[39]).

В условиях усложняющихся под влиянием цифровизации и глобализации общественных отношений особую актуальность приобретает вопрос возникновения новых источников права. К числу таковых могут быть отнесены правовая доктрина[40], корпоративные акты[41], акты «мягкого права» (soft law)[42], компьютерный код[43], государственные и муниципальные информационные системы[44]. Представляется, что каждое из обозначенных явлений заслуживает самостоятельного исследования на предмет наличия у него признаков источника права. Такое исследование выходит за пределы предмета настоящей работы. Вместе с тем, отметим, что признание любого из упомянутых выше явлений источником российского права, на наш взгляд, приведет к необходимости привлечения к участию в деле сведущего лица для исследования его природы и содержания.

Так, думается, что содержание правовой нормы, выраженной в программном коде недоступно для непосредственного восприятия судом. Его выявление требует специальных компетенций, выходящих за рамки профессиональной квалификации судей. Равным образом, несмотря на то, что будущий судья при получении юридического образования знакомится с литературой по актуальным проблемам права, следует констатировать, что объем научных исследований по правовым

---

[39] По мнению В.О. Калятина указанная политика должна квалифицироваться в качестве правового обычая в случае, если обязательность ее применения не была согласована сторонами договора. См. Протокол заседания Научно-консультативного Совета при Суде по интеллектуальным правам (23 января 2014 года) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 4. С. 9.

[40] См., например, Чайкина А.В. Источники гражданского процессуального права: Дис. … канд. юрид. наук. М. 2021. С. 164-173; Османова Д.О. Доктрина как источник гражданского права // Хозяйство и право. 2023. № 12. С. 3 - 20.

[41] См., например, Потапов В.А. Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. 2006. С. 14; Лескова Ю.Г., Диденко А.А. Корпоративные акты как источники корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 15 – 20.

[42] См., например, Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / Т.К. Андреева, С.Ф. Афанасьев, В.В. Блажеев и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. Т. 1: Общая часть. С. 467 (автор главы – В.В. Ярков); Залоило М.В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 22 – 37; Авхадеев В.Р. Правовое регулирование освоения морских биоресурсов Арктики: нормы международного права и механизмы сотрудничества государств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 216 – 239.

[43] См., например, Ефимова Л.Г. Источники правового регулирования общественных отношений в киберпространстве // Lex russica. 2020. № 3. С. 114 - 120.

[44] Эволюция права под воздействием цифровых технологий: монография / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов. М.: Норма, 2023. С. 84-104 (автор разделов 3.1-3.3 – С.Е. Чаннов, авторы разделов 3.4-3.5 – Р.В. Амелин в соавторстве с С.Е. Чанновым).

наукам просто не позволяет одному человеку знать доктринальные подходы ко всем возникающим в практической деятельности вопросам и проблемам.

Таким образом, по нашему мнению, специальные знания правового характера могут понадобиться судам в будущем в случае возникновения новых источников российского права. В случае, если для правильного рассмотрения и разрешения спора требуется установить содержание иностранного права, ситуация складывается следующим образом. Знание российским судом правовых норм всех зарубежных правопорядков, разумеется, невозможно. Поэтому думается, что привлечение судом сведущих в вопросах иностранного права лиц в этих целях более чем оправданно. Процессуальная форма, в которую будет облекаться такая деятельность, зависит от характера поставленных перед сведущим лицом вопросов и особенностей зарубежной правовой системы. Так, информация о содержании зарубежных источников позитивного права может быть представлена в суд в форме консультации специалиста, поскольку добывается без проведения углубленного исследования. В свою очередь, если для установления содержания права отдельных государств, относящихся, к примеру, к англо-саксонской правовой семье, необходимо провести исследование правоприменительной практики такого государства по обстоятельствам рассматриваемого дела, такая деятельность сведущего лица должна осуществляться в форме судебной экспертизы.

При решении вопроса об отнесении знаний в области международного права к специальным представляется правильным исходить из следующего. С одной стороны, многие источники международного права имеют официальный русскоязычный текст, значит, установить их непосредственное содержание путем прочтения для суда не составляет труда и не требует специальных знаний. Вместе с тем, зачастую содержание норм международного права устанавливается на основе актов толкования норм международных договоров и конвенций международными судами[45]. Учитывая, что акты таких наднациональных органов

[45] О необходимости толкования норм международного права с учетом актов наднациональных судебных органов см., например, п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Российская газета. 22.06.2012. № 141; «Обобщение правовых позиций и

могут быть в силу различных причин недоступны для российских судов (отсутствие перевода на русский язык, недоступность текста в справочно-правовых системах, большое число актов по толкованию отдельной нормы), представляется оправданным привлечение к участию в рассмотрении дела специалиста в области международного права для донесения до суда сведений о содержании соответствующих правовых норм.

В научной литературе представлена иная точка зрения относительно содержания процессуальной деятельности сведущих в правовых вопросах лиц. Так, например, А.А. Мохов, отстаивая допустимость назначения в гражданском судопроизводстве правовой экспертизы, полагает целесообразным обращение суда к сведущим в области права лицам за получением акта квалифицированного толкования права, а также за заключением о возможности и порядке применения аналогии права и аналогии закона[46].

В настоящее время наиболее распространенной в научной литературе является точка зрения, в силу которой под толкованием права понимается деятельность по уяснению и разъяснению смысла права, находящая выражение в определенном акте толкования[47]. Объектом толкования права является государственная воля, официально выраженная и объективно закрепленная в письменной форме[48].

При таких обстоятельствах результатом правовой экспертизы является получение судом сведений о выраженной в правовых нормах воле законодателя.

Для правильного рассмотрения и разрешения спора суду необходимо установить имевшие место между сторонами жизненные обстоятельства, с

практики Суда Евразийского экономического союза» (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

[46] Мохов А.А. Указ. соч. С. 54.

[47] См., например, Кошелева В.В. Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики: Дис. … канд. юрид. наук. Саратов. 1999. С. 12-13; Белоносов В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права России: монография. Самара: Издательство «Самраский университет», 2006. С. 5; Вопленко Н.Н. Толкование права: монография. Волгоград.: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 5; Гаврилова Ю.А. Толкование права по объему: Дис. … канд. юрид. наук. Волгоград. 2008. С. 17; Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. С. 268; Толстик В.А., Дворников Н.Л., Каргин К.В. Системное толкование норм права. М.: ИД «Юриспруденция», 2011. С. 26; Пирмаев Е.В. Судебное толкование (теоретико-правовое исследование): Дис. … канд. юрид. наук. Иркутск. 2019. С. 30, 37.

[48] Вопленко Н.Н. Толкование права: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 14.

которыми нормы действующего права связывают правовые последствия, то есть юридические факты.

Жизненные обстоятельства признаются юридическими фактами в результате их сопоставления с правовыми нормами, отражающими волю законодателя. Следовательно, саму волю субъекта правотворчества признать юридическим фактом невозможно. Иначе образуется неразрешимый логический парадокс, в котором для того, чтобы выявить потребность в установлении воли законодателя (юридического факта) необходимо сначала установить волю законодателя, которая связывает с этим юридическим фактом правовые последствия.

Сделать вывод о допустимости проведения в ходе отправления правосудия по гражданским и административным делам правовых экспертиз с целью получения акта компетентного толкования права не представляется возможным также по следующей причине.

При признании воли законодателя, выраженной в праве, фактическим обстоятельством, неизбежно возникает вопрос о порядке познания судом такого обстоятельства. Как было отмечено выше, А.А. Мохов предлагает опосредованный путь познания такого явления – судебное доказывание.

В современном цивилистическом процессе сохраняет свое действие правило распределения ролей участников процесса между лицами, участвующими в деле, и судом, которое точно сформулировал еще Е.В. Васьковский: «Для проверки правомерности иска суду нужно установить, во-первых, фактические обстоятельства дела, из которых истец выводит свое требование, и, во-вторых, юридические нормы, под которые эти обстоятельства подходят… По общему правилу, тяжущиеся обязаны установить *(представляется, что автор имеет в виду обязанность тяжущихся доказать – А.Л.)* содержание малой посылки, т.е. фактические обстоятельства дела. Напротив, юридические нормы, под которые эти обстоятельства подходят, и эмпирические положения устанавливаются самим судом»[49].

[49] Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. Краснодар, 2003, С. 290-291.

Возложение на стороны «бремени доказывания» правовых норм, их смысла и содержания поставило бы стороны перед необходимостью не только знать действующее законодательство, но также уметь его правильно толковать. Иными словами, стороны в такой ситуации должны сами быть лицами, сведущими в вопросах права. В противном случае они не смогут самостоятельно обеспечить защиту своих нарушенных или оспариваемых прав.

В контексте исследуемого вопроса представляет интерес одно из требований к содержанию искового заявления, установленное в п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ и заключающееся в необходимости указания в иске ссылок на законы и нормативно-правовые акты, на которых основаны требования истца к ответчику. На наш взгляд, такое требование не свидетельствует о наличии у лиц, участвующих в деле (в данном случае – у истца), обязанность обосновывать суду избранную ими квалификацию спорных правоотношений и юридических фактов, на которых основаны требования и возражения. Так, в настоящее время сохраняет силу постановление Пленума Верховного суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010, в п. 3 которого было разъяснено, что правовые нормы, на которые ссылаются лица, участвующие в деле, и юридическая квалификация сторонами фактов основания иска не являются обязательными для суда при рассмотрении дела[50]. Обоснование правильности такого подхода можно обнаружить в дореволюционной процессуальной литературе. Так, В.М. Гордон рассматривал юридическую квалификацию фактов основания иска в качестве логического вывода, имеющего своими посылками, с одной стороны, факты основания иска, а с другой – подходящие к ним нормы права. Поскольку определение подлежащего применению к спорным правоотношениям является исключительной компетенцией суда (что не оспаривается сторонниками правовых экспертиз), вывод сторон относительно такой квалификации не может иметь значения для суда[51].

---

[50] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета», № 109, 21.05.2010.

[51] Гордон В.М. Основание иска в составе измененных требований. Ярославль, 1902. С. 56.

Обобщая изложенное, можно прийти к выводу, что знания в области российского права, за исключением знаний о сформировавшихся правовых обычаях, в настоящее время не могут быть отнесены к специальным, поскольку не могут быть использованы для получения сведений о фактических обстоятельствах посредством судебной экспертизы.

Заслуживает упоминания еще один встречающийся в научной литературе признак специальных знаний. О.Г. Дьяконова, обобщая представленные в научной литературе точи зрения относительно содержания понятия специальные «знания» приходит к выводу, что одним из признаков, присущих рассматриваемому явлению, выступает наличие у результатов использования специальных знаний доказательственного значения (у процессуальных форм использования специальных знаний) и ориентирующего значения (у непроцессуальных)[52].

Прежде чем приступать к анализу данной точки зрения представляется необходимым определить содержание категории «доказательственное значение» и установить ее соотношение с понятием доказательства.

Термин «доказательственное значение» неизвестен цивилистическим процессуальным кодексам, но при этом встречается в ряде других нормативных правовых актах различной отраслевой принадлежности. Так, в статье 12 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» отчет об оценке рассматривается как документ, содержащий сведения доказательственного значения[53]. Законодательство об арбитраже устанавливает правило о необходимости направления сторонам заключений экспертов и других документов, имеющих доказательственное значение **и на которых третейский суд может основываться при принятии решения**[54].

---

[52] Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: Дис…. д-ра юрид. наук. М., 2021, С. 26.

[53] Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета. № 148-149. 06.08.1998.

[54] См. ст. 27 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета, № 297, 31.12.2015; ст. 25 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1

В научной литературе по цивилистическому процессу категория «доказательственное значение» используется применительно к различным правовым явлениям. Некоторые ученые пишут о доказательственном значении определенного средства доказывания[55], другие – о доказательственном значении действий и процессуального поведения[56], третьи – о доказательственном значении информации и ее источников[57]. Наконец, ряд авторов использует этот термин применительно ко всем названным объектам[58].

При этом, исходя из контекста, в котором используется рассматриваемая категория, можно сделать вывод, что данный термин понимается в научной литературе в двух значениях.

В силу первого подхода доказательственное значение рассматривается как способность определенного правового явления (информации, источника информации, средства доказывания, поведения) служить средством установления фактических обстоятельств гражданского дела[59].

(ред. от 30.12.2021) «О международном коммерческом арбитраже». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета, № 156, 14.08.1993.

[55] См., например, Короткий С.А. Аудио- и видеозаписи как средства доказывания в гражданском процессе: Дис…. канд. юрид. наук. М., 2010, С. 16, 17; Романов А.А. Объяснения сторон и третьих лиц как доказательства в российском гражданском процессе // Российский судья. 2023. № 4. С. 18 – 21.

[56] См., например, Нахова Е.А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. С. 107; Луконина Ю.А. Правовая природа досудебного порядка урегулирования спора в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 10. С. 37 – 41.

[57] См., например, Медведев И.Г. Письменные доказательства в гражданском процессе России и Франции: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 130; Макушкина Е.Э. Право адвоката на сбор доказательств: гражданско-процессуальный аспект: Дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2007. С. 29-31, 42, 124, 194; Шварц М.З. К вопросу о доказательственном значении государственной регистрации права на недвижимое имущество (некоторые размышления над правовой позицией Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 24.05.2012 № 17802/11) // Арбитражные споры. 2013. № 3. С. 135 – 150; Смолина О.С. Доказывание и доказательства при оспаривании ненормативных правовых актов по результатам налоговых проверок в арбитражном суде: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 52, 59; Бегдан О.Л. Концентрация доказательств в гражданском судопроизводстве: Дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 88, 121, 124; Жижина М.В. О выплате вознаграждения эксперту за проведение судебной экспертизы в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2023. № 3. С. 86 - 93; Дьяконова О.Г. Рецензия специалиста на заключение судебной экспертизы: понятие, сущность, нормативное регулирование // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 84 – 97.

[58] Юдельсон К.С. Судебные доказательства в гражданском процессе. М. 1956. С. 143-145; Сахнова Т.В. Доказательственное значение специальных познаний «ЭЖ-Юрист», № 21, 2004 // СПС «КонсультантПлюс»; Треушников М.К. Судебные доказательства. изд. 4-е, испр. и доп. М.: Городец, 2005. С. 167, 176, 181, 186, 256; Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011, С. 83, 261, 265.

[59] См., например, Галяух Е.А., Голубенко К.А. Досудебная экспертиза как доказательство в цивилистическом процессе России // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 154 – 178; Газарова С.А. К вопросу об отнесении заключения органа государственной власти или органа местного самоуправления к доказательствам в арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 1. С. 72 – 75, Маколкин Н.Н. Некоторые характеристики доказательств: историко-правовой анализ // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 193 – 202; Романов А.А. Объяснения сторон и третьих лиц как доказательства в российском гражданском процессе // Российский судья. 2023. № 4. С. 18 – 21.

В ряде других научных трудов термин «доказательственное значение» используется вместе с качественными прилагательными «большее»-«меньшее», из чего можно сделать вывод, что под доказательственным значением понимается качественная характеристика определенного источника информации в сравнении с другими источниками[60]. Иными словами, представляется, что в рамках этой точки зрения с использованием категории «доказательственное значение» рассматривается достаточность отдельно взятого доказательства для установления определенного юридического факта.

Думается, что в рамках научной полемики использование термина «доказательственное значение» возможно в обоих указанных выше случаях. Вместе с тем отметим, что в значении, которое придается рассматриваемой категории в рамках второго из обозначенных подходов, «доказательственное значение» синонимично с «доказательственной силой».

В рамках настоящего исследования автор придерживается концепции единого понятия судебного доказательства, в силу которой, как было отмечено выше, доказательство образуют единство содержания и формы. На наш взгляд, категория «доказательственное значение» применима к содержательной составляющей понятия судебного доказательства и характеризует **потенциальную возможность получения из определенной информации сведений о фактических обстоятельствах дела**. В этом контексте такая информация имеет доказательственное значение, если в ней содержатся и из нее могут быть получены сведения о фактах. Однако при признании за определенным правовым явлением доказательственного значения еще не определяется надлежащая процессуальная форма такой доказательственной информации.

Вернемся к рассмотрению предложенного О.Г. Дьяконовой признаку специальных знаний – наличие у их результатов доказательственного или

[60] См., например, Рихтерман В.Я., Родионов В.И. Доказательственное значение судебной экспертизы в арбитражном процессе. Правовые аспекты оценки заключения эксперта и возможности его критического восприятия // Закон. 2019. № 10. С. 63 – 72; Константина Е.И. Протокол допроса свидетеля: доказательственное значение в налоговых спорах // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 46 – 49; Рехтина И.В. Обстоятельства, подтвержденные нотариусом, как факты, не подлежащие доказыванию: спорные вопросы // Современное право. 2023. № 6. С. 63 - 68.

ориентирующего значения. Выделение такой характерной черты специальных знаний видится спорным по следующим причинам.

Во-первых, одной из форм использования специальных знаний в цивилистическом процессе выступает непосредственная (техническая) помощь. Процессуальная деятельность специалиста, осуществляемая в этой форме, не всегда имеет какой-либо находящий отражение в материалах дела результат, тем более имеющий доказательственное значение. К примеру, участие в деле переводчика не приводит к формированию какого-либо самостоятельного результата, который мог бы быть обособлен от переведенных им объяснений (заключений, выступлений, заявлений, ходатайств) других участников цивилистического процесса.

Во-вторых, О.Г. Дьяконова не уточняет, в чем заключается ориентирующее значение результатов использования специальных знаний, и каким образом они ориентируют суд в своей процессуальной деятельности. Одним из компонентов гражданской процессуальной формы, рассматриваемой нами как совокупность минимальных гарантий достижения целей гражданского судопроизводства, является строгая регламентация процессуальной деятельности всех участников процесса. Процессуальному законодательству неизвестно такое правовое явление как документы (материалы), имеющие для суда ориентирующее значение при вынесении решения. Введение в сферу правового регулирования цивилистического процесса этой категории повлечет необходимость установления соотношения ее содержания с принципом независимости судей и с целым рядом институтов доказательственного права, прежде всего – с оценкой доказательств. Представляется, что подобное нововведение является излишним, поскольку не обогащает правовое регулирование и не способствует достижению целей цивилистического процесса.

Обобщая проведенный анализ точек зрения относительно понятия специальных знаний в цивилистическом процессе, сформулируем определение, учитывающее устойчивые признаки этого явления.

Под специальными знаниями в цивилистическом процессе следует понимать имеющие научную основу профессиональные знания, умения и навыки, не относящиеся к общеизвестным и юридическим знаниям в области национального законодательства.

Обратим внимание, что предлагаемое определение не содержит указания на цель использования специальных знаний, в то время как в научной литературе предпринимаются попытки в качестве одного из признаков изучаемого явления такую цель выделить. Прежде, чем переходить к рассмотрению доктринальных подходов по обозначенному вопросу, представляется необходимым остановиться на соотношении понятий «использование специальных знаний» и «применение специальных знаний». В рамках настоящего исследования автор придерживается точки зрения тех ученых, которые разделяют указанные понятия. Точка зрения этой группы исследователей заключается в том, что применяют специальные знания субъекты, непосредственно ими владеющие. Субъекты, ведущие процесс, в свою очередь, используют специальные знания сведущих лиц, в том числе выраженные в результатах их процессуальной деятельности (заключении эксперта, консультации специалиста)[61]. Следует при этом согласиться со справедливым замечанием О.Г. Дьяконовой, которая полагает, что термин «использование» в определенной степени охватывает своим значением термин «применение»[62]. Вместе с тем разграничение исследуемых категорий, на наш взгляд, имеет важное практическое значение. Так, использование более широкого по содержанию термина приведет к тому, что из словосочетания «результат использования специальных знаний» невозможно будет определить, речь идет о результате процессуальной деятельности сведущего лица (заключение эксперта, консультация специалиста) или же об описательно-мотивировочной части решения суда, в которой отражаются установленные судом с помощью сведущих лиц фактические обстоятельства. Равным образом двоякое значение будет иметь цель использования

---

[61] См., например, Экспертиза в судопроизводстве: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. С. 12. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008, С. 202-203.

[62] Дьяконова О.Г. Указ. соч. С. 27.

специальных знаний. В связи с изложенным, далее по тексту настоящего исследования термины «использование» и «применение» специальных знаний приводятся в конкретном, упомянутом выше значении.

Рассмотрим встречающиеся в доктрине точки зрения относительно цели использования специальных знаний.

А.А. Мохов в качестве цели использования специальных знаний указывает вынесение законного и обоснованного акта судебной власти[63]. Вряд ли удастся найти какой-либо правовой институт ординарного цивилистического процесса, не имеющий своей целью обеспечить вынесение законного и обоснованного судебного акта.

М.Н. Чернова общей целью использования специальных знаний в процессуальной и непроцессуальной формах называет удовлетворение потребности суда в специальных знаниях[64]. Признать подобный подход убедительным затруднительно ввиду его абстрактности и чрезмерной универсальности. Так, в равной степени справедливым будут суждения о том, что целью участия в деле свидетеля будет удовлетворение потребности суда в свидетельских показаниях, а целью перерыва в судебном заседании – удовлетворение потребности суда в перерыве в судебном заседании.

Е.П. Гришина, в свою очередь, считает, что цель использования специальных знаний заключается в установлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу[65]. Между тем, как было отмечено ранее по тексту настоящего исследования, применение специальных знаний в форме непосредственной (технической) помощи специалиста не всегда имеет своим результатом получение сведений доказательственного характера. Следовательно, эта цель может быть присуща не в целом использованию специальных знаний, но лишь судебной экспертизе и справочно-консультационной деятельности специалиста.

---

[63] Мохов А.А. Указ. соч. С. 88.

[64] Чернова М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 21.

[65] Гришина Е.П. Теория и практика участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Акад. упр. МВД России, 2007. С. 55.

Некоторые исследователи в области судебной экспертологии полагают, что специальные знания используются в целях решения (помощи в решении) вопросов, возникающих в ходе судопроизводства [66]. Думается, что этому подходу присущ тот же недостаток, что и точке зрения М.Н. Черновой, а именно недостаток конкретики, определяющей сущность преследуемых в ходе применения специальных знаний целей. В ходе отправления правосудия по гражданским делам суд разрешает множество вопросов, не связанных с обстоятельствами рассматриваемого спора, к примеру, о назначении даты судебного разбирательства, о его отложении, о переходе из предварительного судебного заседания в основное, о рассмотрении дела в порядке заочного производства и т.д. Представляется, что в перечисленных случаях, а также во многих других, специальные знания найти своего применения не могут.

Проанализированные точки зрения свидетельствуют о том, что попытки ученых обозначить общую цель использования в цивилистическом процессе специальных знаний не могут быть признаны успешными. Иначе обстоит вопрос с целями использования специальных знаний в конкретных процессуальных формах.

Как справедливо отмечает Т.В. Сахнова, требования гражданско-процессуальной формы предполагают формализацию критериев и определение форм использования специальных знаний – для определенных юридических целей. Одного указания в норме права на возможность применения специальных знаний недостаточно – необходимо определить их форму[67].

Представляется, что именно преследуемые юридически значимые цели являются основанием для законодательной дифференциации форм процессуальной деятельности сведущих лиц. В этой связи думается, что правильный путь определения общей цели использования специальных знаний лежит через изучение целей проведения судебной экспертизы, осуществления специалистом справочно-консультационной деятельности и оказания им непосредственной (технической)

---

[66] См., например, Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 7, Дьяконова О.Г. Указ. соч. С. 26.

[67] Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): Дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 1998, С. 22-23.

помощи. Следование этому алгоритму позволит установить, существует ли у института использования специальных знаний общая цель, которая могла бы рассматриваться в качестве его квалифицирующего признака.

Следует признать, что цели использования специальных знаний и решаемые для их достижения задачи в большинстве случаев ускользают из фокуса внимания ученых-процессуалистов, которые зачастую обходятся декларативными положениями, не погружаясь в сущность исследуемого вопроса. К примеру, Т.В. Сахнова, отметившая связь целей и форм использования специальных знаний, не стала исключением и остановилась в своем диссертационном исследовании лишь на вышеприведенной констатации рассматриваемой связи.

Т.А. Лилуашвили в своем диссертационном исследовании выделил три группы задач, для решения которых может возникать необходимость в использовании специальных знаний:

1) при установлении определенных фактов;

2) при проведении судом тех или иных процессуальных действий;

3) в случае необходимости сообщения суду научного или опытного положения в абстрактной форме, без приложения его к конкретным фактам[68].

Сопоставляя выделенные Т.А. Лилуашвили группы задач с известными современному цивилистическому процессу формами использования специальных знаний, становится ясным, что именно преследуемая цель процессуальной деятельности сведущих лиц является основанием для дифференциации законодательной регламентации различных форм ее осуществления. Рассмотрим в отдельности каждую из форм использования специальных знаний для выявления цели, которую преследует такая процессуальная деятельность.

[68] Лилуашвили Т.А. Применение специальных познаний в советском гражданском процессе: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 26-40.

Не вызывает сомнений находящее свое отражение как в научной литературе[69], так и в нормативных источниках[70] положение, в силу которого основной формой использования специальных знаний является судебная экспертиза.

Доказательственное значение заключения эксперта также в настоящее время не вызывает сомнений и не является предметом научной полемики.

Достаточно распространен в научной литературе подход, в силу которого целью судебной экспертизы является установление обстоятельств, имеющих значение для рассматриваемого судом спора[71].

Т.В. Сахнова не соглашается с данной позицией, указывая, в частности, что установление юридических и доказательственных фактов является исключительной компетенцией суда[72].

А.Г. Давтян, критикуя предложенное законодателем Республики Армения назначение судебной экспертизы – «для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных познаний в области науки, искусства или ремесла», предложила другую формулировку, отражающую, по ее мнению, истинную цель проведения судебной экспертизы – «для установления фактических обстоятельств дела, требующих специальных знаний в области науки, искусства или ремесла»[73].

---

[69] См., например, Тихиня В.Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве. Минск.: Выш. школа, 1983. С. 109; Давтян А.Г. Экспертиза в гражданском процессе. М.: Фирма «СПАРК», 1995. С. 18; Жданов С. П. Понятие и сущность специальных познаний (знаний) // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 1 (34). С. 161; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. С. 5.

[70] Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 (ред. от 16.12.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании: Собрание законодательства РФ. 05.05.2014. № 18 (часть II). Ст. 2158.

[71] См., например, Жуков Ю.М. Судебная экспертиза в Советском гражданском процессе: Дис. … канд. юрид. наук. М., 1965. С. 52-53, Лилуашвили Т.А. Применение специальных познаний в советском гражданском процессе: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 31, Назаров В.А. Назначение и проведение экспертизы в уголовном процессе: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 11, Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008, С. 250; Леонтьева Е.А. Использование специальных знаний адвокатом - представителем по гражданским делам: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010, С. 47, Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2016. С. 114-115.

[72] Сахнова Т.В. Указ. соч. С. 49.

[73] Давтян А.Г. Указ. соч. С. 19.

В свою очередь Т.В. Сахнова отмечает, что по гносеологической природе экспертиза – разновидность практического познания *конкретных* (курсив мой – А.Л.) фактов, явлений с использованием положений науки, научных средств и методов, по научно разработанной и практически апробированной методике[74]. Экспертизой не просто разъясняются какие-либо вопросы, а устанавливаются новые факты-доказательства. Экспертиза направлена на выявление фактических данных, которые способны подтвердить или опровергнуть факты, имеющие юридическое значение[75].

Достаточно оригинальной представляется позиция Я.В. Комиссаровой, которая в качестве цели назначения судебной экспертизы называет получение информации, интересующей инициатора ее проведения[76]. Признать эту точку зрения состоятельной не представляется возможным, поскольку из нее, в частности, не ясно, какой характер имеет получаемая информация (доказательственный, правовой и т.д.), а также кто в данном случае понимается под инициатором проведения экспертизы: лицо, ходатайствующее о ее назначении или суд, вступающий в процессуальные правоотношения с экспертом. Кроме того, на наш взгляд, представляется спорным определение в качестве цели судебной экспертизы удовлетворение чьего-либо интереса.

И.В. Решетникова целью экспертного исследования полагает извлечение сведений об относящихся к делу фактах[77]. Схожей точки зрения придерживается Ю.К. Орлов: «Целью производства судебной экспертизы является получение доказательства – заключения эксперта)»[78].

Таким образом, в случае если в ходе рассмотрения дела для установления судом его конкретных фактических обстоятельств необходимо проведение

---

[74] Сахнова Т.В. Указ. соч. С. 35.
[75] Сахнова Т.В. Указ. соч. С. 48-49.
[76] Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 31.
[77] Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 184.
[78] Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2016. С. 114-115.

исследования с использованием специальных знаний, процессуальная деятельность сведущих лиц осуществляется в форме судебной экспертизы.

Отсюда заключим, что целью судебной экспертизы как правового института является обеспечение возможности получения судом сведений о фактических обстоятельствах дела (доказательств), установить которые невозможно без проведения исследования с использованием специальных знаний.

Т.А. Лилуашвили в рамках рассматриваемой группы задач писал, что, если для установления юридического факта требуются специальные знания, суд может не только назначить экспертизу, но также, в предусмотренных законом случаях, истребовать заключение органа государственного управления[79].

Данный тезис ученого ставит вопрос о наличии оснований для квалификации заключения органа государственной власти, местного самоуправления в гражданском судопроизводстве как доказательства, полученного в результате применения специальных знаний.

Не погружаясь в сущность этой проблемы, обратим внимание на правильное в общих чертах суждение Ю.М. Жукова о том, что взгляд на орган государственного управления как на эксперта игнорирует существенный признак последнего – его незаинтересованность в исходе дела, а также то, что экспертиза проводится только по заданию суда и дача экспертом заключения – его процессуальная обязанность. В свою очередь, органам государственной власти присуща заинтересованность в исходе дела в силу выполняемых ими функций государственного управления[80].

Непосредственная техническая помощь и справочно-консультационная деятельность специалиста как процессуальные формы использования специальных знаний стали известны цивилистическому процессуальному законодательству сравнительно недавно.

Теоретическая разработка и обоснование существования иных форм процессуальной деятельности сведущих лиц в гражданском судопроизводстве, не

---

[79] Лилуашвили Т.А. Указ. соч. С. 27.
[80] Жуков Ю.М. Указ. соч. С. 115-116.

отвечающих основному признаку судебной экспертизы, – проведению исследования, начались во второй половине XX века.

Так, Ю.М. Жуков, анализируя уголовно-процессуальную литературу и гражданское процессуальное законодательство, приходил к выводу о существовании в гражданском процессе процессуальной фигуры специалиста.

При этом данный автор указывал в качестве квалифицирующего признака судебной экспертизы, позволяющего отграничить ее от участия в процессе специалиста, самостоятельность в получении познающим субъектом (следователем или судом) сведений о фактах. Так, результатом проведенной экспертизы является не просто разъяснение суду интересующих его вопросов, а дача заключения, которое является доказательством, средством установления объективной истины по делу. Эксперт, а не суд, самостоятельно исследует материалы дела, применяя свои специальные знания, и затем доставляет сведения о фактах суду. В случае участия в деле специалиста, познающий субъект получает сведения о фактах самостоятельно, хотя и при помощи специалиста[81].

На основании анализа судебной практики Ю.М. Жуков характеризовал деятельность специалиста в процессе как консультационную – специалист лишь отвечает на уточняющие вопросы суда, не имеющие непосредственного значения для дела[82].

Т.А. Лилуашвили обращал внимание на то, что необходимость применения специальных познаний при рассмотрении гражданских дел возникает не только в тех случаях, когда для установления отдельного факта требуется проведение экспертного исследования, но и когда суд для надлежащего проведения того или иного процессуального действия нуждается в научно-технической помощи[83].

В этом контексте Т.А. Лилуашвили критиковал гражданское процессуальное доказательство того времени в связи с распространением процессуальной формы проведения судебной экспертизы на деятельность сведущего лица, которое лишь

---

[81] Жуков Ю.М. Указ. соч. С. 152.
[82] Жуков Ю.М. Указ. соч. С. 157.
[83] Там же. С. 477.

оказывает суду научно-техническую помощь[84]. Ученый обращал внимание на существенные отличия в формах процессуальной деятельности специалиста и эксперта, которые обусловлены более сложной задачей, стоящей перед последним[85].

Существование двух различных форм процессуальной деятельности специалиста было обосновано Л.Н. Ракитиной посредством сопоставления задачи, стоящей перед экспертом при проведении судебной экспертизы и задач, выполняемых специалистом при его привлечении к участию в деле. Данный автор проанализировал деятельность переводчика, педагога, психиатра и иных специалистов, участвующих в осмотре письменных и вещественных доказательств, для выявления преследуемых ими целей. Результатом проведенного анализа стало закрепившееся в современной научной литературе по цивилистическому процессу положение о том, что задачи специалиста в гражданском судопроизводстве носят как научно-технический, так и справочно-консультационный характер[86].

Таким образом, формами процессуальной деятельности специалиста в цивилистическом процессе являются оказание суду помощи при проведении конкретного процессуального действия[87] и справочно-консультационная деятельность. Т.В. Сахнова полагает, что обозначенным формам процессуальной деятельности присущи вспомогательная и доказательственная функция соответственно[88].

Продолжая изучение процессуальных форм использования специальных знаний, исходя из преследуемых целей, перейдем к рассмотрению справочно-консультационной деятельности специалиста.

Следует согласиться с позицией Т.В. Сахновой, которая полагает, что данная деятельность заключается в предоставлении суду разъяснений относительно

---

[84] Лилуашвили Т.А. Указ. соч. С. 477.
[85] Там же. С. 486.
[86] Ракитина Л.Н. Участие специалистов в гражданском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 67-69.
[87] Следует уточнить, что арбитражное процессуальное законодательство прямо не упоминает непосредственную (техническую) помощь как направление процессуальной деятельности специалиста. Вместе с тем, думается, что такая форма использования специальных знаний в арбитражном процессе все же представлена и имеет место в рамках процессуальной деятельности переводчика.
[88] Сахнова Т.А. Указ. соч. С. 70.

определенного вопроса, требующего специальных знаний, но не требующего проведения специального исследования[89].

Для понимания сущности этой формы применения специальных знаний следует отметить особенность объема специальных знаний, необходимых для осуществления справочно-консультационной деятельности. Проведение судебной экспертизы и оказание суду непосредственной технической помощи требуют от сведущего лица владения всеми элементами специальных знаний – собственно знаниями, а также умениями и навыками. Для осуществления справочно-консультационной деятельности специалисту достаточно специальных знаний в узком смысле слова, поскольку суть такой деятельности сводится к сообщению суду уже известных специалисту положений науки, ремесла или искусства. Значение справочно-консультационной деятельности специалиста заключается в сообщении суду научных положений, опытных, справочных данных из теории и практики применения специальных знаний[90].

Т.А. Лилуашвили отрицательно оценивал предоставление суду специалистом сведений о научном или опытном положении в абстрактной форме. По его мнению, если допустить возможность применения судом абстрактных научных положений к конкретным фактам, доказательством будут являться выводы суда, основанные на предоставленных специалистом сведениях, а не сами сведения. Иными словами, Т.А. Лилуашвили рассматривал действия суда по применению к обстоятельствам дела сообщенных ему специалистом сведений как самостоятельное проведение экспертизы судом, что не допускалось советским гражданским процессом и не допускается современным[91].

Согласиться с такой квалификацией действий суда представляется затруднительным по следующей причине.

Думается, что информация, получаемая из консультации специалиста, является по своей правовой природе сведениями о фактах, необходимых для

---

[89] Сахнова Т.В. Экспертиза в суде по гражданским делам: учебно-практическое пособие. М., 1997. С. 26.
[90] Сахнова Т.В. Указ. соч. С. 19.
[91] Лилуашвили Т.А. Указ. соч. 38-39.

правильного установления фактических обстоятельств дела и оценки доказательств.

Если признать, что в ходе консультации специалист сообщает суду сведения о фактах, неизбежно встает вопрос о процессуальной квалификации таких фактов.

Соглашаясь с предложенным М.К. Треушниковым делением фактов, являющихся объектом познания суда, на юридические факты материально-правового характера (факты предмета доказывания), доказательственные факты, факты, имеющие исключительно процессуальное значение и факты, установление которых необходимо для выполнения воспитательных и предупредительных задач правосудия[92], отметим правильность вывода, к которому пришла в своем диссертационном исследовании Т.В. Сахнова: «пояснение специалиста, сделанное в письменной форме чаще *(в сравнении с заключением эксперта – А.Л.)* играет роль доказательства доказательственного факта»[93].

Из обоснования, которое Т.В. Сахнова приводит своему выводу, следует, что ученый связывает доказательственное значение пояснений специалиста с нормами ГПК РФ, которые устанавливают правило об обязательном приложении к протоколу осмотра письменных и вещественных доказательств письменной консультации специалиста наряду с заключением эксперта, безусловно являющимся доказательством. Оба документа в этом случае выступают доказательствами доказательственного факта – достоверности источника формирования доказательств[94].

Следует отметить, что вопрос о наличии у консультации специалиста доказательственного значения не находит однозначного ответа не только в научной литературе, но и в действующем цивилистическом процессуальном законодательстве. Правильной видится точка зрения тех ученых, которые признают за этим результатом процессуальной деятельности специалиста доказательственное значение.

---

[92] Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. С. 35

[93] Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): Дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 1998. С. 70

[94] Сахнова Т.В. Указ. соч. С. 68-69.

Представляется при этом, что консультация специалиста является доказательством доказательственного факта не только в описанной Т.В. Сахновой, но и в любой другой ситуации привлечения к участию в деле специалиста для дачи консультации.

Доминирующим в науке цивилистического процесса является понимание доказательственного факта как обстоятельства, не являющегося искомым юридическим фактом, но находящимся с ним в определенной связи и благодаря этому дающим возможность сделать вывод о его наличии или отсутствии[95].

Факты, сведения о которых предоставляются суду в ходе консультации, служат средством установления искомых юридических фактов.

Проиллюстрируем этот тезис примером.

Гражданка И. обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю М. о взыскании убытков, причиненных оказанием ветеринарных услуг ненадлежащего качества.

Ненадлежащее качество оказанных услуг, по мнению истца, заключалось в применении к беременной собаке истца препарата окситоцин при наличии противопоказаний к этому, в результате чего у собаки был спровоцирован разрыв матки, повлекший гибель 6 щенков и утрату собакой репродуктивной функции.

В предмет доказывания по делу, исходя из заявленных требований, входили следующие обстоятельства:

1) *Убытки, возникшие у истца – гибель шести щенков и утрата собакой репродуктивной функции;*
2) *Действия ответчика – введение собаке препарата окситоцин;*
3) *Причинно-следственная связь между введением собаке препарата окситоцин и разрывом матки, повлекшим гибель 6 щенков и утрату репродуктивной функции;*
4) *Вина индивидуального предпринимателя за причиненный вред;*

---

[95] См., например: Советский гражданский процесс. Учебник изд. 2-е, исправ. и доп. под ред. М.А. Гурвича. М., «Высш. Школа», 1975. С. 131, 132 (автор главы – А.К. Сергун); Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др.; под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 165 (автор главы – А.К. Сергун); Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 433.

5) Размер убытков истца.

Привлеченный к участию в деле специалист пояснил, что действие препарата окситоцин длится от 30 до 60 минут.

Судом было установлено, что после окончания действия окситоцина собака родила двух щенков. После этого истец и собака отправились домой.

Консультация специалиста позволила суду прийти к выводу, что к моменту, когда истец с собакой покинул клинику, действие препарата окситоцин закончилось (причем, за несколько часов до этого). Поскольку истцом не было представлено доказательств, что разрыв матки произошел в период нахождения собаки в клинике ответчика, суд отказал в удовлетворении исковых требований[96].

В рассмотренном примере суду, для того, чтобы познать искомый юридический факт – причинно-следственную связь между введением собаке медицинского препарата и разрывом матки у собаки истца, необходимо было познать доказательственный факт – время действия медицинского препарата.

Этот факт был установлен судом из консультации специалиста. Следовательно, консультация специалиста в таких случаях выступает источником сведений о доказательственных фактах.

Вместе с тем содержание справочно-консультационной деятельности специалиста не ограничивается сообщением суду известных сведущему лицу положений науки, ремесла и искусства. Одним из направлений процессуальной деятельности специалиста является оказание суду и лицам, участвующим в деле, помощи в исследовании доказательств, на что неоднократно обращал внимание Верховный Суд РФ[97]. В правоприменительной практике встречаются ситуации, в которых специалист привлекается судом для помощи в постановке вопросов эксперту и оценке заключения эксперта. В этих случаях специалист не просто

---

[96] Решение Иглинского районного суда республики Башкортостан от 12.12.2019 по делу № 2-1765/2019 // СПС «Гарант».

[97] См. п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 (ред. 09.02.2012) «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета, № 140, 02.07.2008., п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции». Российская газета, № 7, 14.01.2022.

сообщает суду известные ему положения из определенной области специальных знаний, но применяет эти положения к конкретным обстоятельствам дела.

Следует отметить, что, по нашему мнению, процессуальная деятельность специалиста по оказанию суду содействия в постановке вопросов перед экспертом может осуществляться в различных процессуальных формах. Так, если участие специалиста в рассмотрении дела заключается лишь в предложении корректных формулировок вопросов эксперту исходя из целей назначения экспертизы, думается, что такая деятельность специалиста есть не что иное как непосредственная (техническая) помощь. Однако если при определении перечня вопросов, ставящихся перед экспертом, специалист сообщает суду о целесообразности или нецелесообразности проведения экспертизы по определенным вопросам, такая деятельность ведет к установлению факта, имеющего процессуальное значение – основания для назначения по делу судебной экспертизы. В этом случае речь идет о справочно-консультационной деятельности специалиста.

Так, в ходе рассмотрения одного из дел Двадцать первый арбитражный апелляционный суд привлек к участию в деле специалиста для дачи консультации о возможности назначения судебной экспертизы по вопросам, поставленным одним из лиц, участвующих в деле. В ходе консультации специалист, в частности, отметил нецелесообразность проведения судебной экспертизы по одному из вопросов, поскольку получение информации о правильности работы средств измерения возможно путем поверки приборов учета органами метрологии и стандартизации. На основании полученной консультации суд пришел к выводу об отсутствии оснований для назначения судебной экспертизы по этому вопросу[98].

Другим встречающимся в правоприменительной практике направлением справочно-консультационной деятельности выступает оценка (в непроцессуальном смысле этого слова) специалистом проведенного экспертом

[98] Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2018 № 21АП-345/2018 по делу № А84-3095/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

исследования на предмет его правильности, полноты и соответствия применимым методикам проведения.

Так, по одному из споров, рассматривавшихся Арбитражным судом Астраханской области, привлеченный к участию в деле специалист давал консультацию относительно правильности проведенной судебной экспертизы. В ходе консультации специалист пояснил, что экспертами при проведении судебной экспертизы не проводилось инструментальное исследование, эксперты определяли недостатки в квартирах на соответствие проектной документации, но не на соответствие своду правил. Эксперты выполнили гидротехнические расчеты, полный анализ конструкций не проводился. Проведение исследований возможно и вне отопительного периода по другим методикам. В этой связи специалист сообщил суду, что считает экспертное заключение неполным, не объективным и не всесторонним.

На основании полученной консультации суд пришел к выводу о необходимости назначения по делу повторной экспертизы[99].

В обоих приведенных выше случаях результатом процессуальной деятельности специалиста стало установление судом фактов, имеющих процессуальное значение: в первом случае наличие оснований для проведения экспертизы по одному из вопросов, а во втором – о необоснованности и противоречивости результата судебной экспертизы.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что **консультация специалиста в цивилистическом процессе является доказательством и служит средством познания судом доказательственных фактов и фактов, имеющих процессуальное значение**. В этой связи представляется, что нормы абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, ч. 2 ст. 59 КАС РФ и ч. 4 ст. 169 КАС РФ необходимо дополнить указанием на возможность использования в качестве доказательства в гражданском и административном судопроизводстве консультации специалиста.

Таким образом, целью справочно-консультационной деятельности специалиста является предоставление суду в абстрактной форме или

[99] Решение Арбитражного суда Астраханской области от 16.11.2022 по делу № А06-8428/2020 // СПС «Гарант».

применительно конкретным обстоятельствам дела уже известных специалисту на момент привлечения его к участию в деле положений науки, ремесла или искусства, которые (1) имеют значение для решения исключительно процессуальных вопросов, возникающих в ходе рассмотрения дела, или (2) необходимы для правильного рассмотрения и разрешения дела ввиду их связи с искомыми юридическими фактами.

Последней известной современному российскому цивилистическому процессуальному законодательству формой использования специальных знаний является оказание специалистом суду непосредственной (технической) помощи.

Как и в случае со справочно-консультационной деятельностью специалиста, правовое регулирование данной формы использования специальных знаний не лишено терминологических неточностей. Современные источники гражданского процесса и административного судопроизводства при правовом регулировании этого направления процессуальной деятельности специалиста употребляют различные термины. Так, в ч. 1 ст. 188 ГПК РФ речь идет о непосредственной технической помощи специалиста, а ч. 1 ст. 50 КАС РФ упоминает оказание специалистом непосредственной помощи.

Применение последнего из названных терминов в отношении рассматриваемой формы использования специальных знаний вызывает ряд вопросов.

Законодатель употребляет термин «непосредственная помощь» в ч. 1 ст. 50 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[100] (далее также КАС РФ), согласно которой специалистом является лицо, обладающее специальными знаниями и (или) навыками и назначенное судом для дачи пояснений, консультаций и оказания *иной непосредственной помощи* при исследовании доказательств и совершении иных процессуальных действий по вопросам, требующим соответствующих знаний и (или) навыков.

---

[100] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 22-ФЗ (ред. от 14.02.2024). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета, № 49, 11.03.2015.

Из буквального толкования вышеприведенной нормы следует, что консультация и пояснения специалиста рассматриваются в качестве разновидности непосредственной помощи.

Использование термина «непосредственная помощь» в качестве родового понятия по отношению к видовым – «непосредственная техническая помощь» и «справочно-консультационная деятельность специалиста» не представляется оправданным.

Во-первых, непосредственная помощь как родовое понятие и непосредственная техническая помощь как видовое являются схожими до степени смешения. Если допустить их использование в различающихся значениях, это неизбежно создаст затруднения и потребует от обращающегося к этим терминам субъекта каждый раз уточнять, в каком значении он их употребляет.

Во-вторых, обособление форм процессуальной деятельности эксперта и специалиста имеет существенное значение в доктрине. Вместе с тем не любые доктринальные категории должны найти свое отражение в процессуальном законодательстве. Введение существующей в науке категории в действующее законодательство должно способствовать повышению эффективности правового регулирования. Вряд ли за включением в действующее законодательство собирательной категории для обозначения всех форм процессуальной деятельности специалиста можно обнаружить какое-либо практическое значение или полезную цель. Такая новелла не обогащает правовое регулирование процессуальной деятельности, не способствует повышению его эффективности.

Положения КАС РФ не содержат положений, позволяющих определить смысл и содержание новой категории «непосредственная помощь».

В этой связи, в совокупности с изложенными выше сомнениями в целесообразности использования данного термина в качестве собирательного, представляется, что норма ч. 1 ст. 50 КАС РФ является несовершенной. В действительности, непосредственная помощь специалиста в административном судопроизводстве есть ни что иное как несколько отличающееся наименование

непосредственной технической помощи специалиста, оказание которой закреплено в ст. 188 ГПК РФ.

Представляется, что применение разной терминологии не обусловлено какими-либо сущностными особенностями данной формы использования специальных знаний в зависимости от вида цивилистического процесса. Данные термины видятся взаимозаменяемыми, а каждый из них – возможным к использованию в любом виде цивилистического процесса без утраты первоначального смысла. Далее по тексту настоящего исследования для обозначения рассматриваемой формы процессуальной деятельности специалиста будет использоваться интегративный термин «непосредственная (техническая) помощь».

Непосредственная (техническая) помощь заключается в участии специалиста в совершении судом определенного процессуального действия.

Так, участие сведущих лиц в осмотре доказательств на месте как разновидность непосредственной (технической) помощи встречается уже в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года, статья 507 которого предусматривает, что суд может по просьбе тяжущегося или по своему усмотрению назначить осмотр на месте, с участием или без участия сведущих людей[101].

В комментарии к этому положению составители судебных уставов указывали, что осмотр не всегда может быть произведен с успехом одним судьей; в некоторых случаях, как например при свидетельстве технических или хозяйственных работ, необходимо участие людей сведущих, а потому осмотр может быть назначен с участием или без участия экспертов[102].

Ряд специалистов, оказывающих суду непосредственную (техническую) помощь, именуются в процессуальном законодательстве по роду своей профессиональной деятельности – переводчик, педагог, психиатр. Прежде всего в связи с процессуальной деятельностью этих субъектов Т.А. Лилуашвили и

---

[101] Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией: Ч. 1. 2-е изд., дополненное. СПб: в типографии 2 отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1867. С. 260.

[102] Там же с. 261.

Л.Н. Ракитиной производилась теоретическая разработка рассматриваемой формы использования специальных знаний.

Современное гражданское процессуальное и административное процессуальное законодательство закрепляют непосредственную техническую помощь как форму процессуальной деятельности специалиста без упоминания этих субъектов, что, однако не может быть основанием для иной квалификации процессуальной деятельности этих лиц.

Представляется, что несмотря на специальное правовое регулирование процессуального статуса указанных субъектов, участие в рассмотрении гражданского дела каждого из них обусловлено потребностью суда и других участников процесса в использовании их специальных знаний. Так, применение педагогом своих специальных знаний в судопроизводстве позволяет правильно произвести допрос несовершеннолетнего свидетеля, специальные знания переводчика позволяют обеспечить эффективную коммуникацию участников процесса между собой, а участие психиатра в подготовке дела о признании гражданина недееспособным к судебному разбирательству направлено на обеспечение вынесения судом законного и обоснованного определения о принудительном направлении гражданина на судебно-психиатрическую экспертизу. Во всех указанных выше случаях содержание деятельности сведущих лиц заключается в применении специальных знаний для оказания суду помощи в рассмотрении дела, что позволяет рассматривать переводчика, педагога и психиатра в качестве специалистов в значении ст. 188 ГПК РФ и ст. 50 КАС РФ.

Из буквального толкования ст. 188 ГПК РФ непосредственной технической помощью являются фотографирование, составление планов и схем, отбор образцов для экспертизы, оценка имущества.

А.Т. Боннер на примере участия специалиста в воспроизведении аудио- и видеозаписей продемонстрировал неудачность формулировки вышеприведенной нормы. По его мнению, перечень видов непосредственной технической помощи,

оказываемой специалистом суду, следует сделать открытым[103]. О.Г. Дьяконова, соглашаясь с данным автором, пишет, что деятельность специалиста по оказанию научно-технической помощи не ограничивается перечисленными в ч. 1 ст. 188 ГПК РФ действиями и может включать обеспечение видеосъемки, средств мультимедиа, обеспечение работы средств видеоконференц-связи и т.п.[104]

Арбитражное процессуальное законодательство оказания специалистом суду непосредственной (технической) помощи прямо не предусматривает, что представляется неоправданным. Вместе с тем в настоящее время можно говорить о том, что в действительности специалист участвует в арбитражном процессе для оказания непосредственной (технической) помощи в процессуальном статусе переводчика.

Думается, что ст. 55.1 АПК РФ должна быть дополнена указанием на возможность оказания специалистом непосредственной (технической) помощи, наряду с дачей консультаций. Такая потребность видится особенно острой в арбитражном процессе ввиду его большей цифровизации.

И.В. Азаренко указывает на направленность непосредственной технической помощи на содействие суду в совершении каких-либо операций, требующих обладания определенными навыками, с получением более качественных результатов[105].

Т.В. Сахнова функцией специалиста называет содействие в правильном осуществлении процессуального действия[106].

Не вызывает сомнений точное замечание А.Т. Боннера, согласно которому несмотря на то, что, оказывая непосредственную техническую помощь, специалист не сообщает суду информацию доказательственного характера, результаты его труда в одних случаях могут непосредственно стать доказательствами

---

[103] Боннер А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. 2008. № 3. С. 87.

[104] Дьяконова О.Г. Формы участия специалиста в судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 8. С. 23.

[105] Азаренко И.В. Участие эксперта и специалиста в гражданском судопроизводстве России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 14.

[106] Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): Дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 1998. С. 66.

(фотографиями, планами, схемами), а в других создать предпосылки для получения доказательств (в результате отбора образцов для экспертизы)[107].

Следует обратить внимание, что получение результатов доказательственного характера при оказании непосредственной (технической) помощи не является основной целью этой формы процессуальной деятельности специалиста, что, однако, не исключает возможности получения доказательства как ее результата.

При этом обращает на себя внимание формулировка ч. 1 ст. 188 ГПК РФ, которая к видам непосредственной технической помощи относит оценку имущества.

Как отмечал А.Т. Боннер, оценочная деятельность специалистов зачастую имеет своим результатом их заключения в сфере ремонта, торговли, строительства и т.п. Отличающееся процессуальное оформление результатов оценочной деятельности данный автор связывал с бесспорным наличием доказательственного значения таких результатов[108].

В правоприменительной практике результаты оценочной деятельности специалиста оформляются в качестве его письменной консультации[109].

Признать подобный подход правильным затруднительно. Представляется, что, исходя из цели, преследуемой при применении специальных знаний в форме оценки имущества, такая процессуальная деятельность должна осуществляться в форме судебной экспертизы.

Целью непосредственной (технической) помощи специалиста в цивилистическом процессе является обеспечение правильности совершения судом процессуального действия, для осуществления которого требуются специальные знания.

---

[107] Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М.: Проспект, 2013. С. 430.

[108] Там же С. 430.

[109] См. например: решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 15.11.2019 по делу № 2-7585/2019 // СПС «Гарант»; решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 16.09.2019 по делу № 2-8705/2019 // СПС «Гарант».

Возвращаясь к поставленной выше проблеме, постараемся определить, есть ли у различных форм использования специальных знаний общая цель, заслуживающая выделения в качестве сущностного признака специальных знаний.

Представляется, что общая цель, преследуемая при использовании специальных знаний, подлежит определению посредством обобщения целей использования специальных знаний в различных формах. Цели, преследуемые при проведении судебной экспертизы, осуществлении справочно-консультационной деятельности и оказании непосредственной (технической) помощи по отношению к общей цели использования специальных знаний являются частными задачами. Кратко обозначим их:

1. Судебная экспертиза проводится для получения сведений о фактических обстоятельствах дела путем проведения исследования лицом, владеющим специальными знаниями.

2. Справочно-консультационная деятельность специалиста направлена на установление доказательственных фактов и фактов, имеющих процессуальное значение, без проведения специального исследования.

3. Задачей непосредственной (технической) помощи является обеспечение правильности совершения судом процессуального действия, которое, в том числе, может быть связано с получением доказательственной информации.

Справочно-консультационную деятельность специалиста и судебную экспертизу, несомненно, в качестве общей цели связывает получение доказательства того или иного факта. Однако непосредственная (техническая) помощь не всегда имеет своим прямым результатом получение судом сведений доказательственного характера. При этом, привлечение специалиста для оказания суду непосредственной (технической) помощи является необходимым условием правильного установления обстоятельств дела.

Думается, что в качестве конечной цели, преследуемой в процессуальной деятельности экспертом и специалистом может быть названо оказание суду содействия в установлении фактических обстоятельств дела, для самостоятельного познания которых у суда отсутствуют необходимые специальные знания.

Следует упомянуть, что схожая позиция высказывалась в дореволюционной процессуальной литературе в отношении процессуальной деятельности эксперта. Так, К.И. Малышев писал, что сведущими людьми или экспертами называются те посторонние люди, *которые помогают суду исследовать фактическую сторону дела* (курсив мой – А.Л.), давая ему свое заключение о предметах, оценка которых требует особых технических сведений[110].

К числу лиц, содействующих осуществлению правосудия, помимо указанных выше, традиционно относится свидетель. Является ли цель участия в деле свидетеля отличной от обозначенной выше для сведущих лиц? На первый взгляд кажется, что свидетель при даче показаний также содействует суду в установлении фактических обстоятельств дела.

Несмотря на разные предпосылки привлечения свидетелей и сведущих лиц к участию в деле, их процессуальная деятельность преследует общую цель – содействие суду в установлении фактических обстоятельств дела.

Вновь обратимся к трудам К.И. Малышева, который лаконично описал цель привлечения свидетеля к участию в деле: «свидетель рассказывает о событиях прошедших, которые совершились перед его глазами, он историк прошедшего, он передает суду свои впечатления, показывает то, что видел и слышал»[111].

Специалист и эксперт привлекаются к участию в деле в случае для дачи консультации и проведения судебной экспертизы, когда для познания фактических обстоятельств дела суду недостает специальных знаний[112]. Свидетели привлекаются к участию в деле в связи с наличием у них сведений о фактических обстоятельствах конкретного спора, которые были восприняты им в прошлом, до возникновения процесса.

---

[110] Малышев К.И. Указ. соч. С. 323.

[111] Малышев К.И. Указ. соч. С. 323.

[112] Стоит оговориться, что и судьи могут быть сведущими в вопросах, выходящих за рамки сугубо юридических. Между тем, аксиомой цивилистического процесса является недопустимость смешения процессуальных функций суда и какого-либо иного субъекта в рамках одного судебного процесса. В этой связи, представляется, что потребность в использовании специальных знаний возникает во всех случаях, когда для разрешения дела требуются сведения из области науки, ремесла или искусства, выходящие за рамки правовых и общеизвестных, даже если эти сведения известны конкретному судье, например, в результате полученного специального образования.

Изложенные выше рассуждения позволяют прийти к выводу, что использованию специальных знаний как разновидности процессуальной деятельности субъектов цивилистического процесса не присуща особая цель, позволяющая отграничить этот институт от смежных явлений, в частности от участия в деле свидетеля. Цель использования не является признаком, отражающим существо специальных знаний. В ее обособлении в качестве признака исследуемого понятия отсутствует практическая и научная необходимость.

Куда большее значение имеют цели использования специальных знаний в конкретных процессуальных формах.

Представляется, что знание конкретной цели использования специальных знаний в форме судебной экспертизы, справочно-консультационной деятельности специалиста и оказания суду непосредственной (технической) помощи не только выступает необходимым условием повышения эффективности правового регулирования процессуальной деятельности сведущих лиц, но также является важным для решения вопроса о допустимости использования внепроцессуальных средств достижения этих целей.

§ 2. Признаки процессуальной формы заключения эксперта и консультации специалиста

Результаты указанных форм применения специальных знаний в цивилистическом процессе приобретают форму предусмотренных процессуальным законодательством средств доказывания: заключения эксперта и консультации специалиста. Представляется, что облачение содержащейся в таких результатах информации в процессуальную форму определенного доказательства выступает средством достижения цели использования специальных знаний в форме судебной экспертизы и справочно-консультационной деятельности специалиста. В свою очередь, возможность квалификации носителей доказательственной информации в качестве заключения эксперта и консультации специалиста обусловлена соответствием признакам этих средств доказывания.

Следовательно, признаки процессуальной формы заключения эксперта и консультации специалиста также выступают средствами обеспечения возможности достижения цели, в которой сведущие лица привлекаются к участию в деле при проведении судебной экспертизы или получении консультации. В рамках предмета настоящего исследования определение признаков процессуальной формы известных современному цивилистическому процессуальному законодательству средств доказывания, полученных в результате применения специальных знаний, позволит определить, на какие источники доказательственной информации допустимо распространять действие норм о заключении эксперта и консультации специалиста, а какие нуждаются в иной правовой квалификации и, возможно, в ином правовом регулировании.

К категории процессуальной формы в контексте судебных доказательств в научной литературе традиционно обращаются в рамках классической дискуссии о понятии судебного доказательства и соотношении терминов «доказательство» и «средство доказывания». В рамках концепции единого понятия судебного доказательства средства доказывания понимаются как процессуальная форма, которую принимают сведения о фактах в цивилистическом процессе[113].

Процессуальная форма доказательств как самостоятельное понятие в научной литературе раскрывается по-разному.

С.В. Курылев определял процессуальную форму через противопоставление с другим признаком судебного доказательства – его источником. Если источник доказательства служит признаком, отвечающим на вопрос – откуда получено доказательство, то на вопрос – как оно было получено, отвечает другой признак судебного доказательства – процессуальная форма, в которой доказательство получено, писал этот ученый[114].

М.К. Треушников раскрывал анализируемое нами понятие несколько иначе. По его мнению, под процессуальной формой понимается носитель

---

[113] См., например, Гражданский процесс: Учебник / под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд., перераб. – М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 269. Подробный анализ этой дискуссии не охватывается предметом исследования настоящей работы.

[114] Курылев С.В. Указ. соч. С. 434-435.

доказательственной информации и способ доведения ее до суда. Процессуальный порядок получения и исследования доказательства М.К. Треушников рассматривал как самостоятельную составляющую судебного доказательства, которая не включается в его процессуальную форму[115].

Интересно, что далее по тексту той же работы М.К. Треушников пишет, что гражданский процессуальный закон строго регламентирует форму, в которой могут быть *получены* (курсив мой – А.Л.) данные. Сведениям о фактах, полученным в иной, не предусмотренной законом форме данный автор отказывает в признании судебными доказательствами[116].

Н.И. Борискина, соглашаясь с изложенным выше подходом, определяет процессуальную форму как регламентированные процессуальным законодательством способы доведения до суда информации, имеющей значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, которые выступают в роли регуляторов, позволяющих систематизировать и адаптировать данную информацию для нужд судопроизводства. Далее данный автор указывает, что «происходит своеобразная трансформация значимой доказательственной информации в установленную процессуальную форму (средства доказывания)»[117]. Представляется, что трансформация, о которой пишет ученый, имеет место в процессе приобретения доказательственной информацией формы конкретного средства доказывания. Позднее в рамках этой работы Н.И. Борискина отмечает, что для соблюдения процессуальной формы необходимо следование установленному законом порядку получения доказательств[118]. Таким образом, порядок получения средства доказывания, видимо, все же рассматривается данным автором как один их элементов процессуальной формы.

Разница двух обозначенных подходов к категории процессуальной формы заключается в том, что один из них предполагает разграничение источника доказательства и его процессуальной формы как различающихся явлений, а другой,

---

[115] Треушников М.К. Судебные доказательства. - изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Городец, 2005 С. 88.
[116] Треушников М.К. Указ. соч. С. 95.
[117] Борискина Н.И. Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 21-22.
[118] Борискина Н.И. Указ. соч. С. 43.

напротив, включает источник доказательства в содержание категории «процессуальная форма».

Рассматривая предложенный С.В. Курылевым подход, отметим, что, по нашему мнению, ответ на вопрос «как было получено доказательство» включает в себя ответ и на вопрос «откуда было получено доказательство». Таким образом, понятие «процессуальная форма» является более общим по отношению к категории «источник доказательства».

В связи с изложенным позиция М.К. Треушникова представляется верной за следующим исключением. Как было сказано ранее, этим автором правовой регламент получения признается самостоятельным признаком судебного доказательства, не охватываемым понятием процессуальной формы. Вместе с тем думается, что в случае нарушения процессуального порядка получения определенного средства доказывания, соответствующая информация не приобретает процессуальную форму этого средства доказывания. В противном случае заключение внепроцессуальной экспертизы, отличающееся от результатов судебной экспертизы исключительно порядком получения, следовало бы признать заключением эксперта как одним из предусмотренных действующим процессуальным законодательством средств доказывания. На недопустимость подобной квалификации обращал внимание Высший Арбитражный суд в п. 13 постановления Пленума от 04.04.2014 №23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» (далее – ПП ВАС №23)[119]. Не вызывает возражений такой подход и в научной литературе[120].

Таким образом, можно сделать вывод, что процессуальная форма заключения эксперта включает в себя процессуальный порядок получения такого документа. Документ, полученный с нарушением этого процессуального порядка, пусть и

---

[119] Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. № 6. 2004.

[120] См., например, Сахнова Т.В. Экспертиза в суде по гражданским делам: Учебно-практическое пособие. М., 1997. С. 34., Дьяконова О.Г. Судебная экспертиза в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 5. С. 14 - 17., Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова [и др.]; под ред. М.А. Фокиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. С. 293 (автор главы – М.А. Фокина).

содержащий такой же объем доказательственной информации, заключением эксперта в процессуальном смысле не является.

Наиболее правильной видится точка зрения В.В. Молчанова, который полагает, что наличие необходимой процессуальной формы определяется не только предписанием закона относительно внешней формы доказательства, но и нормативно-установленным порядком получения доказательственной информации из соответствующего источника[121].

Таким образом, элементами процессуальной формы судебных доказательств в цивилистическом процессе являются:

1) источник доказательства;

2) внешняя форма доказательства (форма в узком смысле слова);

3) процессуальный порядок получения доказательства.

Значимость изучения элементов процессуальной формы каждого конкретного средства доказывания обусловлена двумя факторами. Во-первых, в результате их исследования определяются признаки, индивидуализирующие процессуальную форму определенного доказательства и позволяющие отграничить его от других (в том числе схожим по тем или иным характеристикам) источников доказательственной информации. Это позволяет безошибочно определить, к какому из числа предусмотренных действующим законодательством средств доказывания должно быть отнесено каждое конкретное доказательство, что является необходимой предпосылкой его правильного исследования и оценки. Во-вторых, четкое понимание характерных черт процессуальной формы определенного средства доказывания позволит определить потребность в законодательном обособлении правового регулирования нового явления объективной реальности. Так, думается, что прежде чем делать вывод о необходимости дополнения установленного процессуальным законодательством перечня средств доказывания заключением внепроцессуальной экспертизы или рецензией на заключение эксперта, следует определить соотношение сущностных

[121] Молчанов В.В. Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 217.

черт этих явлений с элементами процессуальной формы известных процессуальному законодательству источников доказательственной информации.

Результаты применения специальных знаний в форме судебной экспертизы и справочно-консультационной деятельности в цивилистическом процессе приобретают процессуальную форму заключения эксперта и консультации специалиста соответственно.

Оба эти средства доказывания в системе классификации доказательств по источнику традиционно относятся к личным[122].

Следует отметить существование и иной точки зрения, в соответствии с которой заключение эксперта является смешанным доказательством[123].

Автор этой концепции, С.В. Курылев, свое умозаключение обосновывает тем, что эксперт для дачи заключения сначала изучает вещественные доказательства, преобразует полученные из этого источника сведения о фактах и сам становится источником нового доказательства - заключения эксперта.

Данная позиция, безусловно, заслуживает внимания, однако, думается, что в конечном счете источником заключения эксперта как доказательства является все же сведущее лицо, без которого суд не способен получить сведения о фактах, содержащиеся в заключении.

Больший интерес вызывает вопрос внешней процессуальной формы заключения эксперта.

Нормы ч. 1 ст. 86 ГПК РФ, ч. 1 ст. 86 АПК РФ устанавливают императивное правило о письменной форме заключения эксперта. В свою очередь ч. 1 ст. 82 КАС РФ отличился законодательной новеллой, разрешив дачу экспертами устного заключения, если экспертиза проводится в судебном заседании.

---

[122] См., например, Гражданский процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. М.: Проспект, 2017. С. 268; Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд., перераб. – М.: Издательский Дом «Городец», 2021, С. 271.

[123] Курылев С.В. Указ. соч. С. 55, 281, 452.

Следует отметить, что правило об обязательной письменной форме заключения эксперта в цивилистическом процессе впервые было установлено ГПК РСФСР 1964 года[124].

Кодифицированные источники цивилистического процесса прошлых периодов – Устав гражданского судопроизводства 1864 года и ГПК Р.С.Ф.С.Р. 1923 года[125] предусматривали альтернативную норму, которая допускала дачу экспертом устного заключения.

Так, ст. 525 Устава гражданского судопроизводства в качестве обстоятельств, при которых устное заключение эксперта является допустимым, указывала простой предмет исследования и малограмотность сведущих людей, дающих заключение[126].

Составители судебных уставов отмечали, что «заключение экспертов должно быть основано на правилах науки, оно должно быть точно, осязательно, оно есть последствие внимательного изучения предмета, оно должно быть мнение всех, а не одного эксперта, а в делах такой важности ни один эксперт не решится поручить другому объявить мнение словесно, если все эксперты не записали своего мнения, не сообразили его еще раз после того, не исправили его и не остановились окончательно на каждом слове, на каждой букве своего заключения»[127]. Опыт зарубежных правопорядков того времени также свидетельствовал о том, что заключение сведущих людей должно быть письменным, с объяснением доводов, на которых оно основано[128]. Однако, несмотря на указанные выше выводы, к которым пришли составители судебных уставов, вопрос о допустимости устного заключения экспертов был решен положительно. Основной причиной такого решения законодателя стала именно разная степень образованности и грамотности

---

[124] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 21.03.1991) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 175. В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании: Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 175.

[125] Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании: СУ РСФСР, 1923. № 46-47. Ст. 478.

[126] Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией: Ч. 1. 2-е изд., дополненное. СПб: в типографии 2 отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1867. С. 265.

[127] Там же. С. 264.

[128] Там же. С. 264-265.

экспертов, затруднительность для некоторых сведущих людей составления письменного заключения[129].

В рамках исследования вопроса о форме заключения эксперта представляется необходимым вновь обратиться к трудам К.И. Малышева, который также отмечал, что в видах *(целях – А.Л.)* точности изложения заключение эксперта должно быть письменным и мотивированным[130].

Устное заключение эксперта в дореволюционном гражданском процессе, таким образом, рассматривалось в качестве исключения из общего правила письменного оформления результатов судебной экспертизы.

Статья 155 ГПК Р.С.Ф.С.Р. 1923 года установила другое условие допустимости устного заключения эксперта – усмотрение суда. Решение вопроса об устной или письменной форме заключения эксперта в каждом конкретном случае относился к дискреционным полномочиям суда. Подобное правовое регулирование не оставляет оснований говорить, что дача суду устного заключения возможна только в исключительных случаях в порядке отступления от общего правила.

С принятием ГПК РСФСР 1964 года законодатель отказался от устного заключения эксперта, установив в статье 77 Кодекса правило об обязательной письменной форме экспертного заключения. Следование этому подходу прослеживалось в законодательстве вплоть до принятия КАС РФ в 2015 году.

Стоит отметить, что норма ч. 1 ст. 82 КАС РФ является достаточно новаторской. Решение вопроса о форме заключения эксперта не поставлено в зависимость от сложности решаемого вопроса или степени образованности эксперта, как это было в дореволюционном процессе; не отнесено к безграничным дискреционным полномочиям суда, что предусматривалось советскими процессуальными кодексами.

---

[129] Указ. соч. С. 266.
[130] Малышев К.И. Указ. соч. С. 324.

Условием допустимости устного заключения эксперта в современном административном судопроизводстве является проведение экспертизы в судебном заседании.

Поддержим обоснованно возникшие у О.Г. Дьяконовой вопросы относительно применения в этом случае к устному заключению эксперта нормы частей 2 и 3 статьи 82 КАС РФ о соблюдении структуры заключения эксперта и о необходимости приложения к устному заключению иллюстрирующих его документов и материалов[131].

Вряд ли дача экспертом устного заключения в полном соответствии с требованиями ч. 2 ст. 82 КАС РФ к его структуре будет способствовать достижению процессуальной экономии. Суду и лицам, участвующим в деле, сложнее знакомиться с таким заключением, обращаться к нему в ходе судебного разбирательства. Кроме того, сохраняет свое значение комментарий составителей судебных уставов и К.И. Малышева относительно большей точности, присущей письменному заключению эксперта. Устное изложение использованных при проведении экспертизы методик вряд ли можно признать способствующим достижению целей судопроизводства – эксперт, как правило, единственное лицо в процессе, которое понимает смысл, содержание и значение озвученных им методик. Всем другим участникам процесса для оценки достоверности результатов экспертного исследования потребуется время на ознакомление с этими методиками вне судебного заседания, возможно, с привлечением сведущих лиц для помощи в изучении заключения.

Учитывая, что рассматриваемая норма является для российского права новой, особый интерес представляет ее применение при осуществлении правосудия в форме административного судопроизводства.

Итак, устное заключение может даваться экспертом в административном судопроизводстве по результатам экспертизы, проведенной в судебном заседании.

---

[131] Дьяконова О.Г. Комплексный подход к регламентации использования специальных знаний в проекте Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях: быть или не быть? // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 9. С. 133 - 140.

В правоприменительной практике встречаются случаи назначения дополнительной судебной экспертизы по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости (глава 25 КАС РФ) в связи с необходимостью установления рыночной стоимости объекта оценки с учетом НДС, когда ранее в рамках первичной судебной экспертизы такая стоимость определена без учета НДС[132].

Так, в рамках одного из дел эксперту было поручено проведение исследования по определению рыночной стоимости объекта недвижимости. По результатам проведенной экспертизы в суд поступило письменное заключение эксперта, в котором рыночная стоимость была указана без учета НДС. В связи с необходимостью получения заключения о рыночной стоимости объекта недвижимости была назначена дополнительная экспертиза, проведение которой было поручено тому же эксперту непосредственно в судебном заседании[133].

Думается, что допустимость проведения дополнительной экспертизы в судебном заседании в этом случае детерминирована простотой ее предмета. Сведущему лицу не требуется больших временных и трудовых затрат для определения рыночной стоимости объекта недвижимости с учетом НДС, когда ему известна эта стоимость без НДС.

Вместе с тем представляется, что норма о допустимости устного заключения эксперта все же является излишней и не обогащает правовое регулирование порядка получения такого средства доказывания.

Действующие источники цивилистического процесса единообразно предусматривают возможность вызова эксперта в судебное заседание для дачи ответов на вопросы сторон и суда, а также предоставления дополнительных пояснений относительно своего заключения.

Думается, что при отсутствии в КАС РФ нормы об устном заключении эксперта, необходимые для правильного рассмотрения вышеуказанного дела

---

[132] Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 13.02.2020 по делу № 66а-383/2020 // СПС «Гарант».

[133] Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.02.2021 по делу № 66а-516/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

сведения могут быть получены судом из устных пояснений эксперта в судебном заседании.

В этой связи, в целях обеспечения единообразия правового регулирования, видится правильным исключить рассмотренную норму из ч. 2 ст. 79 КАС РФ.

В действующем цивилистическом процессуальном законодательстве представлены два результата справочно-консультационной деятельности специалиста с различающейся внешней процессуальной формой - консультация специалиста и пояснения специалиста.

Гражданским процессуальным законодательством установлена форма дачи специалистом консультации и пояснений. Так, специалист дает консультацию в устной или письменной форме, а пояснения исключительно в устной. Письменная консультация специалиста оглашается в судебном заседании и приобщается к материалам дела, а устные консультация и пояснения заносятся в протокол судебного заседания (ч. 3 ст. 188 ГПК РФ). Аналогичная по содержанию норма воспроизведена в ч. 2 ст. 169 КАС РФ. АПК РФ предусматривает только устную форму консультации и разъяснений (в этой части терминологический аппарат несущественно отличается).

Из приведенных положений можно сделать вывод, что законодатель явно различает консультацию и пояснения специалиста. Между тем, каких-либо критериев их разграничения цивилистическим процессуальным законодательством не установлено.

В научной литературе встречаются следующие позиции ученых по вопросу соотношения анализируемых терминов.

Под консультацией и пояснениями специалиста в гражданском судопроизводстве А.А. Мохов понимает ответы на поставленные судом и лицами, участвующими в деле, вопросы, не требующие производства экспертизы[134]. Из предлагаемого определения следует, что данный автор эти понятия не дифференцирует.

---

[134] Мохов А.А. Указ. соч. С. 324.

О.Г. Дьяконова определяет консультацию специалиста как суждения, *пояснения*, ответы на поставленные перед ним судом и лицами, участвующими в деле, вопросы, представляемые специалистом без проведения исследования. Далее автором предлагается понятие разъяснений (пояснений) специалиста — это сообщенные им сведения, вносящие ясность по существу поставленных перед специалистом судом и лицами, участвующими в деле, вопросов[135]. Поскольку О.Г. Дьяконова определяет консультацию специалиста используя слово «пояснения», предполагаем, что она также отождествляет анализируемые понятия. В более поздней работе этим автором несколько скорректировано ранее предложенное определение консультации специалиста посредством исключения из него слова «пояснения». Кроме того, О.Г. Дьяконова отметила, что пояснения *фактически составляют часть консультации* (курсив мой – А.Л.)[136].

Е.Р. Россинская пишет, что в рамках консультации специалист дает разъяснения сторонам и суду по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию[137]. Учитывая, что слова «пояснения» и «разъяснения» являются синонимичными, представляется, что и данный автор не отграничивает пояснения специалиста от его консультации.

Судебная практика также не вносит ясности в анализируемый вопрос.

Зачастую суды используют термины «консультация» и «пояснения» в качестве взаимозаменяемых в рамках одного судебного акта[138].

В условиях отсутствия нормативного, правоприменительного и доктринального разграничения рассматриваемых понятий, использование разных терминов для обозначения неразличимых явлений представляется нецелесообразным. Вместе с тем до внесения соответствующих изменений в цивилистическое процессуальное законодательство, представляется, что термины

---

[135] Дьяконова О.Г. Формы участия специалиста в судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 8. С. 24.

[136] Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 170-171.

[137] Россинская Е.Р. Указ. соч. С. 16.

[138] См., например, Решение Донского городского суда Тульской области от 26.05.2020 по делу № 2-1329/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/DVF6PpbU5jQO/ (дата обращения: 01.11.2024), Решение Пестовского районного суда Новгородской области от 06.11.2018 по делу № 2-373/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/lg27qYz917HT/ (дата обращения: 01.11.2024).

«консультация», «пояснения» и «разъяснения» могут использоваться как взаимозаменяемые.

Вопрос о надлежащей внешней процессуальной форме консультации специалиста представляется правильным решить в пользу сохранения как устной, так и письменной формы консультации.

Так, первую из указанных форм следует признать основной, ведь именно в результате устного взаимодействия специалиста с судом и другими участниками процесса в судебном заседании сведущее лицо консультирует других участников процесса по возникшим у них в ходе рассмотрения дела вопросам.

Между тем, следует признать необходимой письменную форму консультации в случае, если сообщаемые специалистом суду сведения являются сложными для устного восприятия. В частности, потребность в письменной консультации проявляется при даче специалистом консультации о содержании норм иностранного права.

Думается, что оптимальным сочетанием устности и письменности при осуществлении специалистом справочно-консультационной деятельности будет устная форма консультации в качестве общего правила при наличии у суда полномочия потребовать от специалиста составления письменной консультации по результатам устной. Реализацию этого полномочия следует обусловить как собственным усмотрением суда, так и заявлением лицами, участвующими в деле, соответствующего ходатайства.

Из изложенных выше предложений вытекает потребность в реформировании правового регулирования участия специалиста в цивилистическом процессе.

Процессуальный порядок получения заключения эксперта и консультации специалиста среди других элементов процессуальной формы представляет наибольший интерес.

А.Ф. Клейнман объяснял необходимость проведения экспертизы в строгом процессуальном порядке правовой природой экспертизы как способа проверки доказательств и заключения эксперта как особого доказательства[139].

Думается, что этот подход утратил свою актуальность с развитием цивилистической процессуальной мысли. В настоящее время судебная экспертиза не рассматривается исключительно в качестве способа проверки других доказательств, но считается процессуальным инструментом установления фактических обстоятельств дела.

Для раскрытия содержания процессуального порядка получения заключения эксперта и консультации специалиста, видится необходимым исследовать нормы действующего цивилистического процессуального законодательства, регламентирующие:

1) процессуальный статус эксперта и специалиста. Как было отмечено выше, заключение эксперта и консультация специалиста относятся к личным доказательствам. Другие доказательства этого вида (показания свидетелей, объяснения лиц, участвующих в деле) суд воспринимает непосредственно от лиц, занимающих определенное процессуальное положение в рамках рассматриваемого дела. Иными словами, источником личного доказательства является лицо с конкретным процессуальным статусом. Думается, что объем процессуальных прав и обязанностей, которыми наделяются сведущие лица при вступлении в процесс, детерменирован целями их процессуальной деятельности. В этой связи реализация экспертом и специалистом предоставленных им прав и исполнение возложенных на них обязанностей направлены на выполнение предусмотренной процессуальным законодательством функции сведущих лиц (в рамках судебной экспертизы и справочно-консультационной деятельности – предоставление участникам процесса доказательственной информации);

2) процессуальные гарантии прав лиц, участвующих в деле, при назначении и проведении судебной экспертизы, получении консультации

[139] Клейнман А. Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 57.

специалиста. Применение сведущими лицами своих специальных знаний в гражданском, административном и арбитражном судопроизводствах не является обособленным процессом, закрытым для лиц, не являющихся субъектами процессуального правоотношения между судом и экспертом (специалистом). Заинтересованные лица имеют обеспеченную процессуальным законом возможность участвовать в формировании результата процессуальной деятельности эксперта и специалиста;

3) порядок взаимодействия сведущих лиц с другими участниками процесса. Одновременно с предоставлением заинтересованным лицам прав по участию в назначении и проведении судебной экспертизы, привлечении специалиста и дачи им консультации, равным образом значимым будет соблюдение равенства этих прав и предотвращение возможных злоупотреблений. В этой связи процессуальный порядок получения указанных средств доказывания может быть охарактеризован наличием предусмотренного законодательством порядка взаимодействия сведущих лиц с иными участниками цивилистического процесса. Установление такого порядка направлено на предотвращение возможного влияния лиц, заинтересованных в получении благоприятного для них заключения эксперта и консультации специалиста, на субъектов применения специальных знаний.

Указанным выше вопросам уже уделялось внимание исследователей в сфере цивилистического процесса[140]. Вряд ли имеет место необходимость для достижения поставленной нами цели подробно описывать процессуальные права и обязанности эксперта и специалиста, лиц, участвующих в деле, порядок назначения и проведения экспертизы. Остановимся лишь на тех их аспектах, которые могут быть названы сущностными признаками процессуального порядка получения заключения эксперта и консультации специалиста.

---

[140] См., например, Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): Дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 1998. 402 с.; Чернова М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 187 с.; Виаам. Х. Заключение эксперта и консультация специалиста в гражданском судопроизводстве: Дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2023. 285 с.; Юдин И.В. Заключение о результатах экспертизы как средство доказывания в гражданском судопроизводстве: Дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 238 с.

1. Сведущие лица приобретают процессуальный статус эксперта и специалиста с момента вынесения судом определения о привлечении их в качестве таковых к участию в деле. В случае, если проведение экспертизы поручено экспертной организации без указания конкретного эксперта, процессуальный статус эксперта приобретается работником этой организации с момента поручения ему проведения экспертизы руководителем экспертной организации (статья 14 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Основным элементом процессуального статуса эксперта является обязанность дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам.

Добросовестное исполнение этой процессуальной обязанности обеспечивается санкцией в виде уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, о которой предупреждается и дает подписку эксперт.

Наличие в заключении эксперта записи о предупреждении его об этой ответственности расценивается судебной практикой как минимальная гарантия гносеологической достоверности соответствующего заключения. Персональная ответственность эксперта за дачу им заведомо ложного заключения считается гарантией получения достоверных сведений от эксперта[141].

До принятия АПК РФ 2002 года источники гражданского процессуального права нашей страны не предусматривали обязательное предупреждение эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. При этом, необходимо отметить, что такая ответственность, безусловно устанавливалась уголовным законодательством.

Означают ли положения ч. 5 ст. 55 АПК РФ, ч. 2 ст. 80 ГПК РФ и ч. 16 ст. 49 КАС РФ, что если суд не предупредит эксперта об уголовной ответственности,

---

[141] См., например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.03.2024 № Ф05-3671/2024 по делу № А40-141653/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.08.2023 № Ф05-15401/2023 по делу № А40-152381/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.08.2023 № Ф05-15401/2023 по делу № А40-152381/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.03.2022 № Ф05-923/2022 по делу № А41-2319/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

последний не будет ее нести в случае дачи заведомо ложного заключения? Вопрос этот представляется риторическим в силу действия общеправового принципа «ignorantia legis neminem excusat».

Какую же цель в таком случае преследовал законодатель, требуя от суда в обязательном порядке предупредить эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения? Думается, что указанные выше нормы нацелены на профилактику совершения экспертом по причине незнания норм действующего уголовного права преступления против правосудия, затрудняющего достижение целей цивилистического процесса. Видимо, именно известность эксперту возможных уголовно-правовых последствий дачи им заведомо ложного заключения, по замыслу законодателя, служит процессуальной гарантией достоверности соответствующего заключения.

Установление концептуальной способности уголовно-правовой ответственности за дачу экспертом заведомо ложного заключения служить гарантией его достоверности видится необходимым для определения допустимости использования в доказывании по гражданским делам заключений, составленных по результатам экспертизы, которая была проведена во внепроцессуальном порядке. Сведущее лицо, которое провело внепроцессуальное исследование, не является субъектом ответственности, установленной ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации[142] (далее также – УК РФ). Означает ли, что такое заключение заведомо менее достоверно, чем заключение эксперта, полученное по результатам судебной экспертизы? Думается, что на поставленный вопрос следует ответить отрицательно по следующей причине.

Согласно п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 №20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», заведомо ложное заключение эксперта имеет место в частности при таких умышленных действиях как неправильное отражение экспертом в заключении результатов проведенного исследования, несообщение

[142] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 64-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29.12.2022 № 586-ФЗ). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании: Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

(умалчивание) о существенных для дела обстоятельствах, выявленных или установленных в ходе исследования[143]. Иными словами, заключение эксперта является заведомо ложным в случае, если сведущим лицом при его составлении были умышленно допущены недостатки и неточности, которые привели к недостоверности заключения. При таких обстоятельствах, представляется, что заведомая ложность выступает частным случаем недостоверности заключения эксперта.

В свою очередь на предмет достоверности должно быть проверено каждое доказательство, в том числе заключение эксперта. Предупреждение эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения не исключает необходимость проверки такого заключения на предмет достоверности. Если в результате исследования и оценки заключения в рамках цивилистического процесса обнаружится недостоверность заключения эксперта, это обстоятельство может послужить основанием для направления судом в правоохранительные органы частного определения об обнаружении в действиях эксперта признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ.

Наличие установленной уголовным законом ответственности судебного эксперта за заведомо недобросовестное выполнение возложенной на него функции не оказывает влияния на обязанность суда проверить представленное заключение на предмет достоверности. Равным образом эта обязанность сохраняется у суда и при исследовании и оценке заключения внепроцессуальной экспертизы (в случае признания такового источником доказательственной информации, к примеру, в качестве письменного доказательства или иного документа).

Следовательно, ответственность за дачу заведомо ложного заключения судебным экспертом не предопределяет его достоверности и не оказывает влияния на содержание процессуальной деятельности суда по исследованию и оценке доказательств. Думается, что норма ч. 1 ст. 305 УК РФ может оказывать на лиц, привлеченных к участию в цивилистическом процессе в качестве экспертов,

[143] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Российская газета. 07.07.2022. № 145.

дисциплинирующее воздействие, предотвращая в ряде случаев дачу заведомо ложных заключений. Вместе с тем это положение законодательства не освобождает правоприменителя от необходимости установления достоверности заключения эксперта в каждом конкретном случае.

Процессуальный порядок привлечения к участию в деле специалиста не предусматривает предупреждения его судом об уголовной ответственности за дачу заведомо ложной консультации. Кроме того, уголовным законом в принципе не предусмотрена ответственность специалиста за сообщение суду в ходе консультации заведомо ложных сведений.

Статья 307 УК РФ предусматривает ответственность специалиста за дачу заведомо ложных показаний. Цивилистическому процессу неизвестна такая форма использования специальных знаний как дача специалистом показаний, что в совокупности с нормой ч. 2 ст. 3 УК РФ о недопустимости применения аналогии уголовного закона оставляет дачу специалистом заведомо ложной консультации за рамками уголовно-правового регулирования, то есть ненаказуемой.

Подобное решение законодателя нельзя признать правильным.

Как было обосновано выше, консультация специалиста, несмотря на неопределенность правового регулирования ГПК РФ и прямого указания КАС РФ на отсутствие у нее доказательственного значения, является доказательством по делу. То обстоятельство, что посредством исследования консультации специалиста суд познает не искомые факты, а доказательственные и имеющие процессуальное значение, не устраняет потребность в обеспечении добросовестного выполнения специалистом возложенной на него процессуальной функции.

В подтверждение изложенных мыслей, в очередной раз обратимся к примеру, в котором специалист дает консультацию о содержании норм иностранного права. Совершенно ясно, что предоставление специалистом заведомо ложной информации об источниках и нормах иностранного права в ситуации, когда применимым к правоотношениям сторон является материальное право иностранного государства, будет иметь своим закономерным результатом неправильное разрешение спора.

В современной правоприменительной практике встречаются случаи, в которых суды при отправлении правосудия по гражданским делам предупреждают специалистов, привлекаемых для дачи консультации по делу, об уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ, за дачу заведомо ложного заключения или консультации[144]. Несмотря на отсутствие в настоящее время правовых оснований для предупреждения специалиста в цивилистическом процессе о такой ответственности, думается, что указанные случаи свидетельствуют о том, что реалии осуществления правосудия по гражданским делам требуют дополнения ч. 1 ст. 307 УК РФ указанием на ответственность специалиста за дачу заведомо ложной консультации. Нормы цивилистического процессуального законодательства, посвященные участию в деле специалиста, также нуждаются в дополнении их требованием об обязательном предупреждении судом специалиста об ответственности за дачу заведомо ложной консультации.

Вместе с тем еще раз отметим, что, как и в случае с заключением эксперта, наличие или отсутствие отметки о предупреждении специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложной консультации не предопределяет достоверности или недостоверности его консультации.

2. Как справедливо отмечает Т.В. Сахнова, процессуальные права лиц, участвующих в деле, выступают средством обеспечения права личности на судебную защиту. В свою очередь, проведение судебной экспертизы является одним из звеньев судебной защиты, позволяющих обеспечить правильное установление юридически значимых обстоятельств[145].

Одним из проявлений принципа состязательности в цивилистическом процессе является предоставление лицам, участвующим в деле, права предлагать суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы (ч. 2 ст. 79 ГПК РФ, ч. 2 ст. 82 АПК РФ, ч. 3 ст. 77 КАС).

---

[144] См., например, постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2023 № 15АП-16733/2023 по делу № А53-11079/2023; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2023 № 13АП-27919/2023; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 03.05.2023 по делу № А33-36520/2020; постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 26.11.2021 № 08АП-10859/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[145] Сахнова Т.В. Указ. соч. С.205-206.

Лица, спор о праве или законном интересе которых должен разрешить суд, в силу своей предполагаемой связи с предметом судебного рассмотрения и лучшего знакомства с обстоятельствами дела с большой вероятностью точно знают, какие вопросы следует поставить перед экспертом для получения истинного знания о об этих обстоятельствах.

В этой связи неправомерное ограничение права лиц, участвующих в деле, представить суду свои предложения по вопросам, разрешение которых следует поручить эксперту, рассматривается судебной практикой как существенное нарушение порядка назначения экспертизы, являющееся основанием для отмены судебного акта, основанного на полученном в результате такого исследования заключении[146].

Примечательна правовая позиция, выраженная в определении Верховного Суда РФ от 30.01.2007 №18-В06-95. В этом деле судебная экспертиза была назначена на стадии принятия искового заявления, без предоставления ответчику права предложить свои вопросы для постановки эксперту. Заключение эксперта по этому делу было признано полученным с грубым нарушением закона, в связи с чем оно не могло быть использовано при разрешении спора[147].

Отказ в признании за заключением эксперта, полученным с подобным нарушением прав лиц, участвующих в деле, доказательственного значения представляется верным решением правоприменителя.

Предоставленное лицам, участвующим в деле, современным процессуальным законодательством (ч. 2 ст. 79 ГПК РФ, ч. 3 ст. 82 АПК РФ, ч. 4 ст. 77 КАС РФ) право предлагать свои кандидатуры потенциальных экспертов восходит корнями в дореволюционный гражданский процесс.

---

[146] См., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2022 № 5-КГ21-181-К2; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2020 № 305-ЭС20-15163; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2017 № 36-КГ16-26 // СПС «КонсультантПлюс».

[147] Определение Верховного Суда РФ от 30.01.2007 № 18-В06-95 // СПС «КонсультантПлюс».

Статья 518 Устава гражданского судопроизводства предусматривала назначение сведущих лиц по взаимному согласию тяжущихся. Только в случае недостижения согласия эксперты назначались судом[148].

Представляется, что как современные, так и дореволюционные нормы, предусматривающие право тяжущихся принимать участие в выборе эксперта, направлены на повышение уровня доверия лиц, участвующих в деле, к назначенному судом эксперту.

Думается также, что сущность правового регулирования исследуемого вопроса с дореволюционного периода не изменилась. В современном цивилистическом процессе вероятность того, что стороны придут к соглашению относительно кандидатуры эксперта, видится крайне низкой.

В случае, когда суд соглашается с кандидатурой, предложенной одним из лиц, участвующих в деле, эксперта затруднительно признать согласованным всеми заинтересованными участниками процесса. Однако отсутствие общего согласия в кандидатуре эксперта нивелируется тем, что окончательный выбор осуществляет независимый и беспристрастный субъект – суд. Если же у заинтересованных участников процесса возникают сомнения в объективности и беспристрастности назначенного эксперта, они не лишены права, при наличии предусмотренных процессуальным законодательством оснований, заявить этому лицу отвод.

В отличие от порядка реализации права предлагать вопросы для постановки экспертам, суд не должен в определении о назначении судебной экспертизы указывать причины, по которым он отверг другие кандидатуры экспертов, предложенные лицами, участвующими в деле. К такому выводу можно прийти, исходя из метода правового регулирования в цивилистическом процессе. Так, процессуальное законодательство не предусматривает обязанности суда отразить в определении о назначении судебной экспертизы основания, по которым судом были отклонены кандидатуры экспертов, предложенные лицами, участвующими в деле. В правоприменительной практике справедливо отмечается, что суд вправе,

---

[148] Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией: Ч. 1. 2-е изд., дополненное. СПб: в типографии 2 отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1867. С. 262.

но не обязан учитывать предложения сторон относительно кандидатуры эксперта, а сам факт несогласия с кандидатурой эксперта, определенного судом, не свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права[149].

В научной литературе встречается предложение по предоставлению лицам, участвующим в деле, права предлагать при назначении экспертизы не только кандидатуру эксперта и перечень вопросов, но и методику проведения исследования[150]. На наш взгляд, такое нововведение оказалось бы скорее вредным, чем полезным для достижения целей цивилистического процесса. Как правило, суд и лица, участвующие в деле, специальными знаниями не владеют. Вместе с тем определение применимой для решения поставленных перед сведущим лицом вопросов методики является само по себе вопросом, требующим специальных знаний. Конечно, недостаток у суда и заинтересованных лиц специальных знаний может быть восполнен путем привлечения специалиста для оказания помощи в выборе методики, в соответствии с которой эксперту будет поручено провести исследование. Однако такое решение видится спорным по двум причинам. Во-первых, это, на наш взгляд, требует значительного увеличения временных затрат на решение вопроса о назначении экспертизы. Во-вторых, выбор методики проведения исследования на этапе назначения экспертизы исключает возможность добросовестного изменения ее сведущим лицом на более подходящую в случае, если такая потребность обнаружится уже после начала исследования. Для этого эксперту потребуется обращаться в суд с соответствующим ходатайством, что, опять же, потребует значительных временных затрат. В связи с изложенным думается, что решение вопроса о методике проведения исследования следует оставить на усмотрение сведущего лица, проводящего экспертизу.

---

[149] См., например, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.10.2023 № Ф09-6183/23 по делу № А76-29269/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.07.2023 № Ф10-2604/2023 по делу № А64-8483/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.06.2022 № Ф01-2279/2022 по делу № А43-52401/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.09.2021 № Ф06-9447/2021 по делу № А55-30348/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[150] Чернова М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 66.

Важнейшим правом лиц, участвующих в деле, выступает также возможность присутствовать при проведении экспертизы, за исключением случаев, если такое присутствие может помешать исследованию, совещанию экспертов и составлению заключения (ч. 3 ст. 84 ГПК РФ, ч. 2 ст. 83 АПК РФ, ч. 3 ст. 79 КАС РФ).

Некоторые ученые полагают необходимым установить более жесткие условия, при которых допускается присутствие лиц, участвующих в деле, при проведении судебной экспертизы.

О.Г. Дьяконова, к примеру, считает, что эксперты должны заранее уведомляться судом о присутствии лиц, участвующих в деле, при проведении экспертизы. Кроме того, данный автор считает необходимым получение согласия эксперта на присутствие при проведении экспертизы лиц, участвующих в деле[151].

Вряд ли можно признать предложения О.Г. Дьяконовой необходимыми для отражения в законодательстве. Во-первых, право лиц, участвующих в деле, присутствовать при проведении экспертизы закреплено во всех кодифицированных источниках цивилистического процесса, что, как нам кажется, исключает потребность в специальном уведомлении об этом экспертов в каждом конкретном деле. Во-вторых, возникает вопрос, кто должен получить согласие эксперта на присутствие при проведении экспертизы лиц, участвующих в деле? Единственным субъектом процесса, с которым лица, участвующие в деле, состоят в процессуальных отношениях, является суд. Следовательно, они напрямую с экспертом не взаимодействуют. Получение судом, как органом судебной власти, согласия у лица, содействующего суду в осуществлении правосудия, на совершение определенного процессуального действия, является ситуацией, противоречащей руководящей роли суда в процессе как органа судебной власти. В этой связи, думается, что получение согласия эксперта на присутствие при проведении экспертизы лиц, участвующих в деле, не требуется.

---

[151] Дьяконова О.Г. Институт использования специальных знаний в проекте Кодекса административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 36 - 39.

Заслуживающим большего внимания является вопрос о необходимости лицам, участвующим в деле, получать согласие суда на присутствие при проведении экспертизы.

В научной литературе высказано мнение, что право на присутствие при проведении экспертизы может быть реализовано лицами, участвующими в деле, при наличии соответствующего разрешения суда, зафиксированного в определении о назначении экспертизы[152].

Данная позиция во находит поддержку со стороны правоприменителя в правовой позиции, выраженной в п. 11 постановления ПП ВАС №23, в котором Высший Арбитражный Суд РФ рекомендовал судам исходить из того, что лица, участвующие в деле, вправе реализовать свое процессуальное право на присутствие при проведении экспертизы (если экспертиза проводится не в месте нахождения лица, участвующего в деле, и вне зала судебного заседания), подав в суд до назначения экспертизы ходатайство об этом.

Такой подход признать правильным не представляется возможным по следующим основаниям.

Во-первых, процессуальное законодательство, как на дату принятия вышеуказанного постановления, так и в настоящее время не содержит положений, ограничивающих временной промежуток, в который может быть заявлено ходатайство о присутствии заинтересованного лица при проведении экспертизы. «Разъяснение» о необходимости совершения этого действия до назначения экспертизы является ничем иным как новой нормой, созданной Пленумом ВАС РФ.

Во-вторых, думается, что единственным лицом, способным определить, будет ли присутствие лиц, участвующих в деле, мешать проведению экспертизы, является эксперт. При таких обстоятельствах, суд может решить вопрос о допустимости присутствия лиц, участвующих в деле, при проведении экспертизы до ее назначения только основываясь на предположении о существовании риска создания препятствий нормальной работе эксперта. Считать предположение суда

---

[152] Курс доказательственного права: гражданский процесс, арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М.: Статут, 2014. С. 380 (автор главы – Н.Н. Раскатова).

достаточным основанием для ограничения процессуального права лица, участвующего в деле, признать правильным не представляется возможным.

В-третьих, если обратиться к схожему процессуальному институту – осмотру на месте, можно обнаружить, что для реализации права сторон присутствовать при проведении осмотра не требуется дополнительная легитимация в виде разрешения суда.

Думается, что наиболее эффективное решение рассматриваемого вопроса кроется в дополнении существующего правового регулирования нормой, предусматривающей обязанность эксперта уведомить лиц, участвующих в деле, о времени и месте проведения экспертизы или той ее части, в которой допустимо их участие. В случае, если эксперт обоснованно полагает, что присутствие лиц, участвующих в деле, при проведении исследований помешает его нормальной работе и выполнению его процессуальной функции, эксперту следует направить суду и лицам, участвующим в деле, соответствующее уведомление с отражением его содержания и мотивов такого решения эксперта в подготовленном заключении.

Более чем обоснованным представляется мнение М.В. Жижиной, что присутствие лиц, участвующих в деле, при проведении экспертизы документов практически трудно осуществимо[153]. С этим невозможно не согласиться. Однако вряд ли данный пример свидетельствует о нецелесообразности присутствия лиц, участвующих в деле, при проведении любой экспертизы. Противоположными примером может являться проведение строительно-технической и товароведческой экспертиз, объектом которых выступает крупногабаритный товар, находящийся на ответственном хранении покупателя. В обоих случаях экспертное исследование в обязательном порядке включает осмотр объекта экспертизы по месту его нахождения.

Представляется, что присутствие при осмотре объекта экспертизы в вышеуказанных случаях лиц, участвующих в деле, не препятствует правильному проведению осмотра. Напротив, эти лица могут на месте ответить на возникающие

---

[153] Жижина М.В. Криминалистическая экспертиза документов в арбитражном судопроизводстве: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 56.

у эксперта вопросы, обратить его внимание на обстоятельства, которые они полагают существенными.

Рассмотрим встречающиеся в научной литературе аргументы в пользу ужесточения условий допустимости присутствия лицу, участвующих в деле, при проведении экспертизы.

Так, М.В. Жижина справедливо отмечает, что сложность проводимых исследований и одновременно большая личная ответственность за их результаты требуют от эксперта определенного психологического напряжения, повышенного внимания, сосредоточенности, учета многих факторов и т.п.[154]

Схожую позицию высказывает Д.А. Иванов, полагающий, что «присутствие посторонних лиц - один из факторов, нарушающих нормальную работу эксперта или экспертов, особенно когда речь заходит о формулировании итоговых выводов»[155].

Из этой посылки М.В. Жижина приходит к выводу, что появление в поле зрения эксперта посторонних для его работы людей, требование ответов на вопросы, замечания по поводу его действий в процессе исследования и формирования экспертного вывода крайне нежелательны, в связи с чем возможности присутствия лиц, участвующих в деле при проведении экспертизы следует еще больше ограничить. Данный автор предлагает три таких ограничения, нисколько не умаляющих, по ее мнению, принцип состязательности сторон: 1) эксперт должен быть согласен на присутствие лиц, участвующих в деле; 2) регламент присутствия должен определяться экспертом; 3) присутствие лиц, участвующих в деле, при проведении экспертизы допускается в порядке исключения, а не общего правила[156].

Несостоятельность предложения о необходимости получения согласия эксперта на присутствие заинтересованных лиц при проведении исследования была рассмотрена нами выше. Предложение М.В. Жижиной об определении регламента

---

[154] Жижина М.В. Указ. соч. С. 55.
[155] Иванов Д.А. Судебно-медицинская экспертиза как предпосылка права гражданина на справедливое судебное разбирательство // «Налоги» (газета). 2009. №18.
[156] Жижина М.В. Указ. соч. С. 56.

присутствия лиц, участвующих в деле, экспертом, на наш взгляд следует поддержать, поскольку именно сведущее лицо, проводящее экспертизу, может определить, в какой части такое присутствие не будет мешать нормальному ходу исследования и получению достоверных результатов.

Наконец, рассмотрим, насколько оправданным будет предоставление лицам, участвующим в деле, возможности присутствовать при проведении экспертизы в порядке исключения, а не общего правила. Представляется, что, предлагая такое ограничение, данный автор упустил из внимания то обстоятельство, что более всего при ограничении прав лиц, участвующих в деле, на присутствие при проведении экспертизы страдает гласность.

Отметим, при этом, что речь идет не о гласности в смысле публичности процесса, а о гласности в узком смысле слова.

В современной цивилистической процессуальной доктрине принцип гласности традиционно раскрывается через право любых лиц, не являющихся участниками судебного процесса, присутствовать при рассмотрении гражданских дел в открытых судебных заседаниях[157].

Думается, имеются все основания говорить, что в таком понимании принцип гласности отражает начало публичности, о котором писал Е.В. Васьковский[158].

Вместе с тем гласность в тесном смысле слова, как указывал данный автор, не представляет собой самостоятельного принципа, а является следствием, с одной стороны, принципов непосредственности и устности, требующих, чтобы суд входил в личное общение с тяжущимися, а с другой стороны – принципов состязательности и равноправности, из которых первый возлагает на самих тяжущихся подготовку процессуального материала, а второй – дает им одинаковые средства защиты и нападения. «Проведение всех четырех названных принципов было бы совершенно невозможно, если бы действия одной стороны и вызванная

---

[157] Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др.; Под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 45.

[158] На заре современного цивилистического процесса Е.В. Васьковский писал, что следует различать гласность в тесном смысле слова – гласность для сторон, и гласность общую, которая распространяется на всех желающих, или публичность. См. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 416.

ими деятельность суда были неизвестны другой стороне. Поэтому принцип гласности для сторон имеет безусловное значение и не терпит никаких изъятий.»[159].

Изменение характера предусмотренного цивилистическим процессуальным законодательством правила о допустимости определенного процессуального действия с общего на исключительное не может быть расценено иначе как снижение гарантий гласности судебного разбирательства для лиц, участвующих в деле.

Между тем, как верно отметил Конституционный Суд РФ в одном из своих определений, незаконное препятствование присутствию лиц, участвующих в деле, при проведении экспертизы является, ущемлением процессуального права данных лиц и нарушением установленного порядка проведения экспертизы, что в соответствии с частью второй статьи 55 ГПК Российской Федерации делает невозможным признание заключения эксперта, выполненного по результатам исследования, проведенного с названными нарушениями закона, доказательством, которое может быть положено в основу решения суда[160].

Подобная оценка правоприменителем описанного нарушения лишний раз подчеркивает значимость сохранения процессуального права лиц, участвующих в деле, присутствовать при проведении судебной экспертизы как одной из составляющих процессуальной формы заключения эксперта.

Рассмотрим процессуальные права лиц, участвующих в деле, при осуществлении специалистом справочно-консультационной деятельности.

Среди таких прав основным является право задавать специалисту вопросы (ч. 4 ст. 188 ГПК РФ, ч. 3 ст. 87.1 АПК РФ, ч. 3 ст. 169 КАС РФ).

При даче специалистом устной консультации у лиц, участвующих в деле, не возникает затруднений в реализации этого права. Однако в случае, если консультация дается специалистом в письменной форме, возникает вопрос о

---

[159] Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 416.

[160] Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сакулиной Татьяны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 84 и частью третьей статьи 86 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

порядке реализации сторонами права задать специалисту интересующие их вопросы. Процессуальным законодательством эта ситуация не урегулирована.

Следует отметить, что в силу императивного требования об обязательной устной форме консультации специалиста в арбитражном процессе, в этом виде цивилистического процесса такой проблемы не возникает.

Думается, что наиболее эффективным способом соблюдения процессуальных прав лиц, участвующих в деле, в гражданском и административном судопроизводстве является установление определением суда, которым от специалиста запрашивается письменная консультация, срока, в течение которого стороны могут представить ему свои вопросы.

Учитывая, что в отличие от судебной экспертизы при даче специалистом консультации проведение специального исследования не требуется, думается, что ограничивать лиц, участвующих в деле, в праве задать специалисту любое количество интересующих их вопросов не следует.

3. Приобретая свой процессуальный статус, эксперт и специалист вступают в процессуальные правоотношения с судом. Гражданские процессуальные правоотношения с другими участниками процесса у эксперта не возникают, а, следовательно, не возникает каких-либо корреспондирующих прав и обязанностей с лицами, участвующими в деле.

Между тем, в ходе проведения судебной экспертизы зачастую обнаруживается потребность в предоставлении эксперту дополнительных материалов, находящихся в распоряжении других участников процесса. Применительно к этой ситуации процессуальное законодательство устанавливает два правила:

1) эксперт вправе ходатайствовать перед судом о предоставлении ему дополнительных документов (ч. 3 ст. 85 ГПК РФ, ч. 3 ст. 55 АПК РФ, п. 4 ч. 13 ст. 49 КАС РФ);

2) эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы, вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит

под сомнение его незаинтересованность в исходе дела (ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, ч. 6 ст. 49 КАС РФ). Примечательно, что АПК РФ такой нормы не содержит.

Для метода гражданского процессуального права характерны императивные начала правового регулирования – разрешены только те действия, которые прямо предусмотрены процессуальным законодательством[161].

В этой связи цель ограничения процессуальной активности эксперта при сборе материалов для экспертизы достигается действием первого из названных выше правил. Право эксперта самостоятельно получать от лиц, участвующих в деле, материалы для проведения экспертизы не предусмотрено процессуальным законодательством, а, следовательно, отсутствует.

В связи с этим представляется правильным подход АПК РФ к правовому регулированию рассматриваемого вопроса. Как было упомянуто выше, данный кодекс не содержит специальной нормы, запрещающей эксперту самостоятельно собирать доказательства. Однако подобный запрет упоминается в п. 11 ПП ВАС №23. Несмотря на отсутствие в тексте документа обоснования этого положения, думается, что Высший Арбитражный Суд руководствовался обозначенной выше характеристикой метода гражданского процессуального права.

Возникает вопрос: какую цель преследовал законодатель, специально указывая в ГПК РФ и КАС РФ на то, что эксперт не вправе вступать в личный контакт с другими участниками процесса, чтобы получить материалы, необходимые для проведения экспертизы?

Думается, что данная норма, как и правило о предупреждении эксперта об уголовной ответственности, направлена на предотвращение нарушения экспертом процессуального порядка проведения экспертизы с последующим лишением его заключения доказательственного значения. Правоприменительная практика следует именно по этому пути, признавая заключение эксперта, составленное на основании материалов, самостоятельно полученных экспертом, недопустимым

[161] См., например: Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др. / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С. 11; Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2004. С. 24.

доказательством[162]. При этом отсутствие аналогичной по содержанию нормы в АПК РФ не может служить основанием для вывода, что в арбитражном процессе непосредственное взаимодействие эксперта с другими участниками процесса допускается в силу метода правового регулирования, принцип действия которого был сформулирован выше.

Итак, действующее процессуальное законодательство не допускает самостоятельный сбор экспертом материалов для производства экспертизы (ч. 6 ст. 49 КАС РФ, ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, ст. 16 ФЗ о ГСЭД). Думается, что под «материалами для производства» в этом контексте понимаются объекты экспертного исследования, а не любые материалы, используемые сведущим лицом при проведении экспертизы. К примеру, при рассмотрении Арбитражным судом Московской области одного из экономических споров на разрешение экспертов в том числе был поставлен вопрос о соответствии технических показателей поставленной продукции указанным в паспорте качества фактическим показателям ингибированной присадки коррозии, условиям договора поставки, технического задания, техническим условиям, являющимся приложениями к договору поставки.

С целью установления соответствия технических показателей товара указанным выше условиям подлежал определению водородный показатель pH 1% водного раствора. В рамках проведения экспертизы был произведен отбор проб ингибиторной присадки (товара). Для получения водного раствора использовалась дистиллированная и водопроводная вода. Разумеется, водопроводная и дистиллированная вода экспертам для проведения исследования судом не предоставлялись.

В другом деле судебная экспертиза проводилась с целью проверки коррозионной стойкости материала, из которого изготовлен радиатор. Исследование включало в себя помещение образцов материалов в камеру с реактивами соляного тумана при температуре 35 градусов. Использованные

[162] См., например, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2022 по делу № 88-8220/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2022 № 88-24432/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

экспертом для проведения исследования реактивы и камера, в которую помещались пробы, судом не предоставлялись.

Толкуя нормы ч. 6 ст. 49 КАС РФ, ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, ст. 16 ФЗ о ГСЭД как строгое правило, в силу которого любые материалы, используемые при проведении исследования, должны быть предоставлены эксперту судом, заключения экспертов, представленные в суд по результатам вышеописанных исследований, должны были быть признаны недопустимыми доказательствами, поскольку получены с нарушением установленного законодательством порядка судебной экспертизы.

Вместе с тем вряд ли может быть признано оправданным получение экспертом водопроводной воды, необходимой для проведения исследования, через суд путем заявления соответствующего ходатайства. В свою очередь, представляется, что в ходатайствовании экспертом перед судом о предоставлении ему инструментов и химических реактивов для проведения исследования в принципе отсутствует целесообразность.

Изложенное, думается, позволяет сделать вывод о необходимости толкования анализируемых норм ГПК РФ, КАС РФ и ФЗ о ГСЭД как ограничивающих эксперта в возможности самостоятельного сбора материалов, представляющих собой объекты экспертизы. При этом свобода в выборе экспертной методики предполагает свободу сведущего лица в использовании средств проведения исследования, которые предполагает такая методика. На основании изложенного, на наш взгляд, можно сделать вывод о несовершенстве используемого процессуальным законодательством терминологического аппарата, поскольку категория «материалы» используется для обозначения разных по своей сути явлений объективной реальности. Термин «материалы», как представляется, было бы целесообразно применять только для обозначения средств, используемых экспертом для проведения исследования. В отношении же предметов материального мира, полученных от инициатора проведения экспертизы или заинтересованных в ее проведении лиц, которые непосредственно исследуются

экспертом для ответов на поставленные перед ним вопросы, следует использовать категорию «объекты исследования».

Достаточно важным для дальнейшего рассмотрения процессуальной формы результатов применения специальных знаний представляется вопрос о причинах, по которым самостоятельное получение экспертом материалов для проведения экспертизы рассматривается как нарушение процессуальной формы заключения эксперта.

Думается, что ответ кроется в структуре гражданского процессуального правоотношения. Не погружаясь в научную дискуссию и оставаясь в рамках предмета нашего исследования, согласимся с позицией тех ученых, которые полагают, что гражданское процессуальное правоотношение есть единое сложное правоотношение, состоящее из отдельных элементарных правоотношений суда с каждым участником процесса[163].

Основной единицей содержания элементарного правоотношения между судом и экспертом является процессуальная обязанность последнего дать объективное заключение по поставленным перед ним вопросам. Процессуальной гарантией надлежащего исполнения этой обязанности выступает запрет взаимодействия эксперта с другими участниками процесса, помимо суда. Эксперт дает заключения исходя из своих специальных знаний на основе проведенного исследования материалов, представленных на экспертизу. В ситуации, когда эксперт получает от лица, участвующего в деле, какие-либо материалы для проведения исследования минуя суд, правоприменительный орган не владеет информацией о таких документах и об их содержании на момент передачи эксперту. Вывод эксперта в такой ситуации не будет строиться на материалах дела (по крайней мере, полностью), что исключает надлежащее исполнение им процессуальной обязанности.

Таким образом, элементами надлежащей процессуальной формы заключения эксперта и консультации специалиста в цивилистическом процессе являются:

---

[163] Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия / Гурвич М.А. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Краснодар: Совет. Кубань, 2006. С. 45 - 47.

– источник доказательства (оба средства доказывания личные),

– внешняя процессуальная форма доказательства (письменное заключение эксперта, консультация специалиста (по общему правилу устная с наделением суда правом потребовать составления письменной консультации),

– процессуальный порядок получения (складывается из процессуального статуса эксперта и специалиста, гарантий обеспечения процессуальных прав лиц, участвующих в деле, а также строго регламентированных процессуальным законодательством порядком взаимодействия эксперта и специалиста с заинтересованными лицами).

Значение заключения эксперта и консультации специалиста как предусмотренного процессуальным законодательством средства доказывания приобретает только такой результат применения специальных знаний, который был получен в строгом соответствии со всеми указанными выше требованиями процессуальной формы.

В связи с изложенным не теряет своей актуальности давно известная науке гражданского процессуального права проблема наличия доказательственного значения у таких результатов применения специальных знаний в непроцессуальной форме как заключение внепроцессуальной экспертизы и рецензия на заключение эксперта.

Указанные документы вполне могут соответствовать по внешней процессуальной форме заключению эксперта и, при определенных обстоятельствах, консультации специалиста. Вместе с тем порядок получения таких документов значительно отличается от предусмотренного действующим законодательством для указанных средств доказывания. В этой связи заключение внепроцессуальной экспертизы и рецензии на заключение эксперта не приобретают процессуальной формы заключения эксперта и консультации специалиста соответственно.

Вместе с тем как писал С.В. Курылев, «процессуальная форма судебного доказательства, - писал он более полувека назад, - как вообще любая форма, не может иметь приоритета над содержанием»[164].

Вряд ли можно отрицать, что результаты проведенных внепроцессуальных экспертиз могут иметь доказательственное значение. В этой связи актуальной проблемой является определение надлежащей формы, в которой такие документы могут использоваться в цивилистическом процессе в качестве средства доказывания.

Не менее острой в свете данных судебной статистики[165] является проблема определения доказательственного значения и надлежащей процессуальной формы ответа на запрос Суда по интеллектуальным правам, направляемого в порядке ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ.

Думается, что указанные выше результаты применения специальных знаний могут быть обобщенно охарактеризованы как имеющие неопределенную правовую природу.

---

[164] Курылев С.В. Указ. соч. С. 266, 437.

[165] В 2023 году запросы о даче разъяснений, консультаций в порядке ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ направлялись Судом по интеллектуальным правам в 14% рассмотренных в отчетном периоде дел. URL: https://ipc.arbitr.ru/node/13545 (дата обращения: 30.04.2024).

ГЛАВА 2. ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВНЕПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Понятие и виды внепроцессуальной экспертизы

Термин «внепроцессуальная экспертиза» неизвестен современному процессуальному законодательству. Не встречается он и в источниках цивилистического процесса более ранних исторических периодов.

В процессуальной литературе этот термин впервые упоминается в докторской диссертации Т.А. Лилуашвили, защищенной в 1969 году. Внепроцессуальной экспертизой данный автор называет экспертизу, порядок проведения которой не предусмотрен гражданским процессуальным законодательством[166].

Думается, что вести речь о наличии некой «внепроцессуальной экспертизы» возможно только при ее противопоставлении парной категории – процессуальной экспертизе.

Как было рассмотрено в предыдущем параграфе, применение специальных знаний посредством проведения специального исследования привлеченным в установленном процессуальным законодательством порядке сведущим лицом осуществляется в процессуальной форме судебной экспертизы.

В этой связи следует определить, можно ли для обозначения совокупности исследований, проводимых не в связи с рассмотрением конкретного гражданского дела судом, использовать термин «несудебная» или «внесудебная экспертиза».

Стоит отметить, что именно такой термин часто используется в научной и профессиональной юридической литературе для обозначения исследований, проводимых без соответствующего определения суда в связи с рассмотрением

---

[166] Лилуашвили Т.А. Применение специальных познаний в советском гражданском процессе: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 1970, С. 396.

гражданских дел[167]. Для целей отграничения судебной экспертизы от внесудебной используются следующие признаки:

1) внесудебная экспертиза проводится не по назначению суда;

2) внесудебная экспертиза проводится без соблюдения требований гражданской процессуальной формы;

3) судебная экспертиза назначается и проводится с соблюдением порядка, установленного процессуальным законодательством (как раз в этом признаке Т.А. Лилуашвили видит основное различие судебной и внепроцессуальной экспертизы);

4) лицо, проводящее внесудебную экспертизу, на момент ее проведения не обладает процессуальным статусом эксперта;

5) судебная экспертиза направлена на достижение определенных юридических целей.

Думается, что ни один из указанных выше признаков не может быть использован для разграничения судебной и несудебной экспертизы по следующей причине.

В ходе осуществления правосудия по гражданским делам могут складываться ситуации, в которых экспертиза, назначенная судом, проведенная с соблюдением установленного процессуальным законодательством порядка лицом, которому ее проведение было поручено, не будет квалифицироваться как судебная экспертиза.

Согласно п. 13 ПП ВАС №23, заключение эксперта по результатам проведения судебной экспертизы, назначенной при рассмотрении иного судебного дела, а равно заключение эксперта, полученное по результатам проведения внесудебной экспертизы, не могут признаваться экспертными заключениями по рассматриваемому делу. Поскольку заключение эксперта как доказательство

---

[167] См., например, Жуков Ю.М. Судебная экспертиза в советском гражданском процессе: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 1965. С. 13; Сахнова Т.В. Экспертиза в суде по гражданским делам: Учебно-практическое пособие. М., 1997. С. 34; Чернова М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 55; Бортникова Н.А. Внесудебные экспертные исследования (досудебная экспертиза) // СПС «КонсультантПлюс». 2023; Дячук М., Мельников В. Финансово-экономическая экспертиза в делах о субсидиарной ответственности // Юридический справочник руководителя. 2022. № 11. С. 77 - 92.

является результатом проведенной по делу судебной экспертизы, из приведенной правовой позиции можно сделать вывод, что экспертиза, проведенная по другому делу, не рассматривается Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации как судебная. К сожалению, ВАС РФ не отразил в указанном выше постановлении основания, на которых строится такая правовая позиция. Вместе с тем их нетрудно установить.

Пункт 1 ст. 79 ГПК РФ, п. 1 ст. 82 АПК РФ и п. 1 ст. 77 КАС РФ в качестве процессуального основания для назначения судом экспертизы называют возникновение *в ходе рассмотрения дела вопросов*, требующих специальных знаний.

Исследование, проведенное сведущим лицом на основании определения суда, является судебной экспертизой только в том процессе, в котором она была назначена. Соответственно, результаты такого исследования равным образом квалифицируются как заключение эксперта только в том процессе, в котором судебная экспертиза была назначена и проведена. Следовательно, принципиальное значение для правильной квалификации исследований, проводимых в цивилистическом процессе сведущими лицами, и их результатов имеет связь с конкретным гражданским делом, в рамках которого имела место экспертиза.

Изложенная выше правовая позиция ВАС РФ, таким образом, не является выработанным судебной практикой подходом к оценке доказательств, как полагают одни авторы[168], но логически следует из смысла нормы п. 1 ст. 82 АПК РФ.

По схожей причине вряд ли можно признать абсолютно необходимым разъяснение Верховным Судом Российской Федерации возможности квалификации заключений, составленных по результатам проведения внепроцессуальных экспертиз, в качестве заключений эксперта в гражданском процессе и административном судопроизводстве[169].

---

[168] Каменков М.В. Процессуальный статус внесудебных заключений экспертов // Закон. 2014. № 9. С. 150 - 155.

[169] В литературе встречается мнение, что именно по причине отсутствия таких разъяснений суды общей юрисдикции испытывают трудности с определением доказательственного значения результатов подобных исследований. См.: Хлюстов П. Внесудебная экспертиза в гражданском и арбитражном процессах // ЭЖ-Юрист. 2016. № 8. С. 4.

Думается, что именно в наличии связи проведенного исследования с конкретным гражданским делом, с конкретным процессом заключается критерий, позволяющий разграничивать судебную экспертизу и внесудебную. В силу указанной связи специальное исследование является судебной экспертизой только в том судебном процессе, в рамках которого было вынесено определение о ее назначении.

Возвращаясь к выбору термина для обозначения таких исследований, отметим, что использование понятия «внесудебная экспертиза» для обозначения судебной экспертизы, проведенной в другом процессе, несколько противоречиво.

Безусловно, логической ошибки здесь нет, поскольку, представляется, что слово «судебная» указывает не на родовое наименование органа, уполномоченного государством рассматривать и разрешать гражданские дела, но на конкретный суд, компетентный осуществлять производство по конкретному гражданскому делу. Вместе с тем использование такого термина способно внести определенную путаницу, в том числе при правоприменении.

В этой связи меньше вопросов вызывает употребление термина «внепроцессуальная экспертиза». Однако следует учитывать, что этому понятию придается иное значение, нежели предложенное Т.А. Лилуашвили, который, как отмечено выше, использовал данный термин для обозначения экспертизы, порядок проведения которой не предусмотрен гражданским процессуальным законодательством.

Основываясь на выявленном выше критерии, внепроцессуальную экспертизу можно определить как специальное исследование, проведенное не в рамках конкретного гражданского процессуального правоотношения, возникшего между судом и иными участниками процесса в связи с рассмотрением конкретного гражданского дела.

В отличие от судебной экспертизы, представляющей собой целостное явление, характерные признаки которого так или иначе могут быть выделены посредством анализа действующего законодательства, внепроцессуальная экспертиза представляет собой собирательную категорию.

Применение специальных знаний в форме проведения исследования встречается в административной и юрисдикционной деятельности государственных органов, в рамках гражданских правоотношений по договору возмездного оказания услуг, предметом которого выступает проведение экспертизы, в ходе рассмотрения и разрешения гражданских дел третейскими судами. Отдельного внимания заслуживает проведение экспертизы по постановлению нотариуса в порядке обеспечения доказательств по гражданским делам. Кроме того, как было отмечено выше, эта категория, по нашему мнению, должна включать также судебную экспертизу, проведенную при рассмотрении другого гражданского дела.

Экспертиза в сфере государственного управления (ведомственная экспертиза)[170].

Отправление правосудия судами не является единственной сферой деятельности государственных органов, в которой может возникать необходимость в использовании специальных знаний в форме проведения экспертизы.

Термин «экспертиза» в сфере государственного управления используется для обозначения двух категорий явлений.

В первом случае экспертиза представляет собой административную процедуру, результат которой может быть оспорен исключительно в судебном порядке. В качестве примеров подобных процедур можно привести медико-социальную экспертизу, историко-культурную экспертизу, государственную экспертизу проектной документации и государственную экологическую экспертизу. Следует отметить, что, как правило, порядок проведения данного вида экспертиз подробно регламентирован подзаконными актами Правительства

[170] В научной литературе экспертиза, проводимая в случаях, когда потребность в специальных знаниях возникает при осуществлении органами государственной власти и местного самоуправления своих публичных функций, зачастую называется ведомственной (См., например, Лилуашвили Т.А. Применение специальных познаний в советском гражданском процессе: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 396; Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 40 – 42; Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова [и др.] ; под ред. М.А. Фокиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. С. 465 (автор главы – Н.Н. Раскатова). Думается, что содержание терминов «экспертиза в сфере государственного управления» и «ведомственная экспертиза» не различаются по содержанию, что позволяет использовать их в качестве взаимозаменяемых.

Российской Федерации[171]. Результат такой экспертизы является единственным способом установления определенного юридического факта. Например, степень стойкой утраты гражданином профессиональной трудоспособности в отсутствие заключения медико-социальной экспертизы не может быть установлена какими-либо иными способами[172]. Этим обусловлена возможность судебного обжалования заключений, полученных по результатам таких административных процедур.

В другом случае экспертиза выступает средством получения государственным органом информации, необходимой для осуществления административной процедуры. Экспертизы, назначаемые административным органом в инициативном порядке в ситуациях, когда для правильного проведения административного действия требуются специальные знания, представляют основной интерес в рамках настоящего исследования в силу близости предпосылок их назначения и проведения со специальными исследованиями, назначаемыми при осуществлении правосудия по гражданским делам.

Такие экспертизы назначаются, в частности, при проведении налогового контроля, при совершении таможенных операций и проведении таможенного контроля, в ходе рассмотрения обращений граждан уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг, в рамках рассмотрения административными органами дел об административных правонарушениях[173]. Правовое регулирование таких экспертиз во многом схоже. Законодательство в сфере административной

---

[171] См., например, Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 558 (ред. от 28.11.2023) «О признании лица инвалидом» (вместе с «Правилами признания лица инвалидом»). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Собрание законодательства РФ, 11.04.2022, № 15, ст. 2506; Постановление Правительства РФ от 15.07.2009 № 569 (ред. от 03.12.2022) «Об утверждении положения о государственной историко-культурной экспертизе». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Собрание законодательства РФ, 27.07.2009, № 30, ст. 3812; Постановление Правительства РФ от 05.03.2007 №145 (ред. от 15.09.2023) «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета, №52, 15.03.2007; Постановление Правительства РФ от 07.11.2020 № 1796 (ред. от 29.12.2023) «Об утверждении Положения о проведении государственной экологической экспертизы». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Собрание законодательства РФ, 16.11.2020, № 46, ст. 7296.

[172] См., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.02.2016 № 14-КГ15-22 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2023 № 88-27251/2023 по делу № 2-22/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Самарского областного суда от 22.05.2018 по делу № 33-5877/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[173] Примечательно, что в административно-деликтном процессе отсутствует деление экспертизы на судебную и несудебную (ст. 26.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ).

деятельности государственных органов и органов местного самоуправления устанавливает основание для назначения экспертизы, регламентирует процедурные вопросы порядка ее назначения и проведения, закрепляет требования к внешней форме заключения эксперта, а также обозначает основные права эксперта и лиц, в отношении которых производятся административные действия.

В качестве меры, направленной на стимулирование экспертов к добросовестному проведению исследования в рамках государственного и муниципального контроля, действующее законодательство об административных правонарушениях предусматривает ответственность эксперта за дачу заведомо ложного заключения[174]. Достоверность результатов указанных экспертных исследований обеспечивается предусмотренной соответствующими нормативными правовыми актами возможностью проведения дополнительной и повторной экспертиз[175].

Следует оговориться, что Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»[176] не предоставляет финансовому уполномоченному полномочия по назначению дополнительной и повторной экспертиз, не содержит требований к порядку проведения экспертизы, форме и содержанию заключения эксперта. Не распространяется на эксперта, проводящего специальное исследование по поручению финансового уполномоченного, и правило о привлечении его к административной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, поскольку рассмотрение уполномоченным обращения гражданина не является формой государственного контроля.

---

[174] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 (ред. от 11.03.2024). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета, № 256, 31.12.2001.

[175] См., например, ст. 95 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 26.02.2024). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета № 148-149, 06.08.1998; ст. 392 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза // URL: http://www.eaeunion.org (дата обращения 01.11.2024).

[176] Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета, № 121, 06.06.2018.

Вместе с тем отсутствие такого рода гарантий не препятствует признанию судебными органами за заключением независимой экспертизы, проведенной в рамках рассмотрения обращения потребителя финансовым уполномоченным, доказательственного значения[177].

Экспертиза, проводимая в ходе рассмотрения дела третейским судом.

Общественная форма защиты нарушенного права представлена в российской правовой системе в том числе в виде деятельности третейских судов.

Статья 29 Федерального закона от 29.12.2015 №382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее также - Закон об арбитраже) наделяет третейские суды правом назначать экспертизу. Порядок проведения экспертизы в ходе третейского разбирательства законодательством не регламентирован. Заключение может быть представлено экспертом как в письменной, так и в устной форме. После представления заключения эксперт принимает участие в слушании для ответов на вопросы арбитража и сторон.

Закон об арбитраже при условии соблюдения его императивных норм допускает согласование сторонами по своему усмотрению правил процедуры арбитража. Положения указанного закона об экспертизе носят диспозитивный характер, что позволяет сторонам спора без ограничений определять процедуру ее проведения и устанавливать требования к заключению эксперта.

Учитывая диспозитивный метод правового регулирования экспертизы в рамках процедуры арбитража, представляет интерес, какие правила проведения экспертизы устанавливаются субъектами третейского разбирательства на практике. Ответ на этот вопрос можно найти в правилах постоянно действующих арбитражных учреждений.

Так, правила арбитража внутренних споров Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации

---

[177] См. п. 130 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. № 261. 18.11.2022.

лаконично регулируют вопрос проведения экспертизы[178]. Параграф 28 правил указывает лишь на возможность третейского суда назначить экспертизу и потребовать у сторон предоставления необходимых для экспертизы документов и материалов.

Более интересен арбитражный регламент Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража[179] (далее также РАЦ при РИСА). В ст. 42 арбитражного регламента установлено, что кандидатура эксперта согласуется сторонами и назначается составом арбитража самостоятельно только в случае, если такое согласие не достигнуто. Экспертом может быть назначено независимое от сторон беспристрастное лицо. Вопросы, по которым эксперт должен дать свое заключение, указываются в постановлении состава арбитража о назначении экспертизы. Состав арбитража вправе потребовать от каждой из сторон предоставления эксперту необходимых для проведения исследования материалов и документов. Установлена обязательная письменная форма заключения эксперта.

Особый интерес вызывает положение ст. 43 арбитражного регламента РАЦ при РИСА, которое предоставляет сторонам возможность предоставления письменных заключений экспертов по результатам исследований, назначенных такой стороной в одностороннем порядке. При этом такой эксперт может быть вызван в РАЦ при РИСА для участия в устном слушании. Примечательно, что арбитражный регламент не устанавливает требований к подобному эксперту и к порядку проведения им исследования. Из содержания регламента остается также неясным, будет ли такое заключение рассматриваться как эквивалентное заключению, полученному по результатам проведенной по назначению арбитража экспертизы.

Статья 40 регламента Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей[180] (далее также АЦ при РСПП) регулирует

---

[178] Приложение 3 к приказу ТПП РФ №6 от «11» января 2017 года в редакции Приказа ТПП РФ №41 от 22 апреля 2020 года «Правила арбитража внутренних споров» // URL: https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/ (дата обращения 13.04.2024).

[179] Арбитражный регламент 2021 Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража // URL: https://centerarbitr.ru/text/ (дата обращения 13.04.2024).

[180] Регламент Арбитражного центра при РСПП (утвержден распоряжением Президента РСПП от «21» июня 2018 года №РП-5) // URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/regulation/ (дата обращения: 13.04.2024).

назначение и проведение экспертизы схожим образом с регламентом РАЦ при РИСА. В статье указываются права лиц, участвующих в деле, и эксперта в связи с проведением исследования. Арбитражный регламент АЦ при РСПП предоставляет лицам, участвующим в деле, право присутствовать при проведении экспертизы, за исключением случаев, когда такое присутствие препятствует нормальной работе эксперта, что коррелирует с аналогичным правом, предоставленным лицам, участвующим в деле, цивилистическим процессуальным законодательством. При этом в регламенте содержится важная оговорка: лица, участвующие в деле, могут присутствовать при проведении исследования, но не при составлении заключения.

В ст. 41 арбитражного регламента устанавливаются требования к содержанию заключения эксперта, которое дается им только в письменной форме. В заключении должны быть отражены время, место и основание проведения исследования, сведения об эксперте, вопросы, поставленные перед ним, объекты исследования и материалы дела, изученные экспертом, содержание и результаты исследования, оценка результатов исследования экспертом.

Арбитражный регламент Арбитражного центра при Автономной некоммерческой организации «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе»[181] в ст. 40 предусматривает обязательную письменную форму заключения эксперта, подробно регламентирует порядок назначения эксперта и заявления отводов, но при этом обходит стороной требования к структуре и содержанию заключения.

Изученные положения арбитражных регламентов позволяют прийти к заключению, что процедура производства экспертизы в постоянно действующих арбитражных учреждениях в большинстве случаев приближена к порядку проведения экспертизы, установленному процессуальным законодательством.

Представляется, что в свете частноправовой природы третейского разбирательства схожесть в порядке назначения и проведения экспертных

[181] Регламент Арбитражного центра при Автономной некоммерческой организации «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе» (утвержден протоколом от 28.02.2024 № 3/24 Наблюдательного совета Автономной некоммерческой организации «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе») // URL: https://www.arbitration-niratec.ru/rules/ (дата обращения: 13.04.2024).

исследований в рамках арбитража и цивилистического процесса является одним из проявлений отмеченной в научной литературе тенденции к конкуренции государственных и третейских судов в борьбе за юрисдикцию[182].

Наиболее явное различие в правовом регулировании экспертизы в рамках третейского разбирательства и судебной экспертизы заключается в том, что законодательство об арбитраже не устанавливает правила об ответственности эксперта за дачу заведомо ложного заключения. КоАП РФ и УК РФ также не распространяют ответственность за дачу заведомо ложного заключения на лицо, проводящее специальное исследования по поручению третейского суда.

Отсутствием подобного правила, на наш взгляд, обусловлено большое внимание, уделяемое в арбитражных регламентах постоянно действующих арбитражных учреждений процедуре назначения эксперта и выяснению мнения сторон относительно каждой предложенной кандидатуры.

Думается, что обозначенное различие в определенной степени нивелируется большей возможностью сторон правового конфликта влиять на организационные аспекты третейского разбирательства. Экспертом в арбитраже становится либо лицо, которому обе стороны доверяют в добросовестности и качестве проведения специального исследования, либо субъект, выбранный составом арбитража, сформированным в согласованном сторонами порядке. Во втором случае наделение сторонами состава арбитража полномочиями по разрешению возникшего спора выражает, в частности, доверие избранным арбитрам в решении возникающих в ходе третейского разбирательства организационных вопросов, к которым относится назначение экспертизы и выбор эксперта при отсутствии консенсуса сторон относительно его кандидатуры. Объем прав, которыми в арбитраже наделяются спорящие стороны в связи с назначением и проведением специального исследования, на наш взгляд обеспечивает их консенсус по вопросу о наличии у заключения эксперта доказательственного значения.

---

[182] Стрельцова Е.Г. Взаимодействие судебного и альтернативных порядков защиты субъективного права и принудительное исполнение исполнительных документов в социальном государстве. Дис…. д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 94-95.

Таким образом, отсутствие в арбитраже одного из средств обеспечения достоверности заключения эксперта не исключает концептуальную допустимость использования такого заключения в доказывании ввиду предоставления участникам третейского разбирательства комплекса прав, обеспечивающих их доверие проведенному исследованию и его результатам. Дополнительно следует отметить, что объем этих прав эквивалентен тем, которыми наделяются лица, участвующие в деле в рамках цивилистического процесса.

Экспертиза, проводимая в порядке обеспечения доказательств нотариусом.

В научной литературе наиболее распространена точка зрения, в силу которой экспертиза, назначенная нотариусом в порядке обеспечения доказательств, не является по смыслу действующего законодательства судебной[183]. Вместе с тем встречается и противоположная позиция[184].

Представители юридического сообщества, придерживающиеся мнения о том, что экспертизу, назначенную нотариусом, следует квалифицировать как судебную, приводят в обоснование своей точки зрения два аргумента.

Первый довод в пользу такой квалификации выводится из нормы абз. 3 ст. 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[185], которая устанавливает, что при назначении экспертизы нотариус руководствуется гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации[186]. Некоторые ученые толкуют это положение как распространяющее действие норм ГПК РФ на правоотношения, возникающие при назначении экспертизы

---

[183] См., например, Бегичев А.В. Назначение экспертизы нотариусом в порядке обеспечения доказательств // Современное право. 2011. №8. С. 113-114; Калиниченко Т.Г. Нотариальное право и процесс в Российской Федерации: теоретические вопросы развития: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 209; Москаленко М.Н. Обеспечение доказательственной информации нотариатом: монография. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. С. 95.; Дьяконова О.Г. Экспертизы по постановлению нотариуса: обновление правового регулирования // Нотариус. 2013. № 7. С. 10 - 14.

[184] См., например, Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова [и др.] ; под ред. М.А. Фокиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. С. 485 (автор главы – Н.Н. Раскатова); Бортникова Н.А. Внесудебные экспертные исследования (досудебная экспертиза) // СПС КонсультантПлюс. 2023.

[185] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 24.07.2023). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета. 13.03.1993. № 49.

[186] Малешин Д.Я. Процессуальные гарантии назначения нотариусом экспертизы // Нотариальный вестник. 2023. № 1. С. 10-11.

нотариусом. Поскольку предполагается, что порядок назначения экспертизы нотариусом и судом совпадает, делается вывод, что специальное исследование, назначаемое в рамках обеспечения нотариусом доказательств, осуществляется с соблюдением установленных процессуальным законодательством правил назначения и проведения судебной экспертизы.

Полагаем, что с таким подходом затруднительно согласиться по следующим основаниям.

Судебная экспертиза с формальной точки зрения представляет собой процессуальное действие – проводимую в соответствии с нормами цивилистического процессуального законодательства процедуру, имеющую своей целью получение юридически значимого для рассмотрения и разрешения гражданского дела результата – сведений о фактах. Следует отметить, что такая процедура не просто осуществляется судом, но имеет место именно в рамках цивилистического процесса.

Одним из элементов гражданской процессуальной формы является вовлечение в процесс рассмотрения дела заинтересованных лиц с наделением их правами[187], реализация которых призвана способствовать защите предположительно нарушенного или оспоренного права[188]. Частное проявление этот признак процессуальной формы находит и в правовом институте судебной экспертизы.

Между нотариусом и лицами, заинтересованными в назначении им экспертизы, не возникают гражданские процессуальные правоотношения. Норма о том, что нотариус при назначении экспертизы руководствуется гражданским процессуальным законодательством, регламентирует исключительно его действия, совершаемые в рамках этой нотариальной процедуры, и не является основанием для возникновения каких-либо предусмотренных процессуальным

---

[187] Подробно права, которыми наделяются лица, участвующие в деле, при производстве судебной экспертизы были рассмотрены в предыдущей главе.

[188] Гражданское процессуальное право России: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. Т.1 / С.Ф. Афанасьев [и др.] ; под ред. С.Ф. Афанасьева. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 44-45 (автор главы – Д.А. Туманов); Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд., перераб. – М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 25 (автор главы – М.К. Треушников); Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект. 2023. С. 42 (автор главы – А.Т. Боннер).

законодательством прав у других лиц. В этой связи следует признать ошибочной действующую норму абз. 3 ст. 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, исходя из которой нотариус совершает процессуальные действия, обеспечивая доказательства.

Учитывая, что нотариус и заинтересованные лица не вступают в гражданские процессуальные правоотношения, при назначении экспертизы нотариусом не действует предусмотренная процессуальным законодательством система гарантий реализации процессуальных прав лиц, участвующих в деле. Установленные процессуальным законодательством права при производстве нотариусом какого-либо нотариального действия попросту еще не существуют, а поэтому в принципе не могут быть реализованы. Лица, заинтересованные в проведении экспертизы, могут, к примеру, заявить эксперту отвод, однако такому заявлению не корреспондирует обязанность нотариуса его рассмотреть.

К.Б. Рыжовым была верно отмечена неясность в вопросе об источнике властных полномочий нотариуса при назначении экспертизы, а также в том, должны ли другие лица, заинтересованные в совершении нотариального действия, подчиняться воле нотариуса[189]. Совершенно справедливо данный автор указывает на недостаточность оговорки о публичной функции нотариуса для возникновения у эксперта прав и обязанностей, связанных с проведением экспертизы. Действительно, нотариус при назначении экспертизы в порядке обеспечения доказательств не приобретает правового статуса лица, ведущего процесс. Соответственно, властных полномочий в отношении обратившихся к нему лиц и эксперта, за исключением прямо предусмотренных Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, у него также не возникает.

В научной литературе встречается и другой довод в пользу признания экспертизы, назначаемой нотариусом, судебной экспертизой. Для обоснования такого правового регулирования предлагается исходить из презумпции повышенной доказательственной силы у доказательств, обеспеченных

---

[189] Рыжов К.Б. Новеллы законодательства об обеспечении доказательств нотариусом и доказательственной силе нотариальных документов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 4. С. 85 - 91. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нотариусом[190]. Думается, что такой аргумент основан на неверном толковании норм процессуального законодательства, освобождающих от доказывания обстоятельств, подтвержденных нотариусом (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, ч. 5 ст. 69 АПК РФ).

Следует согласиться с позицией В.В. Аргунова, о том, что не требуют доказывания обстоятельства, которые непосредственно были восприняты при производстве нотариального действия[191]. Само заключение, полученное по результатам проведенного исследования, не имеет повышенной доказательственной силы[192].

Таким образом, экспертиза, проведенная по назначению нотариуса, не может быть признана судебной экспертизой. Вместе с тем следует отметить, что законодательство о нотариате прямо наделяет нотариуса полномочием назначить экспертизу в соответствии с требованиями гражданского процессуального законодательства, а, следовательно, у эксперта, к которому обращается нотариус, возникает корреспондирующая обязанность провести экспертное исследование, которое ему было поручено. В этом случае деятельность эксперта по даче заключения регламентирована нормами гражданского процессуального законодательства.

Гарантией достоверности заключения, полученного в рамках обеспечения нотариусом доказательств, как и в случае с заключением эксперта (по результатам судебной экспертизы) выступает уголовная ответственность сведущего лица, проводящего исследование, за дачу заведомо ложного заключения.

Вопрос о наличии доказательственного значения у заключения эксперта, полученного по результатам экспертизы, назначенной нотариусом, не вызывает затруднений в правоприменительной практике и справедливо решается в пользу

---

[190] Малешин Д.Я. Указ. соч. С. 11-12.

[191] Аргунов В.В. Нотариальный акт в судебном доказывании по гражданским делам: историко-теоретический очерк // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. С. 143 - 144.

[192] Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / П.Д. Багрянская, О.А. Беляева, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. В.М. Жуйков. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2021. Вып. 28. 200 с. (Авторы главы – Дьяконова М.О., Багрянская П.Д., Синицын С.А.). // СПС «КонсультантПлюс».

признания такого документа источником сведений о фактах, имеющих значение для дела[193].

Оценка имущества.

Статья 188 ГПК РФ в качестве разновидности непосредственной технической помощи специалиста называет оценку имущества. В судебной практике встречаются случаи, когда результат проведения специалистом оценки имущества оформляется в качестве его консультации[194].

В научной литературе отмечается, что оценочная деятельность зачастую имеет своим результатом заключения в сфере ремонта, торговли, строительства и т.п. Отличающееся процессуальное оформление результатов оценочной деятельности А.Т. Боннер связывал с бесспорным наличием доказательственного значения таких результатов[195].

Полагаем, что это положение нуждается в некотором уточнении. Как было рассмотрено в предыдущей главе, целью непосредственной (технической) помощи является оказание суду содействия в производстве процессуального действия, которое требует специальных знаний.

Деятельность сведущих лиц по оценке имущества является предметом правового регулирования Федерального закона от 29.07.1998 №135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон об оценочной деятельности). Согласно статье 3 этого федерального закона, под оценочной деятельностью понимается профессиональная деятельность субъектов оценочной деятельности, направленная на установление в отношении объектов оценки рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной или иной предусмотренной федеральными стандартами оценки стоимости.

---

[193] См., например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2023 № Ф05-816/2023 по делу № А40-46975/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.03.2024 № Ф10-692/2024 по делу № А62-6368/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.09.2022 № 88-15881/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.08.2021 по делу № 88-16805/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[194] См. например, решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 15.11.2019 по делу № 2-7585/2019 // СПС «Гарант»; решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 16.09.2019 по делу № 2-8705/2019 // СПС «Гарант».

[195] Боннер А.Т. Указ. соч. С. 430.

Сущность деятельности по оценке имущества заключается в проведении исследования с применением соответствующих методик и получением конкретного результата в виде отчета о стоимости объекта оценки. В научной литературе отмечается, что с методологической точки зрения деятельность эксперта по оценке имущества в порядке судебной экспертизы тождественна оценочной деятельности за рамками цивилистического процесса[196].

Результатом оценочной деятельности является получение нового знания, не существовавшего на момент принятия решения о необходимости проведения оценки. Учитывая цель, преследуемую при осуществлении данной деятельности вообще и в рамках цивилистического процесса в частности, представляется правильным рассматривать оценку не как форму деятельности специалиста, но как частную разновидность экспертизы.

Подтверждение правильности такой квалификации можно найти, обратившись к особенностям рассмотрения дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости (гл. 25 КАС РФ).

Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации в пункте 23 постановления Пленума от 30.06.2015 №28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости»[197] (далее – постановление Пленума ВС РФ №28), в случае возникновения вопросов, требующих специальных знаний в области оценочной деятельности, суд назначает экспертизу, которая должна быть направлена, в том числе, на установление рыночной стоимости объекта недвижимости.

Следовательно, в рамках данной категории дел деятельность сведущего лица по определению рыночной стоимости объекта оценки облекается в форму судебной экспертизы. Примечательно, что Верховный Суд Российской Федерации в этой

---

[196] Дьяконова О.Г. Судебная экспертиза и оценка имущества: проблемы разграничения и законодательного регулирования // Российский юридический журнал. 2018. №1. С. 159.

[197] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

правовой позиции ссылается наряду с КАС РФ на нормы ГПК РФ, посвященные порядку назначения судебной экспертизы.

Складывается противоречивая ситуация: ГПК РФ называет оценку разновидностью деятельности специалиста по оказанию суду непосредственной технической помощи, однако при этом в рамках административного судопроизводства оценочная деятельность осуществляется в форме судебной экспертизы, а Верховный Суд Российской Федерации, закрепляя приведенную выше правовую позицию, ссылается, в том числе, и на нормы ГПК РФ, определяющие правовые основания для проведения по делу судебной экспертизы.

Такое состояние правового регулирования может быть объяснено тем, что изменения в ч. 1 ст. 188 ГПК РФ не вносились с даты принятия кодекса в первоначальной редакции. Несмотря на то, что правовую регламентацию процессуальной деятельности специалиста в гражданском процессе на момент принятия ГПК РФ можно было полноправно назвать законодательной новеллой, спустя более чем 20 лет признать ее соответствующей времени не представляется возможным.

Думается, что норма ч. 1 ст. 188 ГПК РФ нуждается в корректировке, по крайней мере в части исключения указания на то, что оценка имущества является разновидностью непосредственной технической помощи.

Необходимо отметить, что в соответствующей корректировке также нуждается Федеральный закон от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[198] (далее также ФЗ об исполнительном производстве), который в настоящее время не содержит положений о порядке проведения экспертизы на этапе исполнительного производства, но при этом включает нормы, посвященные оценке имущества специалистом, привлекаемым судебным приставом-исполнителем. При этом результат такой процессуальной деятельности сведущего лица может в силу ч. 4 ст. 61 указанного закона может представлять собой отчет или заключение. Некоторые ученые рассматривают это положение как указание на

[198] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об исполнительном производстве». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета. № 223. 06.10.2007.

письменную внешнюю процессуальную форму результатов справочно-консультационной деятельности специалиста в исполнительном производстве[199]. Такая позиция не может быть признана верной по следующей причине.

Как следует из положений ч. 2 ст. 85 ФЗ об исполнительном производстве, специалист (оценщик) в обязательном порядке привлекается к участию в исполнительном производстве при необходимости оценки недвижимого имущества, драгоценных металлов и драгоценных камней, предметов, имеющих историческую или художественную ценность и ряда других объектов. Императивный характер указанной нормы на наш взгляд детерминирован тем, что достоверная оценка в указанных случаях требует проведения сложного исследования с применением специальных знаний, которыми судебный пристав-исполнитель может не владеть. Это предположение подтверждается методическими рекомендациями ФССП России по организации работы по оценке арестованного имущества, в силу п. 3.7 которых результаты оценочной деятельности сведущего лица в исполнительном производстве оформляются в виде отчета об оценке и проверяются службой судебных приставов на соответствие установленным федеральными стандартами требований[200] и правоприменительной практикой[201].

В свете упомянутой близости характера преследуемых в рамках внепроцессуальной оценочной деятельности и судебной экспертизы целей заключим, что участие сведущего лица в оценке имущества в установленных ФЗ об исполнительном производстве случаях является по своей природе применением специальных знаний в форме проведения экспертного исследования, а не дачи специалистом консультации. В этой связи сведущее лицо, проводящее при таких

---

[199] Ковалева А.В. О возможности участия специалиста при обеспечении доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 107 - 117.

[200] Методические рекомендации по организации работы по оценке арестованного имущества (утв. ФССП России 24.07.2013 № 01-9) (ред. от 08.07.2014). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. № 11. 2013.

[201] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.12.2018 № 18-КГ18-224 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Президиума ВАС РФ от 23.10.2012 № 6083/12 по делу № А40-114306/11-93-1021 // СПС «КонсультантПлюс»; определение ВАС РФ от 28.12.2012 № ВАС-16273/12 по делу № А03-15310/2011 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2022 № 88а-4702/2022 по делу № 2а-2005/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.09.2021 № Ф07-12310/2021 по делу № А21-4001/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

обстоятельствах оценку, должно приобретать процессуальный статус эксперта, а не специалиста.

При этом следует подчеркнуть, что необходимость дополнения законодательства об исполнительном производстве положениями о порядке проведения экспертизы не свидетельствует о том, что специалист в исполнительном производстве не участвует. В научной литературе представлена точка зрения, в силу которой функции специалиста в исполнительном производстве схожи с функциями эксперта в гражданском и арбитражном процессах[202]. С такой позицией трудно согласиться по следующей причине. Как было показано ранее по тексту настоящего исследования, эксперт и специалист привлекаются к участию в деле для достижения разных по своему характеру целей. Представляется, что этот вывод видится равным образом применимым для каждой стадии цивилистического процесса, в том числе и для исполнительного производства.

Думается, что в современном российском исполнительном производстве представлены все три формы применения специальных знаний.

Классическим примером непосредственной (технической) помощи, которая оказывается специалистами на этапе принудительного исполнения судебных актов является участие в исполнительном производстве педагогов и психологов[203]. Другим примером реализации этой формы применения специальных знаний может быть названо участие специалистов в области землеустройства в осмотре судебным приставом-исполнителем земельного участка, с которого должник на основании вступившего в законную силу решения суда должен был перенести забор[204]. Таким образом, можно со всей уверенностью заявить, что в исполнительном производстве участвует сведущее лицо, которое оказывает судебному приставу-исполнителю

---

[202] Валеев Д.Х. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. «Об исполнительном производстве (продолжение) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5. С. 115.

[203] Письмо ФССП России от 28.04.2016 № 00011/16/37579-СВС «Об организации работы по исполнению исполнительных производств, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 01.06.2016. № 6; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.07.2023 № 88а-20884/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.05.2023 № 88а-13286/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского областного суда от 01.03.2023 по делу № 33а-7585/2023 // СПС «Гарант».

[204] Решение Луховицкого районного суда Московской области от 16.04.2015 по делу № 2-410/2015 // СПС «Гарант».

непосредственную (техническую) помощь при совершении исполнительных действий. Это обстоятельство не позволяет прийти к выводу о том, что содержание деятельности специалиста в исполнительном производстве тождественно процессуальной деятельности эксперта на предыдущих стадиях цивилистического процесса.

Как уже было упомянуто ранее, сведущие лица, осуществляющие оценочную деятельность в рамках исполнительных действий, по существу проводят экспертное исследование. При этом в правоприменительной практике встречаются и иные случаи проведения экспертизы на этой стадии цивилистического процесса.

К примеру, в рамках принудительного исполнения решения о сносе самовольной постройки судебным приставом-исполнителем было вынесено постановление о привлечении к участию в исполнительном производстве специалистов, результатом деятельности которых стало письменное экспертное заключение, содержащее сведения о проведении на момент экспертного осмотра полного демонтажа ранее существовавшей самовольной постройки и вывозе строительного мусора. Указанным заключением было также установлено, что выполнения каких-либо дополнительных работ для сноса строения не требуется[205].

В другом деле на разрешение привлеченных судебным приставом-исполнителем специалистов были поставлены вопросы идентификационного характера. Сведущему лицу надлежало определить, является ли передаваемое в рамках исполнительного производства имущество оборудованием, установленным в автомобиль заводом-изготовителем, и, если нет, указать, какое оборудование необходимо установить на передаваемое имущество, чтобы добиться его заводских характеристик[206].

Еще в одном деле в постановлении судебного пристава-исполнителя перед специалистом был поставлен вопрос о соответствии представленных одной из

---

[205] Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2024 № 88а-1879/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[206] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.05.2020 № Ф06-60152/2020 по делу № А57-3463/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

сторон исполнительного производства документов постановлению Правительства Оренбургской области, определяющему порядок установления необходимости проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах. Кроме того, сведущему лицу было постановлено предоставить сведения об установлении уровня износа конкретного многоквартирного дома с учетом даты постройки[207].

Судебные приставы-исполнители привлекают к участию в исполнительном производстве сведущих лиц (иногда даже посредством вынесения постановления о назначении экспертизы[208]) для проведения последними специального исследования по имеющим значение для исполнительного производства вопросам, не связанным с оценкой имущества, и во многих других случаях[209]. В ряде случаев специалисты путем проведения исследования определяют по поручению судебных приставов-исполнителей, исполнено ли решение суда[210].

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что в настоящее время в исполнительном производстве фактически существует институт назначения и проведения экспертизы. При этом метод правового регулирования цивилистического процесса вынуждает констатировать, что указанная практика противоречит действующему законодательству, не предусматривающему такой формы применения специальных знаний на этапе принудительного исполнения судебных актов. Вместе с тем частота обращения судебных приставов-

---

[207] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2023 № 18АП-13573/2023 по делу № А47-7830/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[208] Определение Верховного Суда РФ от 29.08.2017 № 307-КГ17-7434 по делу № А56-5225/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

[209] См., например, кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2024 № 88а-5287/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2023 № 88а-28181/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2023 № 88а-21260/2023 по делу № 2а-199/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.09.2023 № Ф10-4402/2023 по делу № А68-139/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2023 № 88А-18712/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.07.2023 № Ф09-4252/23 по делу № А50-32369/2022 // «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.10.2022 № Ф05-25652/2022 по делу № А40-55244/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[210] См., например, постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.07.2020 № Ф02-2932/2020, Ф02-3029/2020 по делу № А33-25414/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2023 № 17АП-9797/2023-АК по делу № А50-14307/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.05.2020 № Ф06-60152/2020 по делу № А57-3463/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

исполнителей к специалистам в порядке ст. 61 ФЗ об исполнительном производстве именно для проведения специального исследования, на наш взгляд, свидетельствует о наличии явной потребности в законодательном закреплении юридической возможности привлечения сведущих лиц в исполнительное производство для проведения экспертизы. В свете значительной сепарации принудительного исполнения судебных актов от других стадий цивилистического процесса и ограниченной роли суда в исполнительном производстве, вряд ли будет корректным именовать такую экспертизу судебной.

Возвратимся к позиции Д.Х. Валеева о том, что специалисты на этапе принудительного исполнения судебных актов выполняют функцию экспертов. На наш взгляд, такой вывод вполне можно сформулировать, изучив практику применения судебными приставами-исполнителями ст. 61 ФЗ об исполнительном производстве. Действительно, в подавляющем большинстве случаев специалисты привлекаются к участию в исполнительном производстве именно для проведения специальных исследований (преимущественно, оценки имущества). Кроме того, использование законодателем по отношению к этой деятельности сведущих лиц некорректного терминологического аппарата (смешение терминов специалист и эксперт, консультация специалиста и заключение эксперта) затрудняет выявление результатов справочно-консультационной деятельности специалиста среди экспертных заключений, именуемых консультациями.

Вместе с тем на наш взгляд обнаружить консультации специалиста в собственном смысле слова можно по различиям с экспертными заключениями во внешней процессуальной форме. Так, в случаях, когда в судебных актах речь идет о даче специалистом устных пояснений в ходе исполнительного производства, такая деятельность сведущего лица является по своей природе именно справочно-консультационной[211]. Общее правило о невозможности и недопустимости получения устного заключения эксперта было сформулировано и подробно рассмотрено в предыдущей главе. Кроме того, думается, что справочно-

[211] Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2023 № 88а-13448/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

консультационная деятельность имеет место при обращении судебным пристава-исполнителем к психологу для проведения последним консультации сторон исполнительного производства относительно порядка общения несовершеннолетних детей с матерью, отцом или другим родственником (в зависимости от того, кто из них выступает взыскателем)[212]. Особенностью деятельности специалиста в этом случае является предоставление консультаций не лицу, ведущему исполнительное производство, а сторонам.

Материалы исследованной правоприменительной практики позволяют прийти к выводу об участии в современном исполнительном производстве не только специалиста, но и эксперта, о наличии признаков осуществления этими лицами всех известных доктрине форм использования специальных знаний: экспертизы, справочно-консультационной деятельности и оказания участникам исполнительного производства непосредственной (технической) помощи. В этой связи представляется необходимой легализация сформировавшейся практики проведения экспертизы на стадии принудительного исполнения судебных актов, путем внесения соответствующих изменений в ФЗ об исполнительном производстве.

Вернемся к рассмотрению требований, предъявляемых к порядку проведения оценки и оформления ее результатов. Федеральным законом об оценочной деятельности установлены обязательные требования, которым должно соответствовать проводимое оценщиком исследование и отчет об оценке.

Одним из инструментов обеспечения достоверности данного отчета служат принципы его составления, установленные федеральным стандартом оценки «Отчет об оценке (ФСО VI)», утвержденном приказом Минэкономразвития от 14.04.2022 №200[213].

---

[212] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.10.2020 № 88а-15091/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 14.12.2020 по делу № 33а-6015/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Московского городского суда от 12.10.2020 по делу № 7-11714/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[213] Приказ Минэкономразвития России от 14.04.2022 № 200 (ред. от 30.11.2022) «Об утверждении федеральных стандартов оценки и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России о федеральных стандартах оценки» (вместе с «Федеральным стандартом оценки «Структура федеральных стандартов оценки и основные понятия, используемые в федеральных стандартах оценки (ФСО I)», «Федеральным стандартом оценки «Виды стоимости (ФСО II)», «Федеральным стандартом оценки «Процесс оценки (ФСО III)», «Федеральным

Прежде всего, следует упомянуть, что отчет об оценке составляется исключительно в письменной форме. Принципы его составления сформулированы в форме императивных требований, которых должен придерживаться оценщик:

1) в отчете об оценке должна быть изложена вся существенная информация, использованная оценщиком при определении стоимости объекта оценки;

2) существенная информация, приведенная в отчете об оценке, должна быть подтверждена путем раскрытия ее источников;

3) отчет должен содержать достаточное количество сведений, позволяющее квалифицированному специалисту, не участвовавшему в процессе оценки объекта оценки, понять логику и объем проведенного оценщиком исследования, убедиться в его соответствии заданию на оценку и достаточности для ее цели.

Одной из основных обязанностей оценщика является соблюдение требований Федерального закона об оценке, федеральных стандартов оценки, иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области оценочной деятельности, а также требований стандартов и правил оценочной деятельности, утвержденных саморегулируемой организацией оценщиков, членом которой он является.

Гарантией достоверности результатов оценки выступает также обеспечение имущественной ответственности оценщиков путем ее страхования или формирования компенсационного фонда саморегулируемой организацией оценщиков. Основанием для наступления гражданско-правовой ответственности оценщика является нарушение требований законодательства и иных обязательных для оценщика норм и правил при проведении досудебной оценки.

На заказчика по договору на проведение оценки имущества не может возлагаться бремя установления достоверности результата оценки и соблюдения порядка ее проведения, поскольку он не является сведущим лицом.

Представляется, что этим обусловлена правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении Пленума ВС РФ №28, в силу

стандартом оценки «Задание на оценку (ФСО IV)», «Федеральным стандартом оценки «Подходы и методы оценки (ФСО V)», «Федеральным стандартом оценки «Отчетом об оценке (ФСО VI)») // СПС «КонсультантПлюс».

которой судебная экспертиза по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости должна быть направлена не только на установление рыночной стоимости объекта оценки, но и включать проверку отчета на соответствие требованиям законодательства об оценочной деятельности.

Невозможность использования судом результата досудебной оценки имущества для определения стоимости имущества в рамках судебного разбирательства свидетельствует о ненадлежаще проведенной оценке и является частным основанием возникновения имущественной ответственности оценщика, составившего недостоверный отчет[214].

Инструментами проверки достоверности отчета об оценке и соблюдения оценщиком установленных требований к оценочной деятельности выступают экспертиза данного отчета[215] и контрольные мероприятия, проводимые саморегулируемой организацией в отношении состоящих в ней оценщиков.

Думается, что при таких обстоятельствах разумным поведением оценщика во избежание наступления ответственности является проведение досудебной оценки таким образом, чтобы ее порядок мог быть признан соответствующим обязательным требованиям, установленным Федеральным законом об оценке, использованные методики проведения оценки – актуальными и эффективными, а отчет об оценке – достоверным.

Совокупность установленных федеральными стандартами оценки принципов составления отчета об оценке создает условия для обеспечения объективности и проверяемости выводов оценщика, что вместе с положениями об имущественной ответственности оценщика, на наш взгляд, позволяет использовать результаты внепроцессуальной оценочной деятельности в процессе доказывания при рассмотрении судами гражданских дел.

---

[214] См., например, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2021 № 305-ЭС21-17612 по делу № А41-28713/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[215] В научной литературе отмечается неудачность использованного в Федеральном законе об оценочной деятельности понятийного аппарата. Следует согласиться с О.Г. Дьяконовой, полагающей, что более подходящим для обозначения такого исследования является термин «рецензирование отчета об оценке» (См. Дьяконова О.Г. Судебная экспертиза и оценка имущества: проблемы разграничения и законодательного регулирования // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 155 – 166). Использование результатов подобного рецензирования в доказательственной деятельности в цивилистическом процессе представляет особый интерес в рамках настоящего исследования и будет рассмотрено в 3 главе.

Частно-инициативная экспертиза.

В своем диссертационном исследовании Т.А. Лилуашвили отмечал потребность в искоренении практики использования в доказательственной деятельности результатов частных экспертиз, проведенных по просьбе одной из сторон, поскольку назначение экспертизы относится к исключительной компетенции суда[216].

С развитием рыночных отношений, несмотря на сохранение ГПК РФ общих концептуальных подходов к правовому регулированию экспертизы в цивилистическом процессе, существовавших в ГПК РСФСР 1964 года, стала достаточно распространенной практика обращения лиц, участвующих в деле, за проведением экспертизы в частном, внесудебном порядке на основании гражданско-правовых договоров.

Такие экспертизы именуются в научной и профессиональной юридической литературе по-разному. Наиболее часто встречаются такие термины как «независимая экспертиза», «альтернативная экспертиза», «несудебная экспертиза», «внесудебная экспертиза», «досудебная экспертиза»[217].

Использование каждого из перечисленных выше терминов преследует одну цель – отграничить исследования, проводимые сведущими лицами по инициативе лиц, участвующих в деле, без какого-либо участия суда (зачастую до предъявления иска), от судебной экспертизы.

Соглашаясь с необходимостью разграничения судебной экспертизы и экспертизы, проводимой лицами, участвующими в деле, по собственной инициативе, отметим, что, на наш взгляд, учеными, отстаивающими

---

[216] Лилуашвили Т.А. Указ. соч. С. 427.

[217] См., например, Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М.: Городец, 1999. С. 36; Духно Н.А., Корухов Ю.Г., Михайлов В.А. Судебная экспертиза по новому законодательству России (в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах) / под ред. проф. Ю.Г. Корухова. М.: Юридический институт МИИТа, 2003. С. 333 (автор главы – Корухов Ю.Г.); Галяшина Е.Р., Россинская Е.Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования // Lex Russica. 2006. № 6. С. 1046.; Дьяконова О.Г. Процессуальная регламентация несудебной экспертизы // Эксперт-криминалист. 2010. №2. С. 7-9; Каменков М.В. Процессуальный статус внесудебных заключений экспертов // Закон. 2014. № 9. С. 150 - 155; Чернова М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 169; Дячук М., Мельников В. Финансово-экономическая экспертиза в делах о субсидиарной ответственности // Юридический справочник руководителя. 2022. № 11. С. 77 - 92; Галяух Е.А., Голубенко К.А. Досудебная экспертиза как доказательство в цивилистическом процессе России // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 154 - 178; Бортникова Н.А. Внесудебные экспертные исследования (досудебная экспертиза) // СПС КонсультантПлюс. 2023.

необходимость использования какого-либо упомянутых терминов, избран неверный критерий для такого разграничения.

Из формулировок терминов «несудебная экспертиза», «внесудебная экспертиза» и «досудебная экспертиза» следует, что под ними понимается исследование, назначенное и проведенное без участия суда, а иногда и до возникновения судебного процесса.

Этот критерий в целом действительно характеризует экспертизы, проводимые на основании гражданско-правовых договоров между экспертом и лицом, участвующим в деле. Но при этом такой критерий с равным успехом может быть использован в качестве характеристики экспертизы, проводимой в сфере государственного управления или иной юрисдикционной деятельности. Иными словами, «внесудебность» является родовым критерием для целого ряда экспертных исследований, проводимых без участия суда.

Признак независимости проводимой в частном порядке экспертизы справедливо отвергается представителями науки судебной экспертологии, поскольку если именовать экспертизу, проводимую без участия какого-либо властного органа, независимой, выходит, что с формально-логической точки зрения судебная экспертиза и экспертиза в сфере государственного управления оказываются, напротив, зависимыми, что не соответствует положениям действующего, в том числе процессуального, законодательства[218].

В качестве понятия, более подходящего под сущность проводимых в частном порядке экспертных исследований, в научной литературе предлагается использовать термин «альтернативная экспертиза». Так, О.Г. Дьяконова пишет, что исходя из прямого значения слова «альтернативный» следует, что альтернативная экспертиза — это экспертное исследование, противопоставляемое судебной экспертизе, т.е. назначенной ведущим процесс властным субъектом по

[218] Галяшина Е.И., Россинская Е.Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования // Lex Russica. 2006. № 6. С. 1046; Дьяконова О.Г. Возможности использования специальных знаний в альтернативном разрешении споров // Российский судья. 2022. № 8. С. 3 - 7.

собственной инициативе либо по ходатайству субъектов и осуществляемой в процессуальной форме[219].

Думается, что такой подход также не лишен недостатков. Прежде чем перейти к их освещению, стоит отметить, что термин «альтернативная экспертиза» О.Г. Дьяконовой предлагается к использованию в контексте сформулированного автором комплексного основания для классификации экспертных исследований - в зависимости от субъекта, поручающего проведение экспертного исследования, и полученного результата, а также сферы его применения[220].

Не вдаваясь в оценку такого критерия для классификации с позиций судебной экспертологии, представляется допустимым отметить, что, на наш взгляд, за подобным «комплексным» критерием маскируется в действительности их совокупность. При таких обстоятельствах вести речь о существовании единого критерия для классификации экспертиз на судебные, проводимые в иной юрисдикционной деятельности и альтернативные не представляется возможным.

Вернемся к исследованию допустимости использования термина «альтернативная экспертиза» для обозначения внесудебных экспертных исследований.

В первую очередь следует отметить, что далеко не всегда на момент проведения «альтернативной» экспертизы у лиц, обращающихся за ее проведением, есть намерение непременно использовать судебную форму защиты своего права. К примеру, п. 5 ст. 720 ГК РФ предусматривает необходимость проведения экспертизы в случае возникновения между сторонами договора поставки спора относительно качества поставленного товара. Возникновение судебного спора после проведения такого исследования не является неизбежным. При таких обстоятельствах, пользуясь терминологией, предлагаемой О.Г. Дьяконовой, такое исследование будет являться альтернативным по отношению к исследованию, которое в принципе проведено не будет. Остается неясным, в чем тогда заключается альтернативность такого экспертного исследования.

---

[219] Дьяконова О.Г. Указ. соч. С. 3 - 7.

[220] Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021, С. 121.

Последнему доводу можно возразить, что «альтернативность» экспертизы как характеристика исследования с использованием специальных знаний применима только к внесудебным исследованиям, результаты которых используются в доказывании в суде. Вместе с тем такая трактовка термина «альтернативная» также является несостоятельной. Действующим процессуальным законодательством предусмотрен единственный результат применения специальных знаний в форме исследования, который может быть использован в доказательственной деятельности, – заключение эксперта по результатам судебной экспертизы. Результаты «альтернативной» экспертизы не могут быть в настоящее время использованы как альтернативный источник доказательственной информации, которую суд получает из заключения эксперта (по результатам судебной экспертизы). Так, действующие источники цивилистического процесса предусматривают, что возникновение в ходе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний, является основанием для назначения судебной экспертизы. Наличие в материалах дела заключения, полученного по результатам специального исследования, проведенного по инициативе лиц, участвующих в деле, без участия суда, не является, по смыслу действующего законодательства, обстоятельством, исключающим потребность в проведении судебной экспертизы.

Стоит упомянуть, что действующему законодательству известна категория «альтернативная экспертиза». Этот термин встречается в п. 10 ст. 84 Федерального закона от 31.07.2020 №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[221]. Понятие альтернативной экспертизы в данном нормативном правовом акте не раскрывается. Законодатель ограничился лишь указанием на возможность проведения таковой в случае несогласия контролируемого лица результатами экспертизы, проведенной в рамках контрольного (надзорного) мероприятия. Несмотря на отсутствие законодательной дефиниции, нормативное закрепление категории альтернативной экспертизы в

[221] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета. № 171. 05.08.2020.

сфере государственного (муниципального) контроля с точки зрения юридической техники может создать практические проблемы при использовании этого понятия для обозначения иного явления в сфере цивилистического процесса.

Наконец, при использовании термина «альтернативная экспертиза» в значении, которое описывается в трудах О.Г. Дьяконовой, остается неясным, является ли таковой, например, экспертиза, проведенная при рассмотрении дела третейским судом, ведь подобное исследование также назначается лицом, не имеющим властных полномочий, и проводится без соблюдения процессуальной формы. При таких обстоятельствах содержание понятия «альтернативная экспертиза» остается неопределенным.

Таким образом, альтернативная экспертиза в действительности не является альтернативой судебному исследованию, а также представляет собой категорию без четко определенного содержания. Обозначенные недостатки препятствуют использованию этой категории для обозначения экспертизы, проведенной на основании гражданско-правового договора во внесудебном порядке.

Более удачным термином для обозначения экспертных исследований, назначаемых и проводимых на основании гражданско-правовых договоров, заключаемых по личной инициативе субъектов, способных в будущем приобрести статус лиц, участвующих в деле, на наш взгляд, будет являться «частно-инициативная экспертиза».

Следует отметить, что категория «частная экспертиза» уже упоминалась в юридической литературе[222]. Так, Е.В. Иванова называет такую экспертизу одним из видов исследований в классификации по субъекту проведения; другим видом исследований в рамках предложенной классификации является государственная экспертиза[223]. Под частной экспертизой данный автор понимает исследование, проводимое на договорной основе в судебно-экспертном учреждении.

---

[222] Иванова Е.В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами: Дис. … д-ра юрид. наук. Коломна, 2016. С. 274; Леонтьева Е.А. Указ. соч. С. 85.

[223] Иванова Е.В. Указ. соч. С. 274.

В предложенном Е.В. Ивановой понимании категории «частная экспертиза» оказывается невозможным разграничить между собой экспертизу, проведение которой является предметом договора возмездного оказания услуг, и экспертизу, проводимую в рамках третейского разбирательства[224]. Думается, что объединение этих видов экспертиз под одним термином не имеет теоретической или практической значимости.

По нашему мнению, под частно-инициативной экспертизой следует понимать исследование, проводимое сведущим лицом на основании договора, заключенного с заказчиком экспертизы. Отличительной особенностью этого вида экспертных исследований является отсутствие публичных предпосылок к их проведению и назначению. Основанием для проведения такой экспертизы является частная инициатива лица, заинтересованного в проведении специального исследования и по своей воле вступающего для этой цели в договорные отношения с субъектом, владеющим специальными знаниями.

Требования к заключению, составляемому по результатам проведенного во исполнение договора исследования, устанавливаются непосредственно договором по усмотрению сторон. Поэтому и правовое регулирование формы и содержания заключения частно-инициативной экспертизы в каждом конкретном случае зависит исключительно от заключенного соглашения. Вместе с тем, учитывая, что зачастую за проведением экспертизы в частном порядке обращаются лица, заинтересованные в использовании полученного заключения в качестве доказательства в судебном процессе, кажется закономерным, что на практике форма и содержание такого заключения максимально приближены к форме и содержанию заключения эксперта (полученного по результатам судебной экспертизы).

Учитывая частноправовые основания возникновения правоотношений между экспертом и заказчиком по договору возмездного оказания услуг, эксперт закономерно не несет публичной ответственности за дачу недостоверного заключения. Вместе с тем, эксперт, являясь субъектом гражданско-правовой

[224] Автор придерживается позиции о материально-правовой природе и договорной основе арбитража.

ответственности как сторона договора, несет имущественную ответственность за ненадлежащее исполнение договора, выразившееся в даче недостоверного заключения.

Обобщая результаты рассмотрения описанных выше видов экспертиз, назовем причины, которые, на наш взгляд, позволяют рассматривать их в составе одной общности под названием «внепроцессуальные экспертизы».

Во-первых, с содержательной точки зрения порядок применения экспертами специальных знаний для проведения специального исследования не регламентируется законодательством, а значит, независимо от вида экспертизы остается на усмотрение сведущего лица и осуществляется в соответствии с избранной таким лицом методикой проведения исследования.

Во-вторых, различия в основаниях назначения внепроцессуальной экспертизы не оказывают влияния на ход и порядок проведения специальных исследований одного вида.

В-третьих, процедура проведения внепроцессуального экспертного исследования в одних случаях регламентирована схожим образом с судебной экспертизой, а в других – фактически приближена к ней исходя из целей, которые преследует заинтересованное лицо при обращении к сведущему лицу в частном порядке. В этом контексте стоит оговориться, что экспертиза, представляющая собой административную процедуру, заметно отличается по регламенту проведения от судебной, что, на наш взгляд, определяет особое доказательственное значение ее результатов.

Думается, что совокупность общих признаков различных видов внепроцессуальной экспертизы позволяет говорить о наличии таковой как собирательной категории.

Таким образом, под внепроцессуальной экспертизой предлагается понимать специальное исследование, назначаемое и проводимое с соблюдением определенного законодательством или условиями договора порядка сведущим лицом за пределами гражданского процессуального

правоотношения, в рамках которого в последующем представляется результат такого исследования, имеющий форму письменного заключения.

При этом следует оговориться, что предложенное понятие мы не распространяем на экспертизу как административную процедуру, которая предусматривается действующим законодательством как единственный способ установления определенных юридических фактов (например, медико-социальная экспертиза, государственная экспертиза условий труда и т.д.).

Кроме того, результаты экспертизы как административной процедуры выступают не только средством установления государственным органом определенного факта для целей осуществления своих властных полномочий, но и непосредственно оказывают влияние на права и обязанности других лиц, порождая, изменяя или прекращая их. К примеру, заключение медико-социальной экспертизы, которым установлена стойкая утрата лицом трудоспособности, является основанием для возникновения у него права на получение страховой пенсии по инвалидности, а утвержденный отчет о результатах определения кадастровой стоимости – основанием для внесения сведений о кадастровой стоимости объекта недвижимости в единый государственный реестр недвижимости. При таких обстоятельствах представляется, что заключение экспертизы, представляющей собой административную процедуру, является единственным допустимым доказательством юридического факта, для установления которого она проводится и в этой связи не может рассматриваться как доказательство, «конкурирующее» с заключениями судебной и внепроцессуальной экспертизы.

§ 2. Место результатов внепроцессуальной экспертизы в системе средств доказывания в современном цивилистическом процессе

Собирательный характер категории «внепроцессуальная экспертиза» позволяет рассматривать доказательственное значение ее возможных результатов комплексно, с определенной степенью обобщения.

В научной литературе отмечается, что родовым признаком любого специального исследования является оформление его результатов в виде заключения[225]. Не является исключением и внепроцессуальная экспертиза.

Использование в доказывании заключений внепроцессуальных экспертиз сопряжено с рядом терминологических проблем.

Заключением эксперта по смыслу современного цивилистического процессуального законодательства признается исключительно результат судебной экспертизы. Между тем, такой же термин используется для обозначения результатов некоторых ведомственных экспертиз (преимущественно тех, которые проводятся при осуществлении юрисдикционной деятельности), а также экспертиз, проводимых по назначению нотариуса[226]. Положение вещей, при которых один термин используется для обозначения разных по своему режиму правовых явлений, не может быть признано удовлетворительным.

Результаты исследований, проведенных при рассмотрении дела в арбитраже, чаще всего именуются в судебных актах экспертными заключениями[227]. Думается, что это словосочетание по своей смысловой нагрузке не отличается от заключения эксперта, что объясняет использование данного термина в правоприменительной практике и в отношении заключений, составленных по результатам судебных экспертиз[228].

В силу ст. 11 Федерального закона от 29.07.1998 №135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» итоговым документом, составленным по результатам определения стоимости объекта оценки независимо от вида

---

[225] Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): Дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 1998, С. 35.

[226] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2023 № 09АП-21232/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Шадринского районного суда Курганской области от 23.07.2021 по делу № 2-115/2021 // СПС «Гарант»; решение Центрального районного суда г. Новосибирска от 16.07.2020 № 2-1590/2020 // СПС «Гарант»; решение Ленинского районного суда г. Новороссийска от 12.09.2019 № 2-664/2019// СПС «Гарант».

[227] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2023 № Ф07-18672/2023 по делу № А56-39738/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.03.2016 № Ф05-204/2016 по делу № А40-217715/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

[228] См., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.2023 № 30-КГ22-18-К5 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Верховного Суда РФ от 05.02.2024 № 310-ЭС23-28974 по делу № А84-4484/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.03.2024 № Ф09-1401/21 по делу № А60-1032/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.04.2024 № 88-11376/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

определенной стоимости, является отчет об оценке объекта оценки. Равным образом этот термин используется правоприменителем в судебных актах[229].

Особый интерес представляют результаты экспертизы, проведенной по назначению нотариуса. Учитывая, что данная экспертиза проводится в соответствии с порядком, установленным гражданским процессуальным законодательством, единственным возможным результатом, к которому может прийти эксперт в результате проведения исследования, является заключение, соответствующее по форме и содержанию требованиям гражданского процессуального законодательства. Следовательно, результатом экспертизы, проведенной в порядке обеспечения доказательств нотариусом, является заключение эксперта, отвечающее требованиям внешней процессуальной формы соответствующего средства доказывания, предусмотренного ГПК РФ.

Результаты частно-инициативных экспертиз могут именоваться по-разному, например: «акт независимой экспертизы», «заключение внесудебной экспертизы», «техническое заключение», «заключение независимой экспертизы». Наиболее часто такой документ встречается в текстах судебных актов под названием «заключение специалиста». В трудах ученых, посвященных проблемам использования в доказывании по гражданским делам результатов внепроцессуальных экспертных исследований, предлагается использовать термин «заключение специалиста» в качестве общего обозначения результатов таких исследований, независимо от их фактического названия[230].

На наш взгляд, распространенность категории «заключение специалиста» в судебной практике по гражданским делам имеет истоком законодательное

---

[229] См., например, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.04.2024 № Ф04-1056/2024 по делу № А46-17374/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.04.2024 № Ф10-1242/2024 по делу № А14-772/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2024 № 88а-7648/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 06.03.2024 № 88А-2496/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[230] Борискина Н.И. Указ. соч. С. 131.

закрепление такого средства доказывания в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее также УПК РФ)[231].

Думается, что использование подобного термина в цивилистическом процессе не может быть признано оправданным по следующим причинам.

Во-первых, представляется неверным использование в отношении сведущего лица, составившего заключение частно-инициативной экспертизы, термина «специалист». Источниками цивилистического процесса установлено, что лицо приобретает статус специалиста с момента вынесения судом соответствующего определения. Учитывая внепроцессуальный характер исследования, предшествующего составлению такого заключения, сведущее лицо, составившее заключение, не является специалистом в процессуальном смысле. Между тем, использование слова «специалист» в названии документа закономерно создает ошибочные ассоциативные связи со специалистом как лицом, содействующим осуществлению правосудия.

Во-вторых, цивилистическое процессуальное законодательство не предусматривает такого результата процессуальной деятельности специалиста как заключение. Заключение является результатом применения специальных знаний в форме проведения исследования – экспертизы. Процессуальная функция специалиста в цивилистическом процессе не предполагает проведения экспертных исследований[232]. Следовательно, результатом процессуальной деятельности специалиста заключение быть не может.

Таким образом, категория «заключение специалиста» в сфере цивилистического процесса представляет собой юридический оксюморон.

Использование термина «заключение специалиста», на наш взгляд, имеет основной целью противопоставление такого документа заключению эксперта. В рамках этого противопоставления заключение специалиста представляет собой

---

[231] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета. № 249. 22.12.2001.

[232] Подробнее о характере проводимых специалистом исследований см. Дьяконова О.Г. К вопросу о проведении специалистом "исследований" в судопроизводстве стран - участниц ЕАЭС // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 47 - 51.

альтернативный источник доказательственной информации, для получения которого требуется проведение специального исследования[233]. В значительной степени такой подход основан на нормах уголовно-процессуального законодательства, которые определяют заключение специалиста как письменное суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.

Такая формулировка послужила поводом для возникновения в юридической литературе мнения, что в уголовном судопроизводстве специалист, также как и эксперт, проводит специальное исследование, которое является основной его заключения. Основное отличие заключения специалиста от заключения эксперта представители этой точки зрения видят в порядке его получения: целесообразность получения заключения специалиста определяется не властными субъектами процесса, а иными участниками процесса со стороны обвинения или защиты[234].

Не задаваясь целью оценить эффективность такой формы процессуальной деятельности сведущего лица в уголовном процессе, отметим, что правовая конструкция «заключение специалиста», на наш взгляд, не может быть заимствована в цивилистический процесс в том виде, в котором она предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством.

Общепризнанным признаком гражданского процессуального правоотношения является суд как его обязательный субъект[235]. В случае же с привлечением специалиста для дачи заключения в уголовном процессе из норм уголовно-процессуального закона явственно следует, что суд не принимает участия в этой процедуре. Специалист при такой форме процессуальной деятельности вступает в правоотношения непосредственно со стороной, обратившейся к нему.

---

[233] В таком контексте возможно говорить о проведенном специалистом исследовании как об альтернативной экспертизе с точки зрения О.Г. Дьяконовой.

[234] Рыжаков А.П. Понятие и правовой статус специалиста в современном российском уголовном процессе. Комментарий к статье 58 УПК РФ // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.04.2024); Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7; Малина М.А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект // Российский следователь. 2023. № 1. С. 20 - 24.

[235] См., например, Ванеева Л.А. Гражданские процессуальные правоотношения (учебное пособие). Владивосток., 1974. С. 26-27; Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. С. 194; Шакарян М.С. Избранные труды / Вступительная статья д-ра юрид. наук, проф. МГЮА А.Т. Боннера и доц. М.Э. Мирзоян. 2-е изд. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2024. С. 559, 571, 587.

В цивилистическом процессе субъекты участвуют в правоотношениях только с органом государственной власти, рассматривающим дело, то есть с судом. Гражданские процессуальные правоотношения между иными участниками процесса не возникают. Следовательно, рецепция правового института заключения специалиста в цивилистический процесс из уголовного невозможна по концептуальной причине несоответствия такой правовой конструкции основам построения гражданских процессуальных правоотношений.

Использование термина «заключение специалиста» для обозначения результатов частно-инициативных экспертиз также не является целесообразным по следующим причинам.

Во-первых, применение такого термина в цивилистическом процессе в значении, отличном от придаваемого ему в уголовном процессе, приведет к нарушению правил юридической техники, а именно: к неопределенности содержания юридических понятий.

Во-вторых, с формальной точки зрения лицо, проводящее исследование в рамках частно-инициативной экспертизы, не является специалистом - субъектом гражданского процессуального правоотношения, поэтому указание специалиста в качестве источника получения доказательственной информации в данном случае также является некорректным.

Следует отметить, что решение вопроса о допустимости использования в цивилистическом процессе понятия «заключение специалиста» не является исключительно спором о терминах.

В правоприменительной практике встречаются случаи признания заключения специалиста недопустимым доказательством в том числе по той причине, что лицо, давшее такое заключение, не было в установленном порядке привлечено к участию в рассмотрении гражданского дела в качестве специалиста[236]. Следует сразу оговориться, что конечный вывод суда о

[236] См., например, определение Верховного Суда РФ от 28.09.2021 № 309-ЭС21-16351 по делу № А76-19207/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.07.2023 № Ф05-14227/2023 по делу № А40-249817/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.04.2022 № 13АП-43552/2021 по делу № А56-3769/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.10.2023 № 88-30639/2023 // СПС

недопустимости использования такого средства доказывания, с нашей точки зрения, кажется ошибочным. Вместе с тем логику правоприменителя нетрудно понять. Думается, что суды приходят к таким выводам, рассматривая заключение специалиста как результат процессуальной деятельности специалиста в качестве субъекта процесса (возможно, как письменную консультацию). Как было рассмотрено в предыдущей главе, несоблюдение процессуального порядка получения доказательства препятствует приобретению им процессуальной формы соответствующего средства доказывания. В этой связи следует признать правильность рассматриваемой позиции правоприменителя в той части, в которой из нее следует невозможность признания заключения специалиста результатом процессуальной деятельности этого субъекта. Стройности такого рассуждения препятствует ошибочность изначальной квалификации судами заключения специалиста как результата его *процессуальной деятельности*.

Случаи, в которых использование неправильного терминологического аппарата в отношении результатов частно-инициативных экспертиз влечет существенные судебные ошибки, описанным примером не ограничиваются. В силу п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 23 от 04.04.2014 (далее – ПП ВАС РФ № 23) заключение эксперта, полученное по результатам проведения внесудебной экспертизы, подлежит рассмотрению и оценке судом как иной документ, признаваемый допустимым доказательством в порядке статьи 89 АПК РФ[237]. Это разъяснение в большинстве случаев обеспечивает принятие судами заключений частно-инициативной экспертизы в качестве допустимых доказательств по экономическим спорам.

Вместе с тем в судебной практике встречаются случаи буквального толкования арбитражными судами этой правовой позиции. Так, по одному из дел лицо обратилось с апелляционной жалобой об отмене решения суда первой инстанции. По мнению заявителя жалобы, судом неправомерно было признано

«КонсультантПлюс»; апелляционное определение Московского городского суда от 24.05.2023 по делу № 33-16729/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[237] Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

недопустимым доказательством представленное им заключение специалиста, в то время как разъяснения п. 13 ПП ВАС РФ №23 устанавливают, что такое заключение должно квалифицироваться как иной документ в соответствии со ст. 89 АПК РФ. Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении жалобы по той причине, что в указанных разъяснениях идет речь о заключении эксперта, в то время как заявителем жалобы в суд первой инстанции представлялось заключение специалиста. В обоснование этого вывода в постановлении суда апелляционной инстанции последовал ряд бесспорных суждений о том, что проведение экспертизы в соответствии с положениями АПК РФ может осуществлять только эксперт, а специалист, в свою очередь, никаких исследований не проводит, а лишь дает консультацию и оказывает содействие в уяснении вопросов, требующих специальных знаний[238]. Формальная логика суда безупречна. Вместе с тем думается, что при рассмотрении апелляционной жалобы суду в этом случае следовало оценивать допустимость представленного апеллянтом заключения, не исходя из его названия и связи с категориями процессуального законодательства, но посредством анализа его сущности и содержания.

Думается, что рассмотренный пример позволяет продемонстрировать важность использования непротиворечивого терминологического аппарата.

При отказе от термина «заключение специалиста» возникает вопрос о том, какое понятие может прийти ему на замену. На наш взгляд, использование отдельного термина для обозначения результатов частно-инициативной экспертизы, не имеет самостоятельного правового значения, что будет обосновано ниже. Вместе с тем во избежание использования противоречивых понятий, далее по тексту настоящей работы результаты такого вида внепроцессуальных исследований будут обозначаться термином «заключение частно-инициативной экспертизы».

Итак, результатами внепроцессуальных экспертиз являются заключения – документы, полученные по итогам проведения специального

[238] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2020 № 09АП-62368/2020 по делу № А40-63817/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

исследования по назначению уполномоченного или заинтересованного субъекта и служащие средством достижения преследуемой этим субъектом цели или реализации полномочий.

В научной литературе представлены две точки зрения по вопросу наличия у заключений внепроцессуальной экспертизы доказательственного значения.

Представителем первой точки зрения можно назвать Е.Р. Россинскую, полагающую, что предварительные исследования с использованием судебно-экспертных методик не имеют доказательственного значения, но позволяют получить ориентирующую информацию[239]. Отметим, что суждение данного ученого является скорее отражением состояния действующего законодательства, нежели оценкой самой идеи о способности результатов предварительных специальных исследований служить доказательством в судопроизводстве.

Авторы, придерживающиеся противоположной позиции, полагают, что заключение специалиста является источником доказательственной информации в цивилистическом процессе. Эта точка зрения является доминирующей в юридической литературе[240].

Действительно, вряд ли можно усмотреть какие-либо основания отказывать в признании доказательственного значения за заключениями внепроцессуальной экспертизы, учитывая, что к такой форме применения специальных знаний прибегают в том числе государственные органы и общественные организации при разрешении различных категорий споров. Цель проведения экспертизы в рамках реализации мероприятия налогового контроля, при рассмотрении дела третейским судом и в ходе судебного разбирательства совпадает – получение субъектом, рассматривающим спор, сведений о фактических обстоятельствах дела. Еще более очевидным является совпадение целей судебной экспертизы с экспертизой, проведенной при рассмотрении судом другого гражданского дела и с

---

[239] Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. С. 315.

[240] См., например: Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М.: Городец, 1999. С. 71; Дьяконова О.Г. Судебная экспертиза в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 5. С. 14 – 17; Леонтьева Е.А. Использование специальных знаний адвокатом - представителем по гражданским делам: Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010, С. 22; Боннер А.Т. Указ. соч. С. 440.

исследованием, проведение которого было назначено нотариусом в порядке обеспечения доказательств.

Несколько отличаются цели проведения внепроцессуальной оценки имущества и частно-инициативной экспертизы.

Оценочная деятельность не всегда осуществляется для нужд рассмотрения какого-либо конкретного гражданского дела. Вместе с тем возможность использования отчета об оценке в качестве источника информации о стоимости имущества следует из статьи 12 Федерального закона от 29.07.1998 №135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», в силу которой отчет является документом, содержащим сведения доказательственного значения.

Частно-инициативная экспертиза является наименее урегулированной разновидностью внепроцессуальных исследований. При этом в действующем законодательстве встречаются нормы, предполагающие использование субъектами гражданских правоотношений экспертизы как способа разрешения возникшего спора. Так, п. 5 ст. 720 ГК РФ устанавливает, что при возникновении между заказчиком и подрядчиком спора по поводу недостатков выполненной работы или их причин по требованию любой из сторон **должна** (выделено мной – А.Л.) быть назначена экспертиза[241]. Следует обратить внимание на то, что закон устанавливает правило о **необходимости** сторон гражданского правоотношения прибегнуть к проведению специального исследования для разрешения возникших разногласий. Признание отсутствующим доказательственного значения за результатом такой экспертизы обесценивает положения гражданского законодательства, создающие условия для досудебного урегулирования спора.

Действительно, проведение частно-инициативной экспертизы в отсутствие возможности применения в отношении эксперта мер государственного принуждения и публичной ответственности создает определенные риски получения недостоверного результата исследования. Однако речь в таком случае идет не о недопустимости доказательства, а о его возможной недостоверности,

[241] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5, ст. 410.

которая может быть выявлена судом только путем оценки вместе с другими доказательствами по делу. Думается при этом, что риск получения недостоверных сведений о фактах присущ не какому-то определенному средству доказывания, а характерен для любых доказательств в цивилистическом процессе. В противном случае в закреплении правила об отсутствии у доказательств заранее определенной силы не было бы смысла.

Недостоверность заключения частно-инициативной экспертизы не является предопределяющим фактом, исключающим возможность использования такого документа в судебном доказывании. В этом контексте следует упомянуть, что процессуальный порядок получения заключения эксперта по результатам судебной экспертизы также не является гарантией получения достоверного доказательства. Само существование института повторной судебной экспертизы служит подтверждением этому тезису. Основанием для назначения повторной экспертизы являются сомнения суда в правильности или обоснованности выводов первого привлеченного эксперта (ч. 2 ст. 87 ГПК РФ). Принятие решения о необходимости проведения повторной экспертизы является следствием вывода суда о недостоверности результатов первичной экспертизы, даже учитывая, что последняя проводилась в установленном процессуальным законодательством порядке[242].

Таким образом, заключения внепроцессуальных экспертиз способны служить источником сведений о фактических обстоятельствах гражданских дел, а следовательно, могут являться доказательствами в цивилистическом процессе.

Вопрос о допустимости использования заключений внепроцессуальной экспертизы в качестве доказательств находит в судебной практике разное решение в зависимости от вида подобной экспертизы. Так, за редким исключением не вызывает сомнений у правоприменителя доказательственное значение отчетов об оценке, заключений экспертиз, полученных при осуществлении контрольно-надзорных и юрисдикционных функций органами государственного управления,

---

[242] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.03.2022 № Ф05-923/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

заключений, оформляющих результаты исследований, назначенных нотариусом в порядке обеспечения доказательств и, тем более, заключений экспертов по результатам судебной экспертизы, проведенной при рассмотрении другого дела.[243]

Не столь охотно судебные органы усматривают возможность служить источником доказательственной информации за заключениями, полученными по результатам частно-инициативной экспертизы.

Следует признать, что в настоящее время в подавляющем большинстве случаев суды не допускают ошибок при определении допустимости таких доказательств. Вместе с тем иногда в судебных актах встречаются правовые позиции, в силу которых заключение частно-инициативной экспертизы[244] является недопустимым доказательством.

В обоснование таких выводов приводятся следующие доводы:

- специалист, составивший заключение, не был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения[245];
- исследование выполнялось по заказу заинтересованного лица, участвующего в деле, а не на основании определения суда[246];
- выводы заключения специалиста противоречат выводам судебного эксперта[247];

---

[243] См., например, определение Верховного Суда РФ от 09.04.2024 № 301-ЭС24-3481 по делу № А31-15435/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.04.2024 № Ф05-4530/2024 по делу № А40-57244/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.10.2023 № Ф04-4890/2023 по делу № А70-19846/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Московского городского суда от 12.10.2023 по делу №33-42983/2023 // СПС «Гарант»; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.12.2021 по делу № 88-19543/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[244] В правоприменительной практике заключения частно-инициативной экспертизы в подавляющем большинстве случаев именуются заключениями специалистов. В этой связи в приведенных далее по тексту правовых позициях судов сохранено это обозначение результатов частно-инициативной экспертизы.

[245] См., например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.06.2022 № Ф05-10892/2022 по делу № А41-92272/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.05.2023 № Ф03-1742/2023 по делу № А51-19821/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2022 № 88-18785/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[246] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.08.2023 № Ф06-29/2023 по делу № А65-17873/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2023 по делу № 88-20263/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2023 по делу № 88-3266/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[247] Апелляционное определение Калининградского областного суда от 20.10.2021 по делу № 2-6/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

- заключение специалиста является частным мнением составившего его лица[248];
- представители других лиц, участвующих в деле, не были допущены лицом, представившим заключение специалиста, к участию в проведении исследования[249];
- нормы цивилистического процессуального законодательства не предусматривают такого средства доказывания как заключение специалиста[250].

Такие основания признания заключений частно-инициативной экспертизы недопустимым доказательством имеют место в случаях, когда правоприменителем предпринимается попытка «примерить» на подобные документы процессуальную форму заключения эксперта. Действительно, порядок получения заключений частно-инициативной экспертизы, являющихся результатом внепроцессуальных экспертных исследований, отличается от регламентированной процессуальным законодательством процедуры назначения и проведения судебной экспертизы. Как было рассмотрено ранее по тексту настоящего исследования, такое отличие не может являться основанием для вывода о недопустимости такого доказательства. Несовпадение порядка получения заключения эксперта и заключения частно-инициативной экспертизы свидетельствует лишь о невозможности квалификации последней в качестве заключения эксперта.

При таких обстоятельствах возникает обоснованный вопрос: к какому виду средств доказывания должно быть отнесено заключение частно-инициативной экспертизы и заключение по результатам внепроцессуальной экспертизы вообще?

---

[248] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2023 по делу № 88-24434/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Ленинградского областного суда от 26.05.2021 по делу № 2-965/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 14.12.2021 № 02АП-6073/2021 по делу № А28-14931/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[249] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.08.2023 № 09АП-50506/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2024 по делу № 88-11524/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[250] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2019 № 88-231/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2022 № 88-6581/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Для ответа на него представляется необходимым рассмотреть возможность квалификация заключений внепроцессуальных экспертиз в качестве письменных доказательств в гражданском и административном судопроизводствах, а также в качестве иных документов в арбитражном процессе.

Письменными доказательствами современное цивилистическое процессуальное законодательство называет содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, акты, договоры, справки, деловую корреспонденцию, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой и графической записи, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также с использованием систем видеоконференц-связи, системы веб-конференции (при наличии технической возможности для такой передачи документов и материалов) либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа (ч. 1 ст. 71 ГПК РФ, ч. 1 ст. 75 АПК РФ, ч. 1 ст. 70 КАС РФ).

Сложно не согласиться с оценкой, данной такой дефиниции А.Т. Боннером, который полагал, что предложенные законодателем определения письменных доказательств не содержат единого определяющего признака, способного отграничить письменные доказательства от иных средств доказывания[251]. В этой связи особое значение приобретает поиск таких признаков.

Представляется возможным говорить о достижении в научной литературе консенсуса относительно следующих признаков письменных доказательств: сведения о фактических обстоятельствах дела выражены на материальном носителе (1) с помощью знаков (2) в доступной для восприятия без использования сложных технических средств (человекочитаемой) форме (3)[252]. Нетрудно

---

[251] Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: Проспект. 2014. С. 111

[252] См., например, Юдельсон К.С. Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. М., 1956. С. 195; Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. - 5-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 44 (автор главы – И.В. Решетникова); Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М.: Проспект, 2014. С. 112-115; Курс доказательственного права: гражданский процесс, арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М.: Статут, 2014. С. 308 (автор главы – С.Ф. Афанасьев); Шкурова П.Д. Письменные доказательства в гражданском и административном судопроизводстве: Дис. … канд. юрид. наук. М. 2019. С. 52-54; Гражданский

заметить, что признаваемые большинством ученых признаки письменных доказательств не являются достаточными для отграничения их от средств доказывания, представляемых в суд в письменной форме. В контексте настоящего исследования, прежде всего, представляют интерес предлагаемые в научной литературе признаки письменных доказательств, которые позволили бы безошибочно отграничить их от заключений экспертов – средства доказывания, с которым заключения внепроцессуальной экспертизы наиболее близки с точки зрения способа получения.

М.К. Треушников полагал, что для целей отграничения письменных доказательств от других средств доказывания в письменной форме можно обратиться к такому признаку, как источник доказательства – сведения о фактах в письменном виде исходят от лиц, не занимавших еще процессуального положения стороны, третьего лица, эксперта[253]. Далее в рамках той же работы ученый дополняет свою точку зрения указанием на то, что письменные доказательства отличаются от письменных объяснений сторон, третьих лиц, заключений экспертов не только по источнику, но и по процессу формирования[254]. Различия в процессе формирования раскрываются через наличие процессуальных правоотношений между лицами, участвующими в деле, и экспертом, с одной стороны, и судом с другой при представлении в суд письменных объяснений и заключения эксперта. Письменные доказательства, в свою очередь, по мнению М.К. Треушникова, возникают, **как правило** (выделено мной – А.Л.), до процесса, независимо от него, хотя некоторые из них могут формироваться сторонами и в связи с судебным процессом.

Представляется, что признаки доказательства должны позволять однозначно отграничить его от других средств доказывания. Выделение признака в качестве общего правила, предполагающего исключения, не способствует достижению этой цели. Сам М.К. Треушников перечисляет случаи, в которых предложенный им

процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд., перераб. – М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 309-310, 317 (автор главы – В.В. Молчанов).

[253] Треушников М.К. Судебные доказательства. - изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Городец, 2005. С. 223.

[254] Там же. С. 226.

признак не работает – справки, расчеты и сравнительные ведомости могут формироваться сторонами в связи с судебным процессом. Следует отметить, что перечень случаев, в которых рассматриваемый признак не выполняет свою функцию не ограничивается вышеуказанными. К примеру, П.Д. Шкурова, соглашающаяся с обозначенной позицией М.К. Треушникова, в своем диссертационном исследовании убедительно обосновывает правильность квалификации протокола судебного заседания в качестве письменного доказательства[255]. При этом, исследователь отмечает, что протокол создается в рамках гражданского судопроизводства лицами, занимающими конкретное процессуальное положение - секретарем судебного заседания, помощником судьи, а в арбитражном суде, председательствующим по делу судьей[256].

Обосновывая разграничение письменных доказательств и заключения эксперта, П.Д. Шкурова приводит следующие аргументы:

1) эксперт может быть вызван в судебное заседание для дачи устных показаний, ему могут быть заданы вопросы для разъяснения и дополнения заключения;

2) получение заключения эксперта возможно только в рамках процесса, а не вне его. Получить данное заключение в другом порядке невозможно[257].

Думается, что такие доводы не способны подтвердить отстаиваемую исследователем точку зрения по следующим причинам.

Действительно, содержание процессуальной деятельности эксперта в цивилистическом процессе не ограничивается представлением в суд письменного заключения. Закон создает условия для активного участия эксперта в исследовании его заключения при наличии на то санкции суда. Вместе с тем представляется, что автором в анализируемом тезисе была допущена некоторая неточность. П.Д. Шкуровой фактически сопоставляются, с одной стороны, письменные

---

[255] Следует оговориться, что в результате реформирования цивилистического процессуального законодательства в 2019 году (Федеральный закон от 29.07.2018 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), при рассмотрении гражданских и административных дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами, по делу ведется аудиопротокол. В контексте исследуемого вопроса речь идет о письменном протоколе судебного заседания.

[256] Шкурова П.Д. Указ. соч. С. 78-79.

[257] Там же. С. 82.

доказательства как разновидность средств доказывания, а с другой – процессуальная деятельность эксперта после представления заключения в суд. В одном случае речь идет о процессуальной форме, в которую облекаются сведения о фактах, а в другом – о содержании правоотношения между судом и экспертом.

Сравнению должны подлежать процессуальная форма письменных доказательств с процессуальной формой заключения эксперта. П.Д. Шкурова справедливо замечает, что эксперт может в судебном заседании устно участвовать в исследовании своего заключения путем ответов на вопросы суда и лиц, участвующих в деле. Как было отмечено выше по тексту настоящего исследования, ответы эксперта на вопросы в таком случае не образуют самостоятельного средства доказывания, но являются единым целым с данным экспертом заключением. Вместе с тем, как отмечает сам автор, отнесение заключения эксперта к письменным доказательствам, **в этом случае** (выделено мной – А.Л.), вряд ли возможно[258]. Однако, остается неясным, почему суждение о частном случае, в котором заключение оценивается вместе с устными пояснениями эксперта, является основой для вывода о том, что заключение эксперта в принципе не может быть квалифицировано в качестве письменного доказательства. Эксперт участвует в судебном заседании и дает устные ответы на вопросы далеко не всегда. Очень часто его процессуальная деятельность в рамках рассмотрения конкретного гражданского дела заключается исключительно в представлении в суд письменного заключения. По каким основаниям такому заключению отказывается в признании письменным доказательством из анализируемого тезиса остается неясным.

Что касается второго аргумента, который приводит П.Д. Шкурова в пользу своего вывода о необходимости разграничения письменных доказательств и заключения эксперта, то его также не представляется возможным признать состоятельным. Действительно, заключение эксперта – это процессуальная форма, в которую облекаются результаты исследований, проведенных по назначению суда с использованием специальных знаний. Получить заключение эксперта во

[258] Шкурова П.Д. Указ. соч. С. 82.

внепроцессуальном порядке нельзя, а письменные доказательства можно. Однако не вызывает затруднений получение заключений по результатам специальных исследований, проведенных за рамками процесса. При этом, можно обратиться к описанному выше примеру с протоколом судебного заседания, который, разумеется, также не может быть получен во внепроцессуальном порядке, что, однако, не является основанием для вывода о том, что такой протокол является самостоятельным средством доказывания. Думается, что в этом случае автором также была допущена неточность. Задаваясь целью обосновать разграничение письменных доказательств и заключения эксперта, неправильно исходить из того, что последнее является законодательно закрепленной разновидностью средств доказывания. Обособленное правовое регулирование заключения эксперта является следствием его отличия от других средств доказывания, а не основанием, по которому производится разграничение.

В научной литературе встречается позиция, в силу которой заключение эксперта отличается от письменных доказательств по своему содержанию[259]. В этом контексте представляется уместным отметить, что содержанием любого доказательства являются сведения о фактических обстоятельствах рассматриваемого судом дела. Следует упомянуть, что, по общему правилу, дело может быть разрешено на основании любых средств доказывания, что, на наш взгляд, несколько дискредитирует идею о различии средств доказывания между собой по содержанию.

В этом контексте позволим себе не согласиться с мнением Т.В. Сахновой, которая полагает, что, в отличие от письменных доказательств, доказательством в заключении эксперта выступают не сами сведения о добытых экспертом фактах, а их профессиональная оценка, произведенная экспертом[260]. Выяснение профессионального мнения сведущих лиц действующий АПК РФ упоминает в

---

[259] Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова [и др.] ; под ред. М.А. Фокиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. С. 309-310 (автор главы – С.Ф. Афанасьев); Амерханова А.Р. Письменные доказательства в гражданском судопроизводстве: Дис. … канд. юрид. наук. Краснодар. 2007. С. 41; Сахнова Т.В. Экспертиза в суде по гражданским делам: Учебно-практическое пособие. М., 1997. С. 64.

[260] Сахнова Т.В. Экспертиза в суде по гражданским делам: Учебно-практическое пособие / Сахнова Т.В. М., 1997. С. С. 64.

качестве одной из функций специалиста (ч. 1 ст. 87.1 АПК РФ). Целью проведения по делу судебной экспертизы является получение судом неизвестных на момент назначения экспертизы сведений о фактических обстоятельствах рассматриваемого дела.

Проиллюстрируем последний тезис на примерах.

В рамках рассмотрения Арбитражным судом Московской области одного из дел по спору, возникшему в связи с поставкой некачественного товара, суд пришел к выводу о необходимости проведения судебной экспертизы. Перед экспертом были поставлены следующие вопросы:

1. Соответствует ли ингибированная присадка коррозии, поставленная по договору поставки требованиям указанного договора поставки, спецификации к договору, техническому заданию, техническим условиям с учетом индивидуальных характеристик?

2. Согласованы (установлены) ли в договоре поставки, в техническом задании и технических условиях, являющихся приложениями к договору поставки, требования к качеству воды, применяемой для определения водородного показателя РН 1%?

3. Соответствуют ли технические показатели поставленной продукции по товарной накладной, указанным в паспорте качества фактическим показателям ингибированной присадки коррозии?

4. В случае выявления недостатков спорного товара (продукции) являются ли они существенными?[261]

В другом деле, рассматривавшемся в Приокском районном суде города Нижнего Новгорода, на разрешение экспертов были поставлены такие вопросы:

1. Является ли спорный объект - пристрой к гаражу потребительского кооператива объектом капитального строительства, прочно связанными с землей в соответствии с Градостроительным кодексом РФ, градостроительными и строительными нормами и правилами, и возможно ли его перемещение без несоразмерного ущерба?

---

[261] Решение Арбитражного суда Московской области от 09.08.2021 по делу № А41-67994/2020 // СПС «Гарант».

2. Соответствует ли спорный объект градостроительным, строительным нормам и правилам, а также параметрам, установленным документацией по планировке территории, правилами землепользования и застройки города Нижнего Новгорода, Генеральному плану города Нижнего Новгорода?

3. На каком земельном участке расположены характерные точки координат границ спорного объекта: на земельном участке, принадлежащем ГСК, на земельном участке СНТ или на земельном участке, государственная собственность на который не разграничена[262].

Схожей природы задачи ставятся перед экспертами в административном судопроизводстве.

Так, при назначении экспертизы по делу об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости земельного участка Верховным Судом Республики Татарстан была назначена судебная экспертиза по следующим вопросам: правильно ли определена в отчете, подготовленном по инициативе административного истца, величина рыночной стоимости земельного участка в размере 533 000 рублей по состоянию на 1 января 2015 года и какова его действительная рыночная стоимость по состоянию на 1 января 2015 года[263]?

Представляется, что в приведенных выше примерах ни один из поставленных перед экспертами вопросов не был направлен на получение его профессионального мнения. Задача эксперта в описанных случаях заключалась в проведении исследования с целью получения и предоставления суду сведений о фактических обстоятельствах спора.

На наш взгляд, обособление заключения эксперта как средства доказывания связано особенностями его исследования и оценки. В научной и профессиональной литературе встречается мнение, что данное заключение исследуется в том же порядке, что и письменные доказательства[264]. Согласиться с таким суждением не представляется возможным.

---

[262] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2023 № 88-12882/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
[263] Решение Верховного суда Республики Татарстан от 17.02.2021 по делу № 3а-91/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
[264] Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Под ред. В.В. Яркова. – М.: Статут, 2021 С. 203 (автор параграфа – И.В. Решетникова).

При поиске критериев разграничения заключения эксперта и письменных доказательств, на наш взгляд, следует исходить из генезиса такого средства доказывания. Исторически возникновение заключения эксперта в его современном понимании связано с дореволюционным периодом развития гражданской процессуальной мысли и законодательства. Как было рассмотрено в предыдущей главе, статья 525 Устава гражданского судопроизводства допускала как письменную, так и устную форму дачи экспертом заключения. В этой связи фокус внимания ученых дореволюционного периода развития науки гражданского процессуального права был сосредоточен на отграничении заключения эксперта от свидетельских показаний[265]. Допустимость устного заключения эксперта исключала возможность отнесения такового к письменным доказательствам.

Такое состояние правового регулирования процессуальной формы заключения эксперта сохранялось вплоть до принятия ГПК РСФСР 1964 года, закрепившего обязательную письменную форму заключения эксперта. В течение ста лет, на протяжении которых закон допускал дачу экспертом устного заключения, в законодательстве были сформулированы положения, регулирующие особенности исследования и оценки его заключения. В числе таковых: предоставление суду полномочия вызвать эксперта в судебное заседание для дачи дополнительных пояснений по содержанию представленного заключения, а также поручить проведение повторного исследования другим экспертам (ст. 526 УГС, ст. 158 ГПК Р.С.Ф.С.Р. 1923 года).

С закреплением в статье 77 ГПК РСФСР 1964 года требования о представлении заключения эксперта в письменном виде сменился законодательный подход к внешней процессуальной форме данного средства доказывания. При этом выработанные ранее особенности исследования и оценки заключения эксперта остались прежними. Таким образом, переход к письменной форме заключения не оказал влияния на порядок его исследования и оценки.

---

[265] См., например, Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб., 1876. С. 323-324; Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1912. С. 318.

Из изложенного можно прийти к выводу, что особенности исследования и оценки, присущие заключению эксперта, детерминированы характером сообщаемых суду экспертом сведений о фактах. Т.В. Сахнова в качестве одного из критериев разграничения письменных доказательств и заключения эксперта называет природу излагаемых экспертом фактов, которые представляют собой итоги проведенного исследования[266]. С таким утверждением можно было бы согласиться, если бы за ним не последовало уточнение, что эксперт в заключении излагает не сведения об искомых юридических фактах, а ход и результаты процесса получения первичной информации при помощи специальных знаний. Основания, по которым исследователь противопоставляет результаты процесса получения первичной информации и искомые юридические факты, остаются неясными.

Схожую позицию занимает А.А. Мохов, который пишет, что заключение эксперта содержит данные специального характера, которые не могут быть заменены никакими иными средствами доказывания, так как они (средства доказывания) либо не содержат в себе информации специального характера, либо содержат эту информацию в «закодированном» виде, что требует применения специальных знаний и навыков для ее извлечения и придания ей вида, доступного для восприятия, исследования и оценки лицами, не обладающими специальными знаниями[267]. При этом, по мнению данного исследователя, результаты несудебных исследований, имеющие отношение к предмету доказывания, не исключаются из числа доказательств по делу, однако не могут заменить экспертного исследования, отвечающего требованиям процессуального законодательства. При таких обстоятельствах возникает вопрос, в чем тогда заключается специфика заключения эксперта, если заключения внепроцессуальных экспертиз также содержат информацию специального характера, получение которой без проведения исследования невозможно, но, при этом, относятся к другому средству доказывания?

---

[266] Сахнова Т.В. Указ. соч. С. 64.

[267] Мохов А.А. Специфика экспертного заключения как судебного доказательства // Арбитражный и гражданский процесс. № 9. 2003. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Думается, что обнаруженные противоречия можно разрешить, используя комплексный критерий разграничения письменных доказательств и заключения эксперта, выражающийся в сочетании содержательного и формального элементов. Так, заключение эксперта отличается от письменных доказательств исторически сформировавшимися особенностями процессуального порядка получения, исследования и оценки, детерминированными специальным характером содержащихся в заключении сведений о фактах.

Основными правилами исследования письменных доказательств могут быть названы установление их содержания посредством прочтения, оглашение письменных доказательств в судебном заседании и предоставление их лицам, участвующим в деле, для ознакомления, а также возможность привлечения экспертов и специалистов для разъяснения отраженной в письменных доказательствах информации субъектам доказывания[268].

Процессуальный порядок оценки заключения эксперта отличается возможностью вызова эксперта в судебное заседание для ответов на вопросы по представленному заключению. В рамках оценки полученного заключения суд может прийти к выводу о необходимости проведения по делу дополнительной или повторной экспертизы. Эти процессуальные действия являются необходимой гарантией правильного исследования и оценки доказательства, полученного с использованием специальных знаний, которыми не владеют суд и лица, участвующие в деле.

Вместе с тем, представляется необходимым обратить внимание на следующую особенность письменных доказательств. Процессуальное законодательство последовательно на протяжении всех этапов его развития не устанавливает отдельных специальных требований к порядку получения и исследования письменных доказательств, что фактически приводит к допустимости использования в доказывании по гражданским делам любых материальных носителей, информация на которых зафиксирована с помощью знаков и символов, доступных для непосредственного восприятия (прочтения)

[268] Треушников М.К. Указ. соч. С. 237.

познающего субъекта. Проведем мысленный эксперимент. Действующее цивилистическое процессуальное законодательство предусматривает несколько средств доказывания, которые могут или должны быть представлены в суд в письменной форме: объяснения лиц, участвующих в деле, заключение эксперта, консультация специалиста. Представим, что законодатель исключил эти средства доказывания из перечня допустимых. Останутся ли при таких условиях письменные объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов и консультации специалистов допустимыми доказательствами? Представляется, что на этот вопрос следует дать утвердительный ответ, поскольку действующее процессуальное законодательство позволяет рассматривать в качестве письменных доказательств в отсутствие иной **специально установленной процессуальной формы** любые материальные носители сведений о фактах в письменном виде.

В этой связи в условиях действующего правового регулирования заключение внепроцессуальной экспертизы следует рассматривать в гражданском и административном судопроизводстве как разновидность письменных доказательств. Вместе с тем отнесение заключений внепроцессуальной экспертизы к письменным доказательствам сопряжено со следующей проблемой. С сущностной точки зрения характер доказательственной информации, содержащейся в таких заключениях, не отличается от сведений о фактах, находящих отражение в заключении эксперта. Как неоднократно отмечалось выше, заключение внепроцессуальной экспертизы не может быть квалифицировано в качестве заключения эксперта ввиду несоответствия процессуальной форме этого средства доказывания.

Если различия между письменными доказательствами и заключением эксперта обусловлены особенностями исследования и оценки содержащихся в последнем сведений о фактах, логично предположить, что и результаты внепроцессуальных исследований должны исследоваться и оцениваться так же. Правовая конструкция письменных доказательств не предполагает возможности

вызова в суд их составителя[269] для ответов на вопросы суда и лиц, участвующих в деле, а также проведение дополнительного или повторного исследования в связи с неполнотой или недостоверностью письменного заключения внепроцессуальной экспертизы.

Такое состояние правового регулирования кажется парадоксальным. Для результатов специальных исследований, проведенных лицами, предупрежденными об уголовной ответственности за дату заведомо ложного заключения, в строгом соответствии с установленным законодательством порядке с гарантиями соблюдения процессуальных прав лиц, участвующих в деле, закон предусматривает дополнительные права суда и заинтересованных в исходе дела лиц, реализация которых направлена на обеспечение правильного восприятия субъектами доказывания содержащейся в заключении эксперта информации. В отношении заключений внепроцессуальных экспертиз таких дополнительных гарантий правильности оценки не предусматривается.

С точки зрения соответствия признакам письменных доказательств, заключения внепроцессуальных экспертиз могут в современном цивилистическом процессе приобретать процессуальную форму такого средства доказывания. Вместе с тем следует согласиться с мнением С.В. Курылева, который писал, что процессуальная форма судебного доказательства не может иметь приоритета над содержанием[270]. Исходя из этой позиции, квалификация заключения внепроцессуальной экспертизы в качестве письменного доказательства не соответствует содержанию такого документа.

Обобщая изложенное, можно прийти к выводу, что единственной причиной, по которой заключение внепроцессуальной экспертизы может быть отнесено к письменным доказательствам является его письменная форма, а также отсутствие

---

[269] Часть 5 статьи 69 КАС РФ предусматривает возможность вызова в качестве свидетеля в административном судопроизводстве лица, которое участвовало в составлении документа, исследуемого судом как письменное доказательство. Возможность привлечения к участию в деле лица, составившего заключение внепроцессуальной экспертизы, и концептуальные недостатки такого подхода затрагивались нами в отдельной публикации. См. Лукашин А.А. Конкуренция экспертных заключений в цивилистическом процессе: препятствие на пути правосудия или необходимость // Суд и правосудие: традиция, новация, практика : Материалы Международной научно-практической конференции, Калининград, 15–16 декабря 2023 года. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. С. 177-183.

[270] Курылев С.В. Избранные труды. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. С. 266.

иной подходящей для этого процессуальной формы. В то же время, поиск таковой, на наш взгляд, является важной задачей, стоящей перед юридической наукой и практикой, поскольку придание заключениям внепроцессуальной экспертизы надлежащей процессуальной формы позволит обеспечить исследование и оценку таких средств доказывания в соответствии с особенностями их содержания.

В настоящее время представляется возможным говорить о наличии в судебной практике по гражданским и административным делам доминирующей правовой позиции, в силу которой заключение внепроцессуальной экспертизы является письменным доказательством[271].

По-другому квалифицируется заключение внепроцессуальной экспертизы в арбитражном процессе. Как разъяснил в 2014 году ВАС РФ в п. 13 постановления Пленума от 04.04.2014 № 23, заключение эксперта по результатам проведения судебной экспертизы, назначенной при рассмотрении иного судебного дела, а равно заключение эксперта, полученное по результатам проведения внесудебной экспертизы, могут быть признаны судом иным документом, допускаемым в качестве доказательства в соответствии со статьей 89 АПК РФ. Эта правовая позиция была воспринята судебной практикой. В подавляющем большинстве случаев заключения внепроцессуальной экспертизы относятся арбитражными судами к иным документам[272].

Положительное решение судами вопроса о доказательственном значении заключений внепроцессуальной экспертизы в арбитражном процессе встречается значительно чаще, чем в гражданском (и административном судопроизводстве).

---

[271] См., например, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2023 по делу № 88-31593/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2023 № 88-7954/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2022 № 88-7407/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2022 № 88-3795/2022 по делу № 2-6716/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.08.2022 № 88-12289/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.09.2021 по делу № 66а-3037/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[272] См., например, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.03.2024 № Ф06-335/2024 по делу № А55-37941/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.06.2023 № Ф08-5597/2023 по делу № А63-8790/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.06.2023 № Ф05-11762/2023 по делу № А41-32301/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.06.2023 № Ф03-1904/2023 по делу № А51-18017/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.11.2022 № Ф02-5514/2022 по делу № А19-21153/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Такое положение дел, безусловно, может быть оценено позитивно. Вместе с тем основания, по которым ВАС РФ была сформулирована обозначенная правовая позиция остаются неясными.

Правовое регулирование письменных доказательств концептуально не различается в зависимости от вида цивилистического процесса. Их признаки, установленные ч. 1 ст. 71 ГПК РФ и ч. 1 ст. 70 КАС РФ, не отличаются от определенных ч. 1 ст. 75 АПК РФ. Также представляется очевидным, что содержание заключений внепроцессуальных экспертиз не изменяется в зависимости от того, в каком виде судопроизводства они в перспективе могут быть использованы.

В силу ч. 2 ст. 89 АПК РФ иные документы и материалы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме.

В научной литературе неоднократно отмечалась неудачность приведенной нормы в контексте отграничения документов в письменной форме, упомянутых в этой статье, с письменными доказательствами. Так, В.В. Молчанов пишет, что такие документы следует относить к процессуальной форме письменных доказательств[273].

Н.И. Борискина, отмечая важность отграничения иных документов в письменной форме от письменных доказательств приводит примеры сведений, которые могут относиться к иным документам и материалам, среди которых заключения внесудебных экспертиз, протоколы допроса свидетелей, письменные материалы, содержащие объяснения сотрудников предприятия, подписанные акты и платежные документы[274].

Следует отметить, что основания, по которым перечисленные документы отнесены исследователем к иным документам, а не письменным доказательствам Н.И. Борискиной не раскрыты. Учитывая, что, приведенные ученым примеры сопровождаются ссылками на акты арбитражных судов, думается, что вывод о том,

---

[273] Арбитражный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Издательский Дом «Городец», 2011. С. 223 (автор главы – В.В. Молчанов).

[274] Борискина Н.И. Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 47-48.

что такие документы следует относить к иным документам основаны исключительно на существующей правоприменительной практике. Не отрицая важность изучения правовых позиций судов по исследуемому вопросу, вряд ли можно признать правильным подход к решению обозначенной проблемы исходя исключительно из судебной практики.

Вместе с тем следует согласиться с оценкой Н.И. Борискиной иных документов и материалов как доказательства без определенной процессуальной формы как таковой, основным назначением которого является обеспечение возможности привлечения в процесс широкого спектра информации, содержащей важные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, и не может быть облечена в традиционную процессуальную форму[275].

Ввиду неопределенности процессуальной формы иных документов и материалов, закономерно отсутствуют признаки таких средств доказывания, на соответствие которым можно было бы проверить заключения внепроцессуальной экспертизы. Использование в качестве критерия разграничения невозможности облечения источника доказательственной информации в процессуальную форму других, традиционных средств доказывания, не может служить достижению поставленной задачи, поскольку, как было рассмотрено выше, с формальной точки зрения заключение внепроцессуальной экспертизы соответствует признакам процессуальной формы письменных доказательств. В этой связи представляется, что заключения внепроцессуальной экспертизы и в арбитражном судопроизводстве следует квалифицировать в качестве письменных доказательств, поскольку действующее процессуальное законодательство не позволяет провести разграничение письменных доказательств и иных документов. До уточнения правового регулирования процессуальной формы иных документов представляется, что квалификация в качестве таковых каких-либо носителей доказательственнной информации не может быть признана обоснованной.

---

[275] Борискина Н.И. Указ. соч. С. 52.

В этой связи видится абсолютно правильным видится отмеченное в п. 6.1 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации противоречие в правовой квалификации одного и того же источника доказательственной информации в зависимости от вида цивилистического процесса: «традиционно заключение экспертизы, проведенной стороной до судебного процесса, суды расценивали как письменное доказательство. С введением неисчерпывающего перечня доказательств в АПК, данное доказательство в судебно-арбитражной практике стали относить к иным доказательствам (ст. 89 АПК), хотя проверка достоверности, порядок исследования данного доказательства ничем не отличаются от письменных доказательств»[276].

Обобщая изложенное, можно прийти к следующим выводам.

Заключения внепроцессуальной экспертизы служат средством установления юридических фактов, значимых для субъектов права. Результаты таких исследований во многих случаях являются источником информации, необходимой для разрешения правового спора. Представляется, что эффективность использования заключений внепроцессуальной экспертизы для получения в рамках материальных правоотношений сведений о фактах, выявить которые без применения специальных знаний невозможно, позволяет говорить о допустимости использования таких документов и для установления обстоятельств гражданских дел в рамках цивилистического процесса.

В случаях признания заключений внепроцессуальной экспертизы доказательствами, правовая квалификация таких документов в качестве средств доказывания различается в зависимости от вида цивилистического процесса. В гражданском и административном судопроизводствах они исследуются и оцениваются судом в качестве письменных доказательств, а в арбитражном процессе – как иные документы.

Письменная форма заключений внепроцессуальной экспертизы позволяет с формально-юридической точки зрения относить их к письменным

---

[276] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 №124 (1)) // СПС «КонсультантПлюс».

доказательствам. При этом следует учитывать, что заключение эксперта отграничивается от письменных доказательств по особенностям исследования и оценки, которые детерминированы спецификой содержащейся в заключении информации. Заключение эксперта и заключение внепроцессуальной экспертизы в силу одинаковых способов получения сведений о фактах служат источниками однопорядковой доказательственной информации. В этой связи полученные по результатам внепроцессуальных исследований заключения с сущностной точки зрения неверно относить к письменным доказательствам.

Заключения внепроцессуальных экспертиз в арбитражном процессе допускаются в качестве иных документов. Учитывая неопределенность структуры, содержания и процессуального порядка исследования такого средства доказывания, подобная квалификация также не может быть признана соответствующей сущности исследуемого явления.

При таких обстоятельствах обнаруживается, что заключение внепроцессуальной экспертизы не может быть бесспорно квалифицировано в качестве одного из представленных в действующем цивилистическом процессуальном законодательстве средств доказывания.

§ 3. Процессуальная форма, порядок исследования и оценки результатов внепроцессуальной экспертизы в цивилистическом процессе

Содержательная близость с заключением эксперта в совокупности с сущностными различиями в процессуальном порядке получения дают основания полагать, что заключение внепроцессуальной экспертизы обладает признаками самостоятельного средства доказывания, заслуживающего обособленного от известных законодательству средств доказывания правового регулирования.

Предлагая обособленное правовое регулирование заключения внепроцессуальной экспертизы в качестве самостоятельного средства доказывания, следует установить, какие элементы процессуальной формы такого доказательства должны быть определены в процессуальном законе.

Нормативно закрепленными элементами процессуальной формы являются внешняя процессуальная форма средства доказывания и порядок его получения. Деление доказательств на личные и вещественные не находит своего прямого отражения в законодательстве. Вместе с тем, учитывая доктринальную значимость такой классификации, кратко определим, к какому виду источников доказательств следует относить заключения внепроцессуальной экспертизы.

При представлении в суд заключения внепроцессуальной экспертизы, источником информации доказательственного характера служит составленный сведущим лицом письменный документ, содержащий описание проведенного исследования и его результаты. Лицо, проводившее внепроцессуальное исследование, не участвует в рассмотрении дела судом и не приобретает какого-либо процессуального статуса. Соответственно, представленное в суд письменное заключение внепроцессуальной экспертизы является сформированным в окончательном виде доказательством и не может претерпевать изменения вследствие невозможности участия его составителя в рассмотрении дела. Этим обусловлено различие по источнику доказательства между заключением внепроцессуальной экспертизы и заключением эксперта. Как было рассмотрено выше, эксперт, вызванный в судебное заседание при ответе на вопросы суда и других участников процесса, представлении пояснений по проведенному им исследованию дополняет данное им заключение. Заключение эксперта в этом случае является окончательно сформированным по результатам получения непосредственно от эксперта в судебном заседании пояснений и ответов на заданные дополнительные вопросы по письменному заключению. Таким образом, содержание заключения эксперта в указанной ситуации образуют два элемента: письменный документ, содержащий описание хода и результатов судебной экспертизы, и устные пояснения эксперта, данные по этому документу в судебном заседании. В случае с заключением внепроцессуальной экспертизы второй из упомянутых элементов отсутствует, из чего следует невозможность признания этого доказательства смешанным. В этой связи источником доказательства в рассматриваемом случае выступает письменный документ. Обоснованность

отнесения заключения внепроцессуальной экспертизы к вещественным (предметным) доказательствам подтверждается его внешней процессуальной формой. В отличие от заключения эксперта, которое в административном судопроизводстве может даваться устно, а в гражданском и арбитражном судопроизводстве - дополняться устными разъяснениями и пояснениями эксперта, заключение внепроцессуальной экспертизы в настоящее время представляется в суд исключительно в виде письменного документа.

Правовое регулирование внешней процессуальной формы заключения внепроцессуальной экспертизы должно быть направлено на обеспечение возможности проверки достоверности выводов, к которым пришло сведущее лицо, проводившее соответствующее исследование. Именно из этой цели, по нашему мнению, следует исходить, определяя круг требований, которым должно соответствовать содержание такого заключения.

Учитывая сложившееся содержательное сходство заключения внепроцессуальной экспертизы с заключением эксперта, при определении надлежащего правового регулирования нового средства доказывания представляется возможным взять за основу требования, предъявляемые к содержанию и структуре заключения эксперта.

Ряд ученых полагают, что структура письменного заключения эксперта обусловлена процессом его формирования, то есть порядком и логикой проведения специального исследования[277]. Согласимся, что заключение эксперта в значительной степени отражает ход проведения сведущим лицом исследования и формирования на его основе выводов. При этом, следует отметить, что некоторые законодательно установленные требования к заключению эксперта не имеют прямого отношения к содержательной стороне проведенного экспертом исследования.

Речь идет об указании в заключении основания производства судебной экспертизы, сведений о лице, назначившем судебную экспертизу, отметки о

[277] Лилуашвили Т.А. Экспертиза в советском гражданском процессе. Тбилиси: Мецниереба, 1967. С. 144; Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): Дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 1998. С. 244-247; Давтян А.Г. Экспертиза в гражданском процессе. – М.: Фирма «СПАРК», 1995. С. 69.

предупреждении эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, сведений об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы. Включение в заключение эксперта этих структурных элементов имеет целью отразить в нем процессуальный порядок получения заключения, при этом не затрагивая содержательные аспекты проведения специального исследования. Отсутствие в заключении эксперта таких реквизитов с содержательной точки зрения не предопределяет недостоверность содержащейся в нем доказательственной информации, но является основанием для признания такого заключения недопустимым доказательством ввиду нарушения процессуального порядка его получения.

В свою очередь, к содержательным элементам структуры заключения эксперта могут быть отнесены время и место производства экспертизы, сведения о лице, проводившем исследование, вопросы, поставленные перед экспертом, объекты исследования и материалы дела, представленные эксперту, содержание и результаты исследований с указанием примененных методов, оценка результатов исследований, обоснование и формулировка ответов по поставленным вопросам. Содержательная близость заключения эксперта и заключения внепроцессуальной экспертизы определяет целесообразность распространения требований о соответствии содержания заключения внепроцессуальной экспертизы вышеуказанным содержательным реквизитам.

При выделении структурных элементов заключения внепроцессуальной экспертизы, на наш взгляд, следует исходить из доктринальных представлений о структуре заключения эксперта как средства доказывания с законодательно определенной процессуальной формой. Традиционным в научной литературе является выделение в содержании заключения эксперта трех частей: вводной,

исследовательской и заключительной[278]. Эта структура была воспринята и правоприменительной практикой[279].

Ряд исследователей придерживаются мнения о четырехэлементной структуре заключения эксперта. Представители этого направления научной мысли наряду с вводной, исследовательской и заключительной выделяют также синтезирующую часть заключения эксперта, структурно располагающуюся между исследовательской и заключительной. В рамках рассматриваемого подхода в этой части заключения эксперта содержатся анализ и синтез результатов проведенного исследования, на основе которых формируются конечные выводы по результатам исследования[280].

Следует согласиться с Ю.К. Орловым[281] и М.Н. Черновой[282], которые полагают, что в ряде случаев, в особенности при проведении сложных экспертных исследований, промежуточные результаты проделанной экспертом работы, являющиеся основой ответа на поставленный судом вопрос, целесообразно резюмировать перед заключительной частью заключения. Вместе с тем думается, что эта информация представляет собой сведения о результатах проведенного исследования, и, следовательно, не образует самостоятельного структурного элемента заключения эксперта, поэтому может быть включена в его исследовательскую часть.

С учетом изложенного сформулируем требования к содержанию структурных элементов заключения внепроцессуальной экспертизы.

---

[278] См., например, Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): Дис. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. Красноярск, 1998. С. 245-246; Треушников М.К. Судебные доказательства. - Изд. 4-е, испр. и доп. - .: Городец, 2005. С. 214; Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Абсалямов А. В., Абушенко Д. Б., Бессонова А. И. и др. ; под ред. д.ю.н. проф. В.В. Яркова – 4-е изд. испр. и перераб. – М.: Статут, 2020 С. 280.

[279] См., например, постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2023 № 16АП-3726/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.01.2022 № 11АП-18207/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2022 № 15АП-6093/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[280] См., например, Сорокотягина Д.А., Сорокотягин И.Н. Судебная экспертиза: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. С. 168; Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. – М.: Норма, 2007. С. 447.

[281] Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М.: Юрист, 1995. С. 27.

[282] Чернова М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 45.

Вводная его часть должна содержать указание на время и место проведения исследования в случае, если эти сведения необходимы для определения достоверности проведенного исследования, сведения о лице, его проводившем, поставленные перед сведущим лицом вопросы, а также правовое основание производства экспертизы.

Особое значение имеет подробное описание в этой части заключения предоставленных для его дачи объектов исследования и материалов. Конечный вывод эксперта по поставленным перед ним вопросам зависит не только от его квалификации и правильности применения избранной методики проведения исследования, но и от того, какие материалы использовались экспертом. Недостаточность или недостоверность предоставленных сведущему лицу материалов или объектов исследования предопределяет потенциальную недостоверность его заключения.

Представляется, что в заключении должно содержаться подробное описание предоставленных эксперту заинтересованными в проведении исследования лицами объектов исследования, а также указание на источник получения и характеристики материалов, используемых сведущим лицом в качестве средств проведения экспертизы, с помощью которых получаются ответы на поставленные вопросы.

В условиях действующего правового регулирования установить в качестве требования к внешней процессуальной форме заключения внепроцессуальной экспертизы наличия отметки о предупреждении лица, проводившего исследование, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения представляется нецелесообразным.

Во-первых, при таких обстоятельствах окажется, что допустимыми заключениями внепроцессуальной экспертизы окажутся только те, которые были получены в ходе рассмотрения судами других дел, а также составленные по результатам экспертного исследования, проведенного по назначению нотариуса. Следовательно, проблема доказательственного значения результатов внепроцессуальной экспертизы в полном объеме решена не будет.

Во-вторых, как было рассмотрено выше по тексту настоящего исследования, наличие предусмотренной законом ответственности сведущего лица не предопределяет и не гарантирует достоверность представляемого им заключения. Поскольку такая ответственность судебного эксперта не повышает достоверность его заключения, установление уголовной ответственности для эксперта, проводившего внепроцессуальное, исследование представляется лишенным смысла.

Думается, что необходимость отражения во вводной части заключения внепроцессуальной экспертизы отметки о предупреждении эксперта об ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации следует предусмотреть только для случаев, когда такое предупреждение предусмотрено правовыми актами, регулирующими порядок проведения соответствующей внепроцессуальной экспертизы. Данная ответственность должна наступать только в случае заведомой ложности заключения.

Такое гибкое правовое регулирование, на наш взгляд, позволит обеспечить соблюдение положений процессуального законодательства о недопустимости использования в качестве средств установления обстоятельств дела доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 55 ГПК РФ, ч. 3 ст. 64 АПК РФ, ч. 3 ст. 59 КАС РФ).

В свою очередь, включение в заключение внепроцессуальной экспертизы сведений о правовом основании ее проведения видится необходимым для обеспечения возможности определения судом норм, регулировавших правоотношения, в рамках которых проводилось внепроцессуальное исследование, с целью установления соответствия порядка проведения экспертизы соответствующим нормам.

В исследовательской части заключения внепроцессуальной экспертизы следует подробно описать ход проведенного исследования и полученные результаты. Заключение внепроцессуальной экспертизы должно содержать сведения об избранных экспертом методах проведения исследования с обоснованием их выбора для достижения его целей. Кроме того, представляется

важным отражение в таком заключении нормативных и руководящих документов, которые использовались экспертом при проведении исследования (государственные стандарты, технические регламенты и т.д.), а также научной литературы, которой руководствовался эксперт, в случае, если использование такой литературы является необходимым для правильного применения избранных им методов и методик. В исследовательской части заключения внепроцессуальной экспертизы также следует отразить объяснение и оценку полученных экспертом результатов.

Наконец, заключительная часть заключения внепроцессуальной экспертизы должна содержать выводы по поставленным перед экспертом вопросам.

Данное заключение может также содержать приложения в виде материалов и документов, иллюстрирующих его содержание.

С целью повышения гарантий достоверности заключения внепроцессуальной экспертизы будет обоснованным предусмотреть в процессуальном законодательстве представление такого заключения в подлиннике. В случае отсутствия у лиц, участвующих в деле, подлинного экземпляра заключения по причине хранения его в органе или организации, по поручению которых было произведено внепроцессуальное исследование, следует установить в процессуальном законе возможность представления заинтересованными лицами надлежащим образом заверенной копии заключения внепроцессуальной экспертизы с одновременным предоставлением суду информации о месте хранения подлинника. Кроме того, видится целесообразным наделение суда правом по собственной инициативе или по ходатайству участвующих в деле лиц истребовать подлинник такого заключения у органа или организации, в которых хранится подлинный экземпляр.

Формулируя концепцию нового средства доказывания, можно задуматься о возможности вызова лица, составившего заключение внепроцессуальной экспертизы, в суд для дачи по нему пояснений и ответов на вопросы лиц,

участвующих в деле[283]. В таком случае стало бы возможным предупреждение вызванного эксперта об уголовной ответственности за сообщение суду заведомо ложных сведений[284].

Признавая, что подобная новелла способна ощутимо повысить гарантии достоверности специальных исследований, проводимых за рамками цивилистического процесса, отметим, что реализация этой идеи сопряжена с рядом трудностей.

Так, допуская сведущее лицо, составившее заключение внепроцессуальной экспертизы, к участию в деле, возникает закономерный вопрос, к какой группе субъектов гражданского процессуального правоотношения его следует относить? Исходя из цели привлечения сведущего лица и направленности его процессуальной деятельности, можно было бы рассматривать такого субъекта в качестве лица, содействующего осуществлению правосудия. Вместе с тем такая квалификация не бесспорна.

Как известно, разграничение лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих осуществлению правосудия, производится исходя из наличия или отсутствия юридической заинтересованности в исходе дела. Учитывая, что при привлечении проводившего внепроцессуальное исследование лица к участию в деле судом может быть установлен факт недостоверности данного им заключения, решение суда может оказать влияние на права и обязанности такого субъекта перед другими лицами. К примеру, в случае, если внепроцессуальная экспертиза проводилась на основании договора возмездного оказания услуг, решение суда, которым установлен факт недостоверности заключения, может повлечь предъявление заказчиком по такому договору иска к эксперту (исполнителю) об отказе от договора и взыскании произведенной по нему оплаты. Если же внепроцессуальное исследование проводилось в рамках осуществления

---

[283] Подобные предложения встречаются в научной литературе. См.: Стрельцова Е.Г. Взаимодействие судебного и альтернативных порядков защиты субъективного права и принудительное исполнение исполнительных документов в социальном государстве. Дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2023. С. 295.

[284] Думается также, что норму действующего уголовного законодательства об уголовной ответственности эксперта за дачу заведомо ложного заключения следует дополнить положениями об ответственности эксперта за сообщение суду заведомо ложных сведений в ходе разъяснения представленного заключения и ответов на вопросы лиц, участвующие в деле.

государственными органами своих полномочий, к примеру, при осуществлении налогового контроля, указанное решение суда может послужить основанием для привлечения эксперта к установленной действующим законодательством публично-правовой ответственности.

Таким образом, сведущее лицо, составившее заключение внепроцессуальной экспертизы, в случае его привлечения в процесс будет иметь юридическую заинтересованность в исходе дела, что не позволяет рассматривать его в качестве лица, содействующего осуществлению правосудия. Заинтересованность такого сведущего лица связана с существованием за пределами гражданского-процессуального правоотношения, в рамках которого в суд представлено заключение внепроцессуальной экспертизы, материального правоотношения с одним из заинтересованных лиц, на которое решение суда может оказать влияние. Наличие такого материального правоотношения между лицами, участвующими в деле, и судебным экспертом, являются препятствием для привлечения последнего к участию в деле и основанием для его отвода (ст. 18 ГПК РФ, ст.ст. 21, 23 АПК РФ, ст.ст. 31, 33 КАС РФ).

Признать сведущее лицо, составившее заключение внепроцессуальной экспертизы, лицом, участвующим в деле, также не представляется возможным, исходя из цели его процессуальной деятельности. Безусловно, с формальной точки зрения такой субъект может быть привлечен к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, однако при этом станут недоступны его допрос как эксперта, проводившего исследование, и привлечение к уголовной ответственности за сообщение суду заведомо ложных сведений.

На наш взгляд, потребности в привлечении лица, проводившего внепроцессуальную экспертизу, к участию в деле нет ввиду наличия других, уже известных действующему процессуальному законодательству и правоприменительной практике, действенных механизмов по проверке достоверности заключений внепроцессуальной экспертизы.

В частности, речь идет о привлечении к участию в деле специалиста для оказания помощи в оценке заключения внепроцессуальной экспертизы и предоставления суду необходимых консультаций. На возможность использования специальных знаний в этом направлении обратил внимание Верховный Суд РФ в п. 16 постановления Пленума от 26.06.2008 №13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» [285], разъяснив, что задача специалиста состоит в оказании содействия суду и лицам, участвующим в деле, в исследовании доказательств.

Кроме того, эффективным средством оспаривания лицами, участвующими в деле, достоверности заключения внепроцессуальной экспертизы, по нашему мнению, является рецензия специалиста, которая представляет собой составленный во внепроцессуальном порядке документ, содержаний мотивированное мнение лица, владеющего специальными знаниями, относительно недостатков экспертного заключения. Лица, участвующие в деле, не лишены возможности представить такой документ в суд в подтверждение достоверности или недостоверности заключения судебной или внепроцессуальной экспертизы. Доказательственное значение такой рецензии будет рассмотрено ниже.

Правовая регламентация порядка получения заключения внепроцессуальной экспертизы различается в зависимости от ее вида. При формировании правового регулирования процессуальной формы внепроцессуальной экспертизы следует учитывать различия в процедурах, предшествующих подготовке такого документа. В этой связи, нами предлагается дополнить действующее законодательство нормой, предусматривающей наличие доказательственного значения только у заключений внепроцессуальной экспертизы, полученных в соответствии с требованиями, действующего законодательства, подзаконных нормативных правовых актов или правил арбитража постоянно действующего третейского суда,

[285] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2008.

если такие требования установлены и являются обязательными для соответствующего вида внепроцессуальной экспертизы.

Предложенное правило направлено на предотвращение представления в суд заключения, полученного с нарушением установленных действующим законодательством требований (или требований, установленных в соответствии с ним) к порядку назначения и проведения внепроцессуальной экспертизы.

Также с целью придания процессуального значения заключениям частной инициативной экспертизы следует установить требования к порядку ее проведения. В первую очередь речь идет о мерах по соблюдению права участвовать в проведении внесудебного исследования заинтересованных или потенциально заинтересованных лиц (в случае проведения экспертизы до предъявления иска).

Думается, что при построении правового регулирования требований к порядку проведения частно-инициативной экспертизы следует взять за основу норму абз. 4 ст. 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Так, лицу, инициирующему проведение частной инициативной экспертизы следует уведомить заинтересованных или потенциально заинтересованных лиц о проведении такого исследования и обеспечить возможность их участия в производстве экспертизы. При этом уклонение от участия таких лиц в частном инициативном исследовании не должно являться препятствием для проведения экспертизы и отказа в признании за полученным заключением доказательственного значения. К указанному выше уведомлению подлежат применению правила ст. 165.1 ГК РФ[286], а также актов толкования приведенной нормы Верховным Судом РФ[287]. При этом, думается, что сообщение о проведении внепроцессуального исследования должно направляться способом, обеспечивающим возможность проверки добросовестности инициатора проведения экспертизы при обеспечении

[286] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Российская газета. 08.12.1994. № 238-239.

[287] Пункт 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 30.06.2015. № 140; п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. 02.07.2021. № 144.

прав потенциально заинтересованных лиц на участие в проведении внепроцессуального исследования. Иными словами, лицо, обратившееся к эксперту, должно иметь возможность представить доказательства направления уведомления.

Равным образом следует решить вопрос о сохранении доказательственного значения за заключением частной инициативной экспертизы, в проведении которой участвовало иное лицо, нежели занявшее процессуальное положение лица, участвующего в деле, после перехода правового конфликта в судебную плоскость. Подобные ситуации могут возникать при замене ненадлежащего ответчика, привлечению к участию в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, вступлении в процесс третьего лица, заявляющего самостоятельные требования. Во всех обозначенных случаях, по нашему мнению, заключение частной инициативной экспертизы не должно утрачивать своих доказательственных свойств.

Этому тезису можно возразить, что возникновение подобной ситуации после проведения судебной экспертизы требует повторного ее проведения с целью соблюдения процессуальных прав новых субъектов, вступивших в процесс, по участию в назначении и проведении судебной экспертизы[288]. В.В. Ярков отмечает, что в соответствии с принципами состязательности, процессуального равноправия сторон и непосредственности исследования доказательств, включая проведение судебной экспертизы и допрос свидетелей до привлечения соответчика к участию в деле, является самостоятельным основанием для назначения **повторной экспертизы (выделено мной – А.Л.)**, поскольку иной подход будет означать грубое нарушение порядка совершения процессуальных действий в области доказывания при получении и исследовании доказательств, т.к. соответчик будет лишен возможности реализовать процессуальные права и исполнить свои

[288] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2017 № 36-КГ16-26 // СПС «КонсультантПлюс».

процессуальные обязанности вопреки требованиям ГПК РФ[289]. Проанализируем эту позицию.

Основанием для назначения повторной экспертизы процессуальное законодательство называет возникшие сомнения в правильности или обоснованности заключения эксперта, наличие противоречий в выводах эксперта (заключениях нескольких экспертов). Безусловно, отсутствие у лица, участвующего в деле, возможности влиять на выбор эксперта, предлагать формулировки вопросов эксперту может оказать влияние на правильность заключения как результата судебной экспертизы. Вместе с тем вряд ли можно признать неотвратимость наступления такого последствия.

Думается, что отсутствие статуса лица, участвующего в деле, у субъекта, вступившего в процесс после назначения экспертизы, не должно являться основанием для возникновения неопровержимой презумпции наличия оснований для назначения повторной экспертизы. При этом необходимость ее проведения по делу вполне может быть обоснована такими субъектами со ссылками на пороки процессуальных действий, которые могли бы быть предотвращены, если бы лица, вступившие в процесс после проведения судебной экспертизы, участвовали в постановке вопросов эксперту, в выборе экспертной организации или присутствовали при проведении исследования. К числу таких пороков могут быть отнесены неправильная формулировка поставленных перед экспертом вопросов, поручение проведения исследования эксперту, не имеющему достаточной квалификации или аффилированному с одним из лиц, участвующих в деле. Активная деятельность вступившего в процесс лица по доказыванию такого рода обстоятельств вполне может иметь своим результатом сомнения суда в правильности проведенного исследования без участия такого субъекта.

Аналогичным образом следует разрешить возможную проблему проведения внепроцессуального исследования без участия лиц, участвующих в рассмотрении дела судом.

---

[289] Ярков В.В. Злоупотребление процессуальными правами: диагностика и лечение (комментарий Определения Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 36-КГ16-26) // Вестник гражданского процесса. 2017. № 5. С. 81-112.

После изучения элементов процессуальной формы заключения внепроцессуальной экспертизы целесообразно рассмотреть порядок исследования и оценки такого доказательства.

Заключение внепроцессуальной экспертизы подлежит исследованию и оценке в порядке, установленном для заключения эксперта с рядом особенностей, обусловленных внепроцессуальной природой проведенного экспертного исследования.

Как было рассмотрено выше, сведущее лицо, составившее заключение внепроцессуальной экспертизы, не может быть вызвано в судебное заседание для представления разъяснений относительно представленного заключения и ответов на вопросы суда и лиц, участвующих в деле. В этой связи бремя разъяснения содержания заключения и ответов на возникающие у суда и других лиц, участвующих в деле, вопросов возлагается на лицо, представившее заключение. Неблагоприятным последствием, наступающим в случае неспособности лица, участвующего в деле, исполнить это бремя, могут стать сомнения суда в достоверности заключения внепроцессуальной экспертизы.

Представляется, что, в случае недостаточной ясности или неполноты заключения внепроцессуальной экспертизы либо возникновения сомнений в правильности или обоснованности заключения внепроцессуальной экспертизы, суд может назначить соответственно дополнительную и повторную экспертизу. Проводимые в этом случае специальные исследования будут иметь статус судебных и регулироваться соответствующими нормами процессуального законодательства.

У такого правового регулирования в настоящее время имеется сформулированная предпосылка. В силу правовой позиции Верховного Суда РФ, выраженной в п. 130 постановления Пленума от 08.11.2022 №31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», если при рассмотрении обращения потерпевшего финансовым уполномоченным было организовано и проведено экспертное исследование, то вопрос о необходимости назначения

судебной экспертизы по тем же вопросам разрешается судом применительно к положениям статьи 87 ГПК РФ о назначении дополнительной или повторной экспертизы, в связи с чем на сторону, ходатайствующую о назначении судебной экспертизы, должна быть возложена обязанность обосновать необходимость ее проведения. **Несогласие заявителя с результатом организованного финансовым уполномоченным экспертного исследования, наличие нескольких экспертных исследований, организованных заинтересованными сторонами, безусловными основаниями для назначения судебной экспертизы не являются[290] (выделено мной – А.Л.).**

Эта правовая позиция примечательна в трёх аспектах.

Во-первых, это очередной пример судебного правотворчества. Верховным Судом РФ в рассматриваемом случае не разъясняется содержание норм процессуального законодательства (поскольку таких норм просто нет), а формулируется новое правило поведения без опоры на нормы ГПК РФ. В законодательстве, правоприменительной практике и доктрине признак «повторности» экспертизы рассматривается как определяющий отношение такого исследования к первоначальной **судебной** экспертизе. Судебная экспертиза, назначаемая и проводимая при наличии в материалах дела заключения внепроцессуальной экспертизы, в качестве судебной не рассматривалась.

Во-вторых, Верховным Судом РФ отмечено, что формальное несогласие с результатами экспертизы, проведенной при рассмотрении дела финансовым уполномоченным, не является безусловным основанием для назначения повторной экспертизы. Такая правовая позиция может поспособствовать прекращению дальнейшего распространения порочной практики игнорирования судами результатов внепроцессуальных экспертных исследований и назначения судебной экспертизы по тем же вопросам. Верховный Суд РФ ориентирует суд и лиц, участвующих в деле, на необходимость исследования содержания заключения внепроцессуальной экспертизы с целью выявления оснований для назначения

[290] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2023.

повторной судебной экспертизы. Вместе с тем думается, что лица, участвующие в деле, которые не присутствовали при проведении внепроцессуального исследования и не предоставляли сведущему лицу объекты исследования, могут ссылаться на указанные обстоятельства как на свидетельствующие о наличии оснований для назначения дополнительной или повторной экспертизы, при условии, если такие лица смогут обосновать, что их участие в проведении внепроцессуального исследования могло оказать влияние на полноту, правильность и обоснованность выводов сведущего лица.

В-третьих, применение, которое находит рассматриваемая правовая позиция в судебной практике, может свидетельствовать о смене парадигмы, в силу которой заключение эксперта по результатам судебной экспертизы считалось единственным средством установления обстоятельств, требующих специальных знаний. Проведение судебной экспертизы не является обязательным в случае наличия в материалах дела экспертного заключения, полученного в ходе рассмотрения дела финансовым уполномоченным, правильность и обоснованность которого не опровергнута стороной, не согласной с таким заключением[291]. Интересно применяется рассматриваемая правовая позиция в условиях наличия нескольких заключений внепроцессуальной экспертизы, в том числе заключения, полученного в результате рассмотрения спора финансовым уполномоченным. При таких обстоятельствах назначение судебной экспертизы непосредственно связано с правом суда определять достаточность доказательств, собранных по делу, и предполагается, если это необходимо для устранения противоречий в заключениях экспертов **и иным способом это сделать невозможно**[292]. Таким образом, назначение повторной судебной экспертизы в судебной практике рассматривается как исключительная мера, использовать которую необходимо только в случае

[291] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 56-КГ23-13-К9 // СПС «КонсультантПлюс».

[292] См., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 18-КГ23-137-К4 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2023 № 88-22485/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2023 № 88-10318/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

невозможности иным способом устранить выявленные противоречия в нескольких заключениях экспертов.

В целом положительно оценивая предложенный Верховным Судом РФ порядок исследования и оценки экспертного заключения, полученного при рассмотрении гражданского дела финансовым уполномоченным, отметим, что, на наш взгляд, такое правовое регулирование следует распространить на все случаи представления в суд заключений внепроцессуальной экспертизы.

Думается, что при наличии оснований для назначения дополнительной экспертизы, суд может привлечь для ее проведения эксперта, выполнившего внепроцессуальное исследование. Такое лицо приобретет процессуальный статус эксперта в связи с проведением им дополнительной экспертизы, что, в частности, позволит вызвать его в судебное заседание для разъяснения результатов дополнительной экспертизы и ответов на вопросы лиц, участвующих в деле, связанных с подобной экспертизой[293].

Учитывая недоступность традиционных для заключения эксперта механизмов обеспечения его достоверности в виде допроса эксперта в судебном заседании и предупреждения его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, по нашему мнению, при исследовании этого средства доказывания суду следует привлекать специалиста для получения консультаций и оказания непосредственной технической помощи в исследовании заключения. Думается, что специалист для этих целей может привлекаться как на основании ходатайства лиц, участвующих в деле, так и по собственной инициативе суда.

В качестве основания для назначения по делу повторной судебной экспертизы могут быть названы обнаружившиеся в отношении лица, проводившего внепроцессуальное исследование, обстоятельства, которые, при поручении этому лицу проведения первоначальной судебной экспертизы послужили бы основанием для заявления ему отвода.

---

[293] Реализация предложенной правовой конструкции потребует внесения изменений в ч.1 ст. 23 АПК РФ с целью корректировки нормы, предусматривающей в качестве основания для отвода эксперта проведение им ревизии или проверки, материалы которых стали поводом для обращения в арбитражный суд или используются при рассмотрении дела. Это положение процессуального законодательства не должно применяться в случае поручения судом проведения дополнительной экспертизы лицу, которое ранее проводило внепроцессуальное исследование.

В завершение рассмотрения надлежащего правового регулирования заключения внепроцессуальной экспертизы затронем последствия такого нововведения для процессуальной терминологии. На наш взгляд, следует рассмотреть возможность развития процессуального законодательства в следующем направлении.

Как известно, экспертом в процессуальном значении этого слова является лицо, владеющее специальными знаниями, и привлекаемое судом на основании соответствующего определения для проведения судебной экспертизы. Результатом процессуальной деятельности этого субъекта цивилистического процесса является доказательство – заключение эксперта. Думается, что при введении в процессуальное законодательство норм, регулирующих доказательственное значение заключения внепроцессуальной экспертизы могут возникнуть сложности, связанные с корректным наименованием субъекта, проводившего внепроцессуальное исследование. Складывается парадоксальная ситуация: лицо, проводившее внепроцессуальную экспертизу, с точки зрения процессуального законодательства экспертом не является.

На наш взгляд, причиной таких прогнозируемых сложностей является неточность, допущенная законодателем при выборе термина для обозначения сведущего лица, содействующего осуществлению правосудия путем проведения специального исследования. Такое исследование, проводимое в рамках гражданского процессуального правоотношения по назначению суда, именуется в законодательстве **судебная** экспертиза, а не просто экспертиза. Слово «судебная» в данном случае является признаком, по которому исследование, назначение и проведение которого регламентировано процессуальным законодательством, отличается от всех других специальных исследований, осуществляемых во внепроцессуальном порядке. Думается, что эта логика должна была быть сохранена и при выборе термина для обозначения сведущего лица, привлекаемого судом к участию в деле для проведения судебной экспертизы. Такого субъекта, на наш взгляд, следовало бы именовать не просто эксперт, а **судебный** эксперт. Разумно предположить, что и результат процессуальной деятельности такого субъекта

должен именоваться иначе – заключением **судебного** эксперта. В свою очередь, заключение внепроцессуальной экспертизы при таких обстоятельствах может быть без терминологических противоречий поименовано заключением эксперта.

Вместе с тем следует признать, что такие терминологические изменения также могут породить правоприменительные сложности, поскольку их результатом будет полное изменение содержания понятия «заключение эксперта».

Изложенные в настоящей главе предложения могут быть послужить основой для дополнения ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ статьями, посвященными доказательственному значению заключения внепроцессуальной экспертизы. В рамках предлагаемого законодательного регулирования для обозначения результатов внепроцессуальной экспертизы используется термин «заключение эксперта», исходя из приведенных выше доводов в пользу необходимости именовать заключение, полученное по результатам судебной экспертизы заключением судебного эксперта. На наш взгляд, такая статья в ГПК РФ могла бы быть изложена следующим образом:

«Статья 87.1. Заключение эксперта

1. Заключением эксперта признается письменный документ, содержащий сведения об имеющих значение для дела обстоятельствах, представляющий собой данные, полученные в результате исследования, проведенного с использованием специальных знаний за рамками рассматриваемого судом дела (экспертизы).

2. Заключение эксперта может быть получено по результатам осуществления оценочной деятельности (отчет об оценке), при осуществлении органами государственной власти, органами местного самоуправления и иными субъектами, наделенными публично-властными полномочиями, своих функций, по результатам рассмотрения судом общей юрисдикции или арбитражным судом другого дела, при обеспечении нотариусом доказательств, а также в частном инициативном порядке на основании гражданско-правового договора.

В случае, если действующим законодательством или правилами арбитража установлена процедура проведения экспертизы, заключение эксперта должно быть получено в соответствии с правилами этой процедуры.

Если экспертиза проводится в частном инициативном порядке по просьбе одного из заинтересованных лиц, инициатор проведения экспертизы уведомляет о намерении организовать проведение экспертизы других предполагаемых заинтересованных лиц. Уклонение таких лиц от участия в проведении экспертизы не является препятствием для ее проведения. Добросовестность инициатора проведения экспертизы при определении круга лиц, которым должна быть обеспечена возможность принять участие в ее проведении, предполагается, пока не доказано обратное.

3. Заключение эксперта экспертизы должно содержать:

1) время и место проведения экспертизы в случае, если выводы, к которым пришел эксперт, обусловлены этими данными;

2) сведения о лице (лицах), проводившем исследование;

3) правовое основание проведения экспертизы (постановление государственного органа, органа местного самоуправления или иного субъекта, наделенного властными полномочиями, определение суда общей юрисдикции или арбитражного суда, постановление третейского суда, гражданско-правовой договор);

4) вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;

5) описание предоставленных для дачи заключения объектов исследования и материалов с указанием предоставившего их лица;

6) описание используемых для дачи заключения инструментов, материалов, средств проведения исследования, полученных экспертом самостоятельно или имеющихся в его распоряжении, с указанием их основных характеристик;

7) отметка о предупреждении лица (лиц), проводившего исследование, об ответственности за дачу заведомо ложного заключения в случае, если такая ответственность предусмотрена в соответствии с законодательством, регулирующем проведение данного вида исследований;

8) сведения о методах и методиках проведения исследования;

9) сведения о нормативных и руководящих документах, научной литературе, использовавшихся при проведении исследования и необходимых для проведения исследования с учетом избранных методов и методик;

10) подробное описание хода проведенного исследования и полученных результатов, объяснение и оценка полученных результатов;

11) выводы по поставленным перед экспертом (экспертами) вопросам и их обоснование.

Материалы и документы, иллюстрирующие содержание заключения внепроцессуальной экспертизы, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

4. Заключение эксперта представляется в суд в подлиннике. В случае отсутствия у лица, представляющего в суд заключение эксперта, его подлинного экземпляра по причине хранения заключения в органе или организации, по поручению которых была проведена экспертиза, допускается представление заключения эксперта в форме надлежащим образом заверенной копии с сообщением суду места нахождения подлинного экземпляра заключения.

Подлинник заключения эксперта может быть истребован у органа или организации, по поручению которых была проведена экспертиза по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда.

5. Заключение эксперта оглашается в судебном заседании и исследуется наряду с другими доказательствами по делу.

6. По ходатайству лица, участвующего в деле, или по инициативе суда в судебное заседание может быть вызван специалист для оказания суду помощи в исследовании заключения эксперта и предоставления необходимых консультаций.

7. В случаях недостаточной ясности или неполноты заключения эксперта суд может назначить дополнительную судебную экспертизу, поручив ее проведение тому же или другому эксперту.

8. В случае возникновения сомнений в правильности или обоснованности заключения эксперта, наличием противоречий в заключениях нескольких экспертов, в том числе судебных, суд может назначить по тем же вопросам

повторную судебную экспертизу, проведение которой поручается другому эксперту или другим экспертам. Назначение судебной экспертизы по тем же вопросам по правилам статьи 79 настоящего Кодекса в отсутствие оснований для проведения повторной судебной экспертизы не допускается.».

Думается, что предложенная выше редакция статьи, посвященной заключению внепроцессуальной экспертизы в гражданском судопроизводстве, может быть в этом же виде включена в источники арбитражного и административного судопроизводств. Предлагается дополнить АПК РФ и КАС РФ статьями 87.2 и 83.1 соответственно. Содержание этих статей будет соответствовать предложенной выше редакции статьи 87.1 ГПК РФ.

В завершение отметим, что результатом реализации предложенных изменений станет установление процессуальным законодательством требований к форме и содержанию документа, составляемого сведущим лицом, которое может никогда не занять какого-либо процессуального статуса в споре, в котором будет использоваться его заключение. Кроме того, в этом случае источниками цивилистического процесса будут сформулированы условия, при которых результат внепроцессуальной деятельности лиц, не привлеченных к участию в деле, будет иметь доказательственное значение при рассмотрении спора судом.

На наш взгляд, такую ситуацию не следует рассматривать как регулирование процессуальным законодательством общественных отношений, не связанных с рассмотрением судами гражданских дел в порядке цивилистического процесса. Предметом регулирования предложенных для введения в процессуальное законодательство норм являются общественные отношения между судом и заинтересованными лицами в связи с представлением в суд заключения внепроцессуальной экспертизы. Отношения между лицом, по инициативе которого проведено внепроцессуальное исследование, и сведущим лицом, его выполнившим, не будут регулироваться приведенными выше положениями, которыми мы полагаем необходимым дополнить законодательство.

К примеру, в случае, если инициатор проведения досудебной частно-инициативной экспертизы не уведомит лицо, занявшее после начала

цивилистического процесса процессуальное положение ответчика, о проведении внепроцессуального исследования, такое бездействие будет неправильно рассматривать как нарушение процессуального законодательства. В этом случае будет иметь место несоблюдение законодательно установленных требований к порядку получения заключения внепроцессуальной экспертизы, влекущее за собой отказ в признании за таким заключением доказательственного значения.

Приведенная выше конструкция является для российского гражданского процессуального права новой. Процессуальным законодательством ранее не устанавливались строгие требования к внепроцессуальной процедуре получения, структуре и содержанию средства доказывания.

Тем не менее, сформировавшаяся к моменту проведения настоящего исследования правоприменительная практика продемонстрировала острую потребность в таком регулировании. Лица, участвующие в деле, все чаще представляют в суд заключения внепроцессуальной экспертизы. Неопределенность доказательственного значения таких документов и отсутствие в процессуальном законодательстве специализированных правил исследования и оценки таких документов затрудняет реализацию права на судебную защиту, приводит к повышению временных и финансовых издержек участников процесса. В этой связи правовое регулирование процессуальной формы внепроцессуальной экспертизы по модели, предложенной в настоящем параграфе, представляется необходимым для повышения эффективности правосудия по гражданским делам.

ГЛАВА 3. ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ФОРМАХ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ПРОВЕДЕНИЕМ ЭКСПЕРТИЗЫ

§ 1. Рецензия на заключение эксперта как средство доказывания в современном цивилистическом процессе

Распространенным в правоприменительной практике средством опровержения заключения эксперта является рецензия на него, которая представляет собой документ, содержащий мотивированное мнение лица, владеющего специальными знаниями, относительно недостатков экспертного заключения.

Рецензия на заключение эксперта имеет неопределенную правовую природу. Вопрос о ее процессуальной квалификации в настоящее время законодательно не разрешен, что порождает определенные правоприменительные сложности. Так, можно говорить о существовании в судебной практике следующих позиций относительно доказательственного значения такого документа:

– рецензия на заключение эксперта является недопустимым доказательством[294].

– Она представляет собой частное мнение конкретного специалиста, а, следовательно, не может опровергать результаты проведенной на основании определения суда экспертизы[295];

---

[294] См., например, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.08.2023 № Ф10-3478/23 по делу № А35-8859/2021 // СПС «Гарант»; постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.05.2023 № 15АП-5038/23 по делу № А32-46311/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 20.07.2021 по делу № 66а-3340/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Еланского районного суда Волгоградской области от 21.06.2023 по делу № 2-62/2023 // СПС «Гарант»; решение Иркутского районного суда Иркутской области от 25.12.2019 № 2-825/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[295] См., например, постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.12.2021 № Ф02-7555/2021 по делу № А78-3255/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2022 по делу № 88-12647/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.02.2023 № Ф06-259/2023 по делу № А55-10630/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

– рецензия на заключение эксперта относится к письменным доказательствам и подлежит оценке наравне с другими доказательствами[296];

– рецензия на заключение эксперта может быть признана допустимым доказательством в качестве иного документа (ст. 89 АПК РФ)[297];

– рецензия на заключение эксперта представляет собой мотивированные объяснения стороны относительно дефектов судебной экспертизы[298];

Таким образом, в судебной практике в настоящее время не выработан единый подход к определению доказательственного значения и квалификации рецензии на заключение эксперта. Столь же разнообразными являются точки зрения, представленные в научной литературе. Обозначенные выше подходы правоприменителя к правовой природе рецензии на заключение эксперта могут быть дополнены представленной в доктрине точкой зрения на рецензию как на разновидность консультации специалиста.

С целью определения верного подхода к доказательственному значению рецензии на заключение эксперта поочередно рассмотрим каждую из обозначенных точек зрения.

1. Одной из первых работ, посвященных доказательственному значению рецензии в гражданском судопроизводстве, является статья Н.Н. Раскатовой, вышедшая в 2006 году. Этот исследователь по результатам рассмотрения содержания рецензии и его сопоставления с содержанием консультации специалиста приходит к выводу, что рецензия на заключение эксперта не может служить доказательством по делу. Указанный вывод Н.Н. Раскатова основывает на понимании сведений о фактах как информации о каком-то конкретном событии,

---

[296] См., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 66-КГ21-7-К8 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2022 № 20-КГ22-13-К5 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2022 № 43-КГ22-3-К6 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 № 88-23019/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[297] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.08.2021 № Ф03-4383/2021 по делу № А73-5804/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.04.2022 № Ф08-1239/2022 по делу № А32-7189/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.07.2021 № Ф02-3510/2021 по делу № А19-22930/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[298] См., например, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.01.2018 по делу №305-ЭС17-11486 // СПС «КонсультантПлюс».

явлении, которое имело место в прошлом. Рецензия же, по мнению данного автора, представляет собой мнение сведущего лица относительно соответствия или несоответствия проведенного экспертом исследования и представленного им заключения положениям действующего законодательства и примененной экспертом методики проведения исследования[299].

Согласиться с обозначенной позицией не представляется возможным по следующей причине. Рецензия на заключение эксперта служит источником информации о наличии или об отсутствии содержательных дефектов рецензируемого заключения. Наличие или отсутствие этих дефектов – юридический факт, который должен быть установлен судом при оценке заключения эксперта. Кроме того, информация, содержащаяся в рецензии, может послужить основой для возникновения у суда сомнений в правильности и обоснованности заключения эксперта.

Следовательно, содержащаяся в рецензии информация является ничем иным, как сведениями о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела. Другое дело, что факты, источником сведений о которых служит рецензия, не относятся к искомым или доказательственным. Эти факты в предложенной М.К. Треушниковым классификации, упоминавшейся по тексту настоящего исследования, относятся к тем, которые имеют исключительно процессуальное значение. В рассматриваемом нами случае доказательственная информация, содержащаяся в рецензии, значима для правильной оценки судом заключения эксперта и для решения вопроса о назначении судом по делу дополнительной или повторной экспертизы.

Другое обоснование отсутствия у рецензии на заключение эксперта доказательственного значения встречается в диссертационном исследовании Х. Виаама. Данный автор рассматривает рецензию на заключение эксперта как полученную с нарушением установленных процессуальным законодательством

---

[299] Раскатова Н.Н. Проблема определения доказательственного статуса рецензий на заключения экспертов и процессуального статуса подготовивших их лиц в гражданском судопроизводстве // Lex Russica (Русский закон). 2006. Т. 65, № 5. С. 958.

правил консультацию специалиста[300]. Аргументация, которую данный автор приводит в обоснование своего вывода о том, что рецензия не является доказательством в гражданском процессе, представляется спорной, поскольку рецензирование заключения эксперта осуществляется во внепроцессуальном порядке, и, следовательно, деятельность сведущего лица по подготовке рецензии является внепроцессуальной формой применения специальных знаний. Как правильно отмечает Х. Виаам, специалист, рецензирующий заключение, не привлекается к участию в деле в качестве специалиста в порядке ст. 188 ГПК РФ. Это обстоятельство не позволяет рассматривать результат применения таким сведущим лицом специальных знаний как консультацию специалиста. Вместе с тем невозможность такой квалификации в условиях действующего правового регулирования не исключает доказательственного значения рецензии на заключение эксперта.

В правоприменительной практике встречаются и более интересные основания, по которым суды не признают рецензию на заключение эксперта доказательством. Так, в ряде судебных актов обоснована правомерность выводов суда первой инстанции относительно недопустимости рецензии на заключение эксперта тем, что «по смыслу процессуального законодательства рецензия является заключением специалиста, противопоставленным экспертному заключению, при этом рецензия подготовлена по инициативе одной из заинтересованных сторон в споре, в то время как специалист, дающий рецензию, не предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного экспертного заключения»[301].

В первую очередь приведенный вывод суда является примечательным ввиду того, что квалификация рецензии на заключение эксперта в качестве заключения специалиста основана на «смысле процессуального законодательства», которое не предусматривает такого правового явления как заключение специалиста. Кроме того, если предположить, что под термином «заключение специалиста» суд

---

[300] Виаам Х. Заключение эксперта и консультация специалиста в гражданском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 67.

[301] См., например, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.05.2023 № Ф03-1423/23 по делу № А73-4838/2020 // СПС «Гарант»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.02.2023 № Ф04-8201/22 по делу № А45-32355/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

понимал значение заключения внепроцессуальной экспертизы, возникают сомнения в обоснованности такой квалификации, которые будут подробно рассмотрены ниже.

Подготовка рецензии по инициативе одной из заинтересованных сторон спора и отсутствие предупреждения рецензента об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения являются достаточно распространенными в судебной практике основаниями признания рецензии на заключение эксперта недопустимым доказательством[302]. Представляется, что подобные доводы не могут быть признаны состоятельными, поскольку действующее законодательство не регламентирует процедуру получения рецензии на заключения эксперта, и, следовательно, формирование этого документа во внепроцессуальном порядке и вытекающее из этого отсутствие оснований для предупреждения рецензента об уголовной ответственности не свидетельствуют о получении такого документа с нарушением требований действующего законодательства.

Таким образом, рецензия на заключение эксперта является источником доказательственной информации, позволяющим суду установить имеющий процессуальное значение факт – достоверность заключения эксперта.

2. При признании рецензии на заключение эксперта доказательством в цивилистическом процессе возникает вопрос: к какому из числа известных действующему законодательству средств доказывания она может быть отнесена?

Как было показано выше, судебная практика не может предложить однозначного ответа на него. Представленные в научной литературе точки зрения ученых на данную проблему не позволяют сделать вывод о наличии консенсуса по поставленному вопросу.

---

[302] См., например, решение Советского районного суда г. Воронежа Воронежской области от 21.02.2022 по делу № 2-106/2022// СПС «Гарант»; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.11.2022 № Ф07-17629/22 по делу № А56-9814/2021 // СПС «Гарант»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.04.2023 № Ф04-1147/23 по делу № А03-13715/2020 // СПС «Гарант»; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.04.2023 № Ф09-2065/23 по делу № А60-4626/2022 // СПС «Гарант»; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 08.08.2023 № Ф10-1506/21 по делу № А64-2289/2018 // СПС «Гарант»; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.10.2023 № Ф07-12009/23 по делу № А13-2613/2022 // СПС «Гарант».

Так, в публикациях исследователей, занимающихся проблематикой использования в доказывании рецензии на заключение эксперта, встречается точка зрения о необходимости квалификации такого доказательства в качестве иного документа (ст. 89 АПК РФ)[303]. Не реже высказывается и другая позиция, в силу которой рецензия может рассматриваться как разновидность письменных доказательств[304].

Думается, что признание рецензии на заключение эксперта письменным доказательством в гражданском и административном судопроизводствах и иным документом - в арбитражном, основано на той же логике, что и квалификация в этом качестве заключений внепроцессуальной экспертизы. Исчерпывающие перечни средств доказывания в ГПК РФ и КАС РФ вынуждают рассматривать рецензию на заключение эксперта в качестве письменного доказательства, исходя из внешней процессуальной формы такого документа.

Отнесение рецензии к иным документам в арбитражном процессе в свою очередь свидетельствует об отсутствии в действующем законодательстве надлежащей процессуальной формы для такого источника доказательственной информации. Вызвано это тем, что с точки зрения характера и направленности манипуляций сведущего лица по подготовке рецензии данная форма применения специальных знаний может рассматриваться в качестве разновидности внепроцессуальной справочно-консультационной деятельности специалиста, на что обращалось внимание в научной литературе[305].

Квалификация рецензии в качестве письменного доказательства в гражданском и административном судопроизводствах и иного документа - в арбитражном, производится без учета особенностей содержания и порядка получения этого доказательства, а также характера содержащейся в данном

---

[303] См. Жижина М.В. Тактические вопросы использования рецензии на экспертное заключение в судопроизводстве // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2018. № 1. С. 85 - 91; Зернов С.И. К вопросу о рецензировании заключения эксперта по исковым производствам в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 1. С. 29 - 35.

[304] См. Тарасова Ю. Экспертиза: правила оспаривания // ЭЖ-Юрист. 2016. № 12. С. 13; Линев А.Н. К вопросу о процессуальном статусе рецензии на заключение эксперта // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 119.

[305] Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 152.

документе доказательственной информации. В научной литературе обращается внимание на две основные проблемы, возникающие при использовании в доказательственной деятельности рецензий на заключение эксперта.

Во-первых, отсутствие законодательно установленных требований к содержанию рецензии приводит к тому, что результаты проведенного рецензирования зачастую представляют собой отмеченные рецензентом формальные и мелкие ошибки, допущенные экспертом, не влияющие на правильность и обоснованность выводов, к которым пришел эксперт[306]. Как правильно отмечает С.И. Зернов, выявление формальных недостатков заключения эксперта не требует применения сведущим лицом специальных знаний. Такие недостатки могут быть выявлены судом и лицами, участвующими в деле, без помощи сведущих лиц[307]. В ситуациях, когда рецензия на заключение эксперта содержит только замечания относительно порядка оформления экспертного заключения, суды закономерно отказывают в признании за ней доказательственного значения[308].

Вторая отмечаемая в научной литературе проблема, также вытекающая из отсутствия обособленного правового регулирования рецензии, заключается в том, что заключение эксперта зачастую рецензируется лицами, уступающими в квалификации судебным экспертам, что приводит к формированию недостоверных рецензий[309]. Выявленная в ходе судебного разбирательства разница в квалификации рецензента и эксперта в пользу последнего, равно как и отсутствие в рецензии сведений о квалификации составившего ее лица, рассматриваются

---

[306] Дьяконова О.Г. Рецензия специалиста на заключение судебной экспертизы: понятие, сущность, нормативное регулирование // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 84 - 97.

[307] Зернов С.И. К вопросу о рецензировании заключения эксперта по исковым производствам в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 1. С. 29 - 35.

[308] См., например, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14.11.2023 № 03АП-4303/23 по делу № А33-527/2023 // СПС «Гарант»; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2023 № 09АП-60641/23 по делу № А40-9446/2016 // СПС «Гарант»; постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2023 № 10АП-15771/22 по делу № А41-85602/2020 // СПС «Гарант»; постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2023 № 19АП-1231/23 по делу № А35-6748/2021 // СПС «Гарант».

[309] Жижина М. В. Рецензирование экспертных заключений в судопроизводстве: ожидания и реалии // Вопросы экспертной практики. 2017. № S1. С. 123.

судами как основания для вывода о недостоверности рецензии[310]. Соглашаясь в целом с позицией о том, что более низкая квалификация рецензента в сравнении с экспертом способна привести к возникновению недостоверной рецензии, все же отметим, что такой результат вряд ли может быть признан общим правилом. Думается, что вопрос о достаточности квалификации рецензента для формирования достоверных выводов относительно содержания заключения эксперта должен решаться судом в каждом конкретном случае. Вместе с тем представляется, что рецензия на заключение эксперта в любом случае должна содержать сведения, подтверждающие наличие у составившего ее лица достаточных для проведения рецензирования специальных знаний.

Следование по пути признания рецензии на заключение эксперта письменным доказательством или иным документом не позволит законодательно установить требования к содержанию и порядку исследования такого доказательства, детерминированные его особенностями как результата применения специальных знаний.

3. В 2018 году Верховным Судом РФ было предложено рассматривать рецензию на заключение специалиста в качестве мотивированных объяснений стороны относительно дефектов судебной экспертизы[311]. Эта правовая позиция в настоящее время активно применяется арбитражными судами и судами общей юрисдикции[312].

Обозначенная правовая позиция некоторыми исследователями рассматривается как «четкое, аргументированно правильное, соответствующее

---

[310] См., например, решение Подосиновского районного суда Кировской области от 25.09.2023 по делу № 2-127/2023 // СПС «Гарант»; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.12.2022 № 09АП-77865/22 по делу № А40-319017/2019; решение Кировского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 08.06.2023 по делу № 2-303/2023 // СПС «Гарант»; апелляционное определение Амурского областного суда от 16.02.2022 по делу № 33АП-610/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 08.12.2021 по делу № 33-1939/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[311] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.01.2018 по делу № 305-ЭС17-11486, А40-73410/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[312] См., например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.09.2023 № Ф05-20031/18 по делу № А41-101720/2017 // СПС «Гарант»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.11.2022 № Ф05-27999/22 по делу № А40-176929/2021 // СПС «Гарант»; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.09.2021 по делу № 8Г-20133/2021 // СПС «Гарант».

духу закона восприятие рецензии»[313]. На наш взгляд, основания для подобной оценки рассматриваемого варианта квалификации рецензии отсутствуют.

На недостатки предложенного Верховным Судом РФ способа решения проблемы доказательственного значения рецензии на заключение эксперта ранее уже обращалось внимание в отдельных научных работах диссертанта[314]. Резюмируя нашу точку зрения, изложенную в них, отметим, что квалификация рецензии на заключение эксперта в качестве письменных объяснений стороны возможна только в ситуации выдачи рецензенту лицом, участвующим в деле, доверенности на представление интересов в суде. В этом случае рецензия на заключение эксперта, подписанная лицом, действующим по доверенности от имени лица, участвующего в деле, действительно может рассматриваться как объяснение такого лица. Вместе с тем думается, что такая правовая конструкция является искусственной и не учитывает правовой природы результата рецензирования. Кроме того, при подобном подходе к определению доказательственного значения рецензии сохраняются упомянутые выше проблемы, связанные с невозможностью установить требования к содержанию и порядку исследования рецензии.

4. Учитывая, что правовая квалификация рецензии на заключение эксперта в качестве письменного объяснения стороны, письменного доказательства или иного документа не соответствует природе этого документа, встает вопрос о путях придания такому доказательству надлежащей процессуальной формы. В научной литературе по поставленной проблеме встречаются следующие подходы[315].

---

[313] Зернов С.И. К вопросу о рецензировании заключения эксперта по исковым производствам в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 1. С. 29 - 35

[314] См. Лукашин А.А. Проблемы квалификации заключения специалиста в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2022. № 6. С. 41 – 45; Лукашин А. А. К вопросу о допустимости квалификации рецензии на заключение эксперта в качестве объяснения стороны // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации) : Сборник научных статей молодых исследователей X ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и соискателей с международным участием, Санкт-Петербург, 25–26 марта 2022 года / Под общей редакцией Я.Б. Жолобова, А.А. Дорской. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. – С. 935-940.

[315] Диссертантом рассматриваются взгляды исследователей, признающих справочно-консультационную природу рецензии на заключение эксперта, относительно надлежащего правового регулирования ее доказательственного значения.

О.Г. Дьяконова полагает, что рецензия на заключение эксперта является «суррогатным» результатом справочно-консультационной деятельности специалиста, недопустимым в судопроизводстве. По мнению данного автора, результат научно-методической проверки заключения эксперта, которым является рецензия, должен оформляться исключительно в качестве консультации специалиста[316].

Согласиться с обозначенной точкой зрения затруднительно. В настоящее время консультация специалиста представляет собой результат процессуальной деятельности лица, приобретшего в установленном законодательством порядке соответствующий процессуальный статус. Реализация предложения О.Г. Дьяконовой потребует пересмотра всей концепции понимания консультации специалиста как доказательства, полученного в рамках процессуального правоотношения между судом и специалистом. Распространение правового режима консультации специалиста на результаты внепроцессуальной справочно-консультационной деятельности вряд ли окажет положительное влияние на развитие института консультации специалиста в его текущем виде. Более того, думается, что такие изменения повлекут «размывание» содержания понятия «консультация специалиста». В конечном итоге это приведет к использованию одного термина для обозначения существенно различающихся по своим свойствам явлений.

Так, обращаясь к признакам процессуальной формы доказательств, можно обнаружить, что они приобретают различные значения в отношении консультации специалиста и рецензии на заключение эксперта.

Консультация специалиста в условиях действующего правового регулирования является в чистом виде личным доказательством, поскольку его источником служит привлеченное к участию в деле сведущее лицо – специалист. В свою очередь, рецензия на заключение эксперта выступает предметным (вещественным) доказательством, ведь сведущее лицо, проводившее рецензирование, не является субъектом гражданского процессуального

[316] Дьяконова О.Г. Указ. соч. С. 96.

правоотношения по рассмотрению конкретного дела. Результат применения таким лицом специальных знаний представляется лицами, участвующими в деле, в суд в виде письменного документа.

Внешняя процессуальная форма консультации специалиста и рецензии будет строго отличаться только в арбитражном судопроизводстве, в котором специалист дает консультацию исключительно устно. В гражданском и административном судопроизводствах допускается представление консультации в письменном виде, что сближает ее по форме с рецензией.

Консультация специалиста является результатом применения специальных знаний сведущим лицом, привлеченным к участию в рассмотрении судом конкретного гражданского дела. Права и обязанности специалиста, порядок дачи им консультации урегулированы процессуальным законодательством. Получение консультации является объектом процессуального правоотношения между специалистом и судом. В свою очередь, рецензия на заключение эксперта получается во внепроцессуальном порядке за рамками гражданского процессуального правоотношения, возникшего в связи с рассмотрением судом конкретного дела. Сведущее лицо, рецензирующее заключение эксперта, не является участником процесса, в котором была проведена судебная экспертиза.

Включение в процессуальное законодательство положений, устанавливающих, что консультация специалиста может представлять собой полученный во внепроцессуальном порядке документ, отражающий результаты научно-методической проверки заключения эксперта, не приведет к распространению на рецензию правового режима консультации. Так, нормы процессуального законодательства, определяющие процессуальный статус субъекта, дающего консультации, его права и обязанности, порядок ее дачи окажутся неприменимы к такой внепроцессуальной «консультации». В сущности, единственным результатом признания рецензии на заключение эксперта разновидностью консультации специалиста будет однозначное решение вопроса о наличии у такого документа доказательственного значения (при условии упомянутой ранее по тексту настоящего исследования унификации норм ГПК РФ,

АПК РФ и КАС РФ). Признавая значимость такого последствия, отметим, что описанные меры, реализация которых приведет к его наступлению, не могут быть признаны оправданными.

Дополнение процессуального законодательства нормами, предусматривающими распространение правового режима консультации специалиста на рецензию, приведет к возникновению еще одного (помимо иных документов и материалов) средства доказывания с неопределенной внутренней структурой.

О.Г. Дьяконова приходит к выводу о необходимости оформления рецензии на заключение эксперта в качестве консультации специалиста исходя из направленности применения специальных знаний сведущим лицом, проводящим научно-методическую проверку заключения эксперта[317]. Действительно, рассуждая с позиции дифференциации форм применения специальных знаний, исходя из преследуемых целей, рецензирование экспертного заключения следует отнести к справочно-консультационной деятельности специалиста. Вместе с тем единство целей, на достижение которых направлены процессуальные и внепроцессуальные формы осуществления справочно-консультационной деятельности, не предопределяет необходимость единого правового регулирования результатов такой деятельности. Консультация специалиста и рецензия на заключение эксперта имеют различную правовую природу и различные правовые основания формирования. Эти различия выступают неустранимым препятствием для того, чтобы рассматривать эти результаты применения специалистом специальных знаний разновидностями одного средства доказывания.

Изложенное позволяет прийти к выводу о невозможности решения проблемы неопределенного доказательственного значения рецензии на заключение эксперта посредством признания ее консультацией специалиста.

Другой подход к решению поставленной проблемы предлагает И.В. Юдин. Данный автор по результатам рассмотрения достоинств использования рецензии на заключение эксперта в доказывании предлагает облачить рецензирование

[317] Дьяконова О.Г. Указ. соч. С. 95-96.

экспертных заключений в процессуальную форму путем дополнения процессуального законодательства нормами, предусматривающими проведение рецензирования по инициативе суда[318].

По нашему мнению, потребности в таких новациях правового регулирования нет по следующей причине. Как было рассмотрено выше, с точки зрения своего содержания и направленности, внепроцессуальная деятельность сведущего лица по рецензированию заключения эксперта представляет собой справочно-консультационную форму применения специалистом специальных знаний. Действующее процессуальное законодательство предусматривает возможность привлечения специалиста к участию в деле для дачи консультации во всех видах цивилистического процесса. В этой связи в настоящее время уже возможно проведение «рецензирования» в ходе процессуальной деятельности специалиста по даче консультации, в рамках которой он может предоставить суду сведения о допустимости применения избранной экспертом методики и соблюдения порядка проведения исследования применительно к обстоятельствам рассматриваемого дела.

Эффективность такого процессуального «рецензирования» может быть повышена путем реализации высказанного нами выше предложения по закреплению допустимости письменной внешней процессуальной формы консультации специалиста во всех источниках цивилистического процесса.

5. Следует отдельно рассмотреть встречающийся в правоприменительной практике[319] и научной литературе[320] подход к рецензии на заключение эксперта как к разновидности заключения специалиста.

---

[318] Юдин И.В. Заключение о результатах экспертизы как средство доказывания в гражданском судопроизводстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2023. С. 193-194.

[319] См., например, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.10.2022 № Ф04-4908/22 по делу № А27-1141/2021 // СПС «Гарант»; постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.03.2023 № 12АП-11533/22 по делу № А57-23737/2021 // СПС «Гарант»; решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 01.08.2022 по делу № 2-434/2022 // СПС «Гарант».

[320] Ручкина Г.Ф. Взыскание действительной стоимости доли участника общества с ограниченной ответственностью при добровольном выходе участника из общества: некоторые проблемы арбитражной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 8. С. 15 - 20; Холопова Е. Заключение (рецензия) специалиста VS заключение эксперта // Адвокатская газета. 2021. №14. // СПС «Гарант».

Думается, что основой такой точки зрения служит «исследовательский» элемент в содержании рецензии. Как было рассмотрено выше по тексту настоящего исследования, сущностным признаком экспертизы является проведение исследования, в результате которого сведущим лицом добывается неизвестная ему на момент начала исследования доказательственная информация. Рецензирование, в свою очередь, заключается в изучении содержания заключения эксперта и сопоставлении его с уже известными рецензенту положениями науки, ремесла, техники или искусства с целью выявления ошибок в проведенном экспертом исследовании.

Изучение правоприменительной практики позволяет при рассмотрении рецензии с позиции признания ее разновидностью внепроцессуального исследования позволяет выявить следующие вопросы, ответы на которые предоставляются сведущим лицом при рецензировании:

– соответствует ли заключение эксперта требованиям федерального законодательства, экспертным методикам и методическим рекомендациям, применяемым при проведении такого рода исследований, литературным источникам?[321]

– Является ли проведенное экспертом исследование объективным, всесторонним и полным, а выводы эксперта достоверными, обоснованными и проверяемыми?[322]

---

[321] См., например, определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.10.2022 по делу № 8Г-27151/2022 // СПС «Гарант»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.03.2016 № Ф05-204/2016 по делу № А40-217715/2014 // СПС «Гарант»; апелляционное определение Зарайского городского суда Московской области от 05.04.2019 по делу № 11-5/2019 // СПС «Гарант»; постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2020 № 15АП-11043/20 по делу № А32-4459/2017 // СПС «Гарант»; постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2019 № 19АП-7423/19 // СПС «Гарант»; решение Арбитражного суда г. Москвы от 09.08.2017 по делу № А40-106629/2016 // СПС «Гарант»; решение Ленинского районного суда г. Грозного Чеченской Республики от 13.10.2022 по делу № 2-1691/2022 // СПС «Гарант»; решение Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан от 02.12.2022 по делу № 2-1682/2022 // СПС «Гарант»; решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 22.10.2021 по делу № 2-192/2021 // СПС «Гарант»; решение Александровского городского суда Владимирской области от 22.03.2024 по делу № 2-5/2024 // СПС «Гарант»; решение Ленинского районного суда г. Ставрополя Ставропольского края от 24.11.2022 по делу № 2-3493/2022 // СПС «Гарант».

[322] См., например, определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2023 по делу № 8Г-25583/2022 // СПС «Гарант»; постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 18.06.2021 № 07АП-4568/21 по делу № А45-11686/2020 // СПС «Гарант»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.08.2021 № Ф04-4543/21 по делу № А45-33862/2019 // СПС «Гарант»; решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.04.2024 по делу № А40-242830/2021 // СПС «Гарант»; решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.09.2021 по делу № А40-94473/2021 // СПС «Гарант»; решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа -

– Соблюдена ли экспертом процедура проведения экспертного исследования?[323]

– Имеют ли место в заключении эксперта ошибки, недостатки и несоответствия, и, если есть, оказали ли они влияние на конечный результат исследования?[324]

Нетрудно заметить, что для ответов на указанные вопросы от сведущего лица требуется всего лишь ознакомиться с содержанием заключения эксперта и изложить свою точку зрения, исходя из имеющихся у него знаний. В сущности, такую же деятельность осуществляют и лица, участвующие в деле, предоставляя суду свои объяснения после ознакомления с содержанием заключения эксперта. Точно так же свою точку зрения может изложить в судебном заседании и специалист, воспользовавшись предоставленным ему процессуальным законодательством правом знакомиться с материалами дела.

Думается, что разница в применении специальных знаний рецензентом и сведущим лицом, выполняющим внепроцессуальное исследование, сродни различиям в процессуальной деятельности эксперта и специалиста. Она заключается в моменте, с которого начинается применение специальных знаний. Субъект, проводящий внепроцессуальную экспертизу, применяет свои специальные знания непосредственно в ходе проведения специального исследования. Рецензент, в свою очередь, применяет специальные знания уже после того, как ознакомится с содержанием заключения эксперта, излагая свою точку зрения как сведущее лицо.

В этой связи, на наш взгляд, рецензия на заключение эксперта не может рассматриваться как разновидность заключения внепроцессуальной экспертизы.

Югры от 25.09.2017 по делу № А75-14572/2016 // СПС «Гарант»; решение Арбитражного суда Ставропольского края от 27.12.2016 по делу № А63-8206/2015 // СПС «Гарант».

[323] См., например, решение Октябрьского районного суда г. Рязани Рязанской области от 31.08.2023 по делу № 2-67/2023 // СПС «Гарант»; решение Ленинского районного суда г. Тюмени Тюменской области от 22.01.2020 по делу № 2-599/2020 // СПС «Гарант».

[324] См., например, апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 06.10.2016 по делу № 33-17119/2016 // СПС «Гарант»; решение Ленинского районного суда г. Ульяновска Ульяновской области от 14.10.2022 по делу № 2-4238/2022 // СПС «Гарант».

Вместе с тем как справедливо отмечается в научной литературе, зачастую под рецензированием заключения эксперта «маскируется» проведение повторного внепроцессуального исследования по тем же вопросам[325]. Думается, что при обнаружении включения в содержание рецензии результатов самостоятельного исследования, которое провел рецензент по тем же вопросам, которые были поставлены перед экспертом при проведении судебной экспертизы, такой документ должен квалифицироваться и исследоваться не как рецензия, а как заключение внепроцессуальной экспертизы.

Изложенное в настоящем параграфе позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, рецензия на заключение эксперта представляет собой документ, содержащий мотивированное мнение лица, владеющего специальными знаниями относительно недостатков экспертного заключения.

Во-вторых, такая рецензия способна служить источником доказательственной информации, из которого судом может быть установлен имеющий процессуальное значение факт – достоверность или недостоверность заключения эксперта или заключения внепроцессуальной экспертизы.

В-третьих, рецензия на заключение эксперта не может быть облечена в процессуальную форму какого-либо из числа предусмотренных действующим законодательством средств доказывания ввиду своей особой правовой природы. Квалификация рецензии в качестве объяснений стороны, письменного доказательства, иного документа, консультации специалиста или заключения внепроцессуальной экспертизы не учитывает особенности содержания и порядка получения такого документа.

В-четвертых, рецензия на заключение эксперта обладает признаками самостоятельного средства доказывания, что детерминирует потребность в установлении обособленного правового регулирования ее процессуальной формы.

---

[325] Дьяконова О.Г. Рецензия специалиста на заключение судебной экспертизы: понятие, сущность, нормативное регулирование // Журнал российского права. 2023. № 4. С.92.

Приведенные выше промежуточные выводы позволяют констатировать потребность в дополнении процессуального законодательства нормами, посвященными рецензии как средству доказывания. Некоторые черты предлагаемой процессуальной формы рецензии на заключение эксперта были подробно рассмотрены выше при сопоставлении результатов рецензирования с консультацией специалиста. Думается, что изложенные выше мысли относительно внешней процессуальной формы и порядка получения рецензии нуждаются в более подробном рассмотрении.

Учитывая, что рецензия на заключение эксперта составляется с целью представления в суд в качестве доказательства недостоверности проведенного экспертного исследования, видится логичным предусмотреть в процессуальном законодательстве правило о предоставлении такого документа в суд в подлиннике.

На наш взгляд, структуру рецензии на заключение эксперта образуют три элемента: вводная часть, исследовательская часть и выводы рецензента. В научной литературе представлена и иная точка зрения. Так, М.В. Жижина полагает необходимым выделение в структуре рецензии вводной, описательной, исследовательской частей и выводов[326]. Данный автор считает, что описательная часть должна отражать общую характеристику заключения эксперта, краткое описание объектов исследования экспертом, сведения о примененных методах исследования, полученных результатах, их экспертной оценке и выводах. В критической части отражаются результаты оценки рецензентом содержания заключения эксперта как научно-прикладного документа. Думается, что практическая значимость в соблюдении такого порядка описания хода рецензирования отсутствует. Последовательное отражение в рецензии замечаний относительно содержания заключения эксперта сразу после описания части заключения, в отношении которой у рецензента возникли возражения, вряд ли оказывает влияние на достоверность содержащейся в рецензии доказательственной информации. В этой связи видится более правильным вести речь об

[326] Жижина М.В. Тактика и технология проведения судебных действий в гражданском судопроизводстве: монография. – М.: Проспект, 2019. С. 296.

исследовательской части рецензии как о структурном элементе, объединяющем описание содержания рецензируемого заключения и выявленных рецензентом недостатков.

Итак, рассмотрим поочередно содержание каждого из структурных элементов рецензии на заключение эксперта.

Во вводной части следует отразить сведения о лице, проводившем рецензирование, а также о представленном на рецензирование заключении и правовом основании проведения рецензирования. Информационный блок, содержащий сведения о рецензенте, должен включать в себя его фамилию, имя, отчество, информацию о его образовании, квалификации, занимаемой должности, стаже работы, ученой степени или ученом звании и иные сведения, позволяющие установить наличие у рецензента специальных знаний, достаточных для проведения рецензирования. Цель включения во вводную часть сведений о правовом основании проведения рецензирования заключается в выявлении возможной зависимости рецензента от лиц, участвующих в деле, которая может оказать влияние на достоверность проведенного исследования. Наиболее распространенным основанием проведения рецензирования является гражданско-правовой договор. Вместе с тем оно может быть проведено и силами работников лица, участвующего в деле, что, на наш взгляд, также должно учитываться судом при оценке рецензии.

М.В. Жижина предлагает указывать во вводной части рецензии подробные сведения об объекте рецензирования: кем, когда и где проводилась экспертиза; информацию о поставленных перед экспертом вопросах и его выводы. Кроме того, данный автор полагает необходимым отражать во вводной части рецензии вопросы, поставленные перед рецензентом[327]. Такая конкретика представляется излишней. Для цели идентификации заключения эксперта, представленного на рецензирование, на наш взгляд, достаточно сведений о реквизитах заключения и определения суда, которым была назначена судебная экспертиза. Представляется,

[327] Жижина М.В. Рецензирование экспертных заключений в практике рассмотрения арбитражных дел // Вестник арбитражной практики. 2014. № 4. С. 54.

что информация о месте и времени проведения экспертизы, о поставленных перед экспертом вопросах и о его выводах в любом случае должна быть раскрыта в исследовательской части рецензии.

Во вводной части рецензии следует также перечислить нормативные и научно-методические источники, которыми руководствовался рецензент при проверке заключения эксперта.

Исследовательская часть данного документа должна содержать описание предоставленных эксперту для проведения исследования объектов и использованных им материалов, а также оценку рецензентом достаточности этих объектов и материалов для проведения экспертизы с целью формирования достоверных ответов на поставленные перед экспертом вопросы. Далее следует отразить и охарактеризовать избранные экспертом методы и методики исследования, оценить возможность и целесообразность применения этих методов и методик для проведения экспертизы с учетом предоставленных эксперту объектов исследования и использованных им материалов.

Основное содержание исследовательской части рецензии должен составлять подробный анализ проведенного исследования, сопровождающийся оценкой правильности применения экспертом избранной им методики. В ходе такого анализа рецензент должен выявить допущенные экспертом ошибки или их отсутствие и оценить, являются ли такие ошибки существенными и способны ли они оказать влияние на достоверность результатов экспертизы и выводов, к которым пришел эксперт. С целью обеспечения возможности оценки рецензии на заключение эксперта, она должна содержать обоснование каждого высказанного рецензентом замечания.

Наконец, исследовательская часть рецензии должна включать в себя оценку выводов, к которым пришел эксперт, на предмет их непротиворечивости и соответствия результатам проведенного исследования.

На основе обозначенных в исследовательской части недостатков проведенного исследования, рецензент формулирует вывод о достоверности или недостоверности выводов, содержащихся в заключении эксперта.

Что касается порядка получения рецензии на заключение эксперта, на наш взгляд, правового регулирования заслуживает только отдельный его аспект – запрет при рецензировании ограничиваться формальной оценкой соответствия процедуры проведения экспертизы и полученного заключения установленным законодательством требованиям. Как было отмечено выше, такого рода нарушения могут быть выявлены самостоятельно судом и лицами, участвующими в деле, поскольку не требуют для своего обнаружения применения специальных знаний.

Обозначенные в настоящем параграфе предложения по правовому регулированию процессуальной формы рецензии на заключение эксперта могут быть реализованы посредством дополнения кодифицированных источников цивилистического процесса соответствующими статьями, посвященными доказательственному значению рецензии. Положения такой статьи в ГПК РФ, по нашему мнению, могут быть сформулированы следующим образом:

«Статья 87.2. Рецензия на заключение эксперта

1. Рецензией на заключение эксперта признается полученное по инициативе лица, участвующего в деле, мотивированное мнение лица, владеющего специальными знаниями, относительно наличия или отсутствия недостатков в заключении эксперта или заключении судебного эксперта.

Рецензирование заключения эксперта (заключения судебного эксперта) представляет собой научно-методическую проверку правильности проведения экспертизы (судебной экспертизы) с использованием специальных знаний в целях выявления недостатков проведенной экспертизы (судебной экспертизы), способных оказать влияние на достоверность выводов, к которым пришел эксперт (судебный эксперт).

2. Рецензия на заключение эксперта должна содержать:

1) дату рецензирования заключения эксперта;

2) сведения о лице, проводившем рецензирование;

3) сведения о правовом основании проведения рецензирования (реквизиты гражданско-правового договора либо сведения о том, что рецензент является работником лица, участвующего в деле);

4) сведения о заключении эксперта или заключении судебного эксперта, представленных на рецензирование;

5) сведения о нормативных и научно-методических источниках, использованных при проведении рецензирования;

6) оценку достаточности предоставленных эксперту (судебному эксперту) объектов исследования и материалов, использованных экспертом (судебным экспертом) инструментов для проведения экспертизы;

7) оценку допустимости и обоснованности методов и методик, примененных при проведении экспертизы (судебной экспертизы);

8) научно-методическую оценку правильности порядка проведения экспертизы (судебной экспертизы) и достоверности полученных результатов;

9) оценку влияния выявленных в ходе рецензирования недостатков на правильность выводов, содержащихся в заключении эксперта (заключении судебного эксперта);

10) подробное и мотивированное обоснование содержащихся в рецензии замечаний относительно недостатков экспертизы (судебной экспертизы);

11) вывод о достоверности или недостоверности выводов, содержащихся в заключении эксперта (заключении судебного эксперта).

Материалы и документы, иллюстрирующие содержание рецензии, при наличии таковых, прилагаются к рецензии и служат его составной частью.

3. Рецензия на заключение эксперта подписывается составившим ее лицом и представляется в суд в подлиннике.

4. Рецензия на заключение эксперта оглашается в судебном заседании и исследуется наряду с другими доказательствами по делу.

5. По ходатайству лица, участвующего в деле, или по инициативе суда в судебное заседание может быть вызван специалист для оказания суду помощи в исследовании рецензии на заключение эксперта и предоставления необходимых консультаций.».

Статьями аналогичного содержания следует дополнить АПК РФ и КАС РФ. Думается, что такие статьи могут быть включены в структуру названных кодексов с порядковыми номерами 87.3 и 83.2 соответственно.

§ 2. Правовая природа и доказательственное значение ответа на запрос специализированного арбитражного суда

Активно используемым в правоприменительной практике инструментом восполнения недостатка специальных знаний у Суда по интеллектуальным правам (далее – СИП) выступает запрос специализированного арбитражного суда. В силу ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ, специализированный арбитражный суд в целях получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения ученых, специалистов и прочих лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого специализированным арбитражным судом спора, может также направлять запросы.

Необходимость введения в процессуальное законодательство института запроса специализированного арбитражного суда Высший Арбитражный Суд РФ детерминировал сложностью рассматриваемых СИП споров, которая связана с неоднозначностью и неопределенностью исследуемых фактов, а также противопоставлением равно защищаемых ценностей[328]. Приведенную аргументацию сложно признать убедительной. Вряд ли существует такая категория гражданских дел, которую можно было бы охарактеризовать однозначностью и определенностью фактов, которые должен установить суд. Кроме того, думается, что противопоставление равно защищаемых интересов является признаком, присущим подавляющему большинству споров, которые разрешаются в порядке цивилистического процесса (к примеру, дела о воспитании детей, об оспаривании нормативных правовых актов, споры о защите избирательных прав граждан, экономические споры и т.д.).

---

[328] Отзыв Высшего Арбитражного Суда РФ № ВАС-С01/УПП-1642 на законопроект № 446381-5 // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/446381-5 (дата обращения: 17.02.2024).

Из содержания нормы ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ можно отметить схожесть оснований для направления СИП запроса и привлечения к участию в деле специалиста для дачи консультации (ст. 87.1 АПК РФ). В этой связи возникают вопрос о допустимости квалификации такого документа в качестве письменной консультации специалиста.

В научной литературе представлена точка зрения о невозможности подобной квалификации ввиду различий внешней процессуальной формы и порядка получения консультации специалиста и ответа на запрос СИП. Так, И.В. Решетникова пишет, что консультация специалиста дается в устной форме без проведения специальных исследований, а ответ на запрос представляется в письменной форме и не оглашается в судебном заседании. Кроме того, лицо, подготовившее ответ на запрос, не может быть вызвано в суд для ответов на вопросы суда и лиц, участвующих в деле[329]. Поддерживая эту позицию, все же отметим, что на наш взгляд, при определении допустимости квалификации ответа на запрос СИП в качестве консультации специалиста, следует исходить из сходств или различий в их содержании.

К.Ю. Бубнова отмечает, что направлять письменный запрос специалисту, привлеченному в процесс для участия в заседании, на котором он **смог** (выделено нами – А.Л.) ответить на поставленные вопросы и дать необходимые пояснения, нецелесообразно[330]. Из этого положения следует, что в случае, если специалист не смог в рамках консультации ответить на поставленные вопросы, ему может быть направлен запрос в порядке ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ, чтобы он представил в суд ответы в письменном виде. Если следовать этой позиции, оказывается, что ответ на запрос СИП представляет собой письменную консультацию специалиста с отличающимся процессуальным порядком получения. Однако при таких обстоятельствах становится неясно, зачем при дополнении арбитражного процессуального законодательства положениями об участии специалиста необходимо было

---

[329] Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: избранное. М.: Статут, 2019. С. 32-33.

[330] Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации: монография / под ред. И. А. Близнеца, Л. А. Новоселовой. — М.: Проспект, 2015. С. 75 (автор параграфа – К.Ю. Бубнова).

устанавливать правило об устной внешней процессуальной форме консультации специалиста. В этой связи думается, что за формированием в арбитражном процессе института запроса СИП стоят другие причины.

Существующая в настоящее время правоприменительная практика и разъяснения высших инстанций не позволяют квалифицировать ответ на запрос специализированного арбитражного суда в качестве консультации специалиста.

Ранее по тексту настоящего исследования отмечалось, что консультация специалиста является источником доказательственной информации в цивилистическом процессе. Пункт 11 постановления Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 №60 «О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» (далее – ПП ВАС №60) предусматривает возможность направления специализированным арбитражным судом запроса в порядке ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ в качестве суда кассационной инстанции[331]. В этом случае полученный ответ **оценивается** судом с учетом положений ч. 2 ст. 287 АПК РФ, устанавливающих запрет суду кассационной инстанции устанавливать и считать установленными обстоятельства дела, которые не были установлены судами первой и апелляционной инстанций (п. 13 ПП ВАС №60). Приведенные положения вызывают вопрос: какие новые сведения могут быть запрошены и оценены судом кассационной инстанции без нарушения этого запрета?

Ответ на поставленный вопрос можно отыскать в Справке о некоторых вопросах привлечения специалистов и направления запросов судом по интеллектуальным правам, утвержденной постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 14.11.2014 №СП-21/89 (далее – Справка №СП-21/89)[332]. Согласно п. 9 указанной справки, применение института направления запроса возможно в том числе для выяснения позиции различных ученых о толковании норм права. В свете этого «разъяснения» становится более

[331] Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 60 «О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12.
[332] Справка о некоторых вопросах привлечения специалистов и направления запросов судом по интеллектуальным правам (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 14.11.2014 № СП-21/89) // СПС «КонсультантПлюс».

состоятельным положение п. 7 Справки №СП-21/89, в силу которого ответ на запрос СИП не является доказательством по делу, а имеет статус особого процессуального документа. Действительно, толкование российских правовых норм не является фактическим обстоятельством гражданского дела, а потому сведения о таком толковании не являются доказательствами (сведениями о фактах).

Отметим, что речь идет именно о толковании, а не об установлении содержания положений российского законодательства. Как было рассмотрено выше по тексту настоящего исследования, специальные знания не включают в себя знания правового характера. В этой связи субъекты, к которым обращается СИП с запросом профессионального мнения по правовым вопросам, не могут, как предлагается в научной литературе[333], рассматриваться в качестве специалистов (в том числе во внепроцессуальном значении этого слова), поскольку не являются лицами, владеющими специальными знаниями. Это обстоятельство, на наш взгляд, создает ощутимое препятствие для того, чтобы в принципе рассматривать обращение СИП с запросом в порядке ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ относительно толкования правовых норм как форму использования специальных знаний.

В правоприменительной практике СИП случаи направления запросов по вопросам толкования норм российского права встречаются довольно часто[334]. Вместе с тем институт направления СИП запроса применяется и в более привычном направлении – для получения от лиц, владеющих специальными знаниями, имеющих значение для дела сведений[335]. Оснований для отказа в признании за таким ответом доказательственного значения нами не усматривается.

---

[333] Ковалева А.В. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда (п. 1.1 ч. 1 ст. 16 АПК РФ) как особая форма участия специалиста и его доказательственное значение // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. С. 201.

[334] См., например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.08.2023 № С01-848/2022 по делу № А07-30376/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 29.05.2023 № С01-70/2023 по делу № СИП-535/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Суда по интеллектуальным правам от 30.06.2022 по делу № СИП-914/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 03.06.2022 № С01-116/2022 по делу № СИП-668/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.10.2021 № С01-1433/2021 по делу № СИП-139/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[335] См., например, постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22.01.2024 № С01-412/2023 по делу № СИП-96/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 19.01.2024 № С01-2130/2023 по делу № СИП-877/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Суда по интеллектуальным правам от 19.12.2023 по делу № СИП-58/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Суда по интеллектуальным правам от 02.11.2023 по делу № СИП-322/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Суда по интеллектуальным правам от 20.10.2023 по делу № СИП-668/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Выше по тексту настоящего исследования обращалось внимание, что основания (преследуемые цели) при привлечении к участию в деле специалиста для дачи консультации и при направлении запроса СИП совпадают. При таких обстоятельствах, думается, что с точки зрения сущности деятельности сведущего лица по применению специальных знаний в рамках ответа на запрос СИП он представляет собой не что иное, как дачу консультации. Именно в этом видится причина, по которой некоторые ученые стремятся квалифицировать ответ на запрос СИП в качестве письменной консультации специалиста[336].

Не представляется возможным обнаружить причины, по которым результат одной и той же с содержательной точки зрения деятельности, осуществляемой в соответствии с нормами процессуального законодательства, в одном случае будет являться доказательством, а в другом нет. Изложенное позволяет прийти к выводу, что ответ на запрос СИП, содержащий сведения о фактических обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, является источником доказательственной информации.

Таким образом, правовая природа ответа на запрос СИП различается в зависимости от содержания такого документа. В случае, если перед адресатом запроса были поставлены вопросы правового характера, представленный в специализированный арбитражный суд ответ однозначно не имеет доказательственного значения. В этой связи следует признать ошибочной встречающуюся в научной литературе позицию, в силу которой институт запроса СИП представляет собой дополнительную процессуальную возможность специализированного арбитражного суда по собиранию (истребованию) доказательств[337]. При этом возникает другая проблема, связанная с процессуальной квалификацией такого документа. Думается, что она может быть решена путем признания правовых заключений, представленных в ответ на запрос СИП,

---

[336] См. Ковалева А.В. Указ. соч. С. 207.

[337] См. Рыжаков А.П. Комментарий к Федеральному закону от 8 декабря 2011 года № 422-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // СПС «КонсультантПлюс». 2012.; Ковалева А.В. Указ. соч. С. 195.

вспомогательными источниками цивилистического процесса. Подобные правовые конструкции уже исследовались в научной литературе[338].

В свою очередь, если специализированным судом запрос направлен сведущим лицам с целью получения консультаций, разъяснений и выяснения профессионального мнения по вопросам, требующим специальных знаний, такой документ вполне может служить источником доказательственной информации. При этом, остается открытым вопрос о том, в качестве какого средства доказывания должен рассматриваться такой ответ на запрос СИП.

Отмеченные в научной литературе обстоятельства, препятствующие квалификации ответа на запрос СИП в качестве письменной консультации специалиста, были рассмотрены выше. Следует отметить, что доктрине известна и противоположная позиция. Так, А.В. Ковалева со ссылкой на ч. 1 ст. 162 АПК РФ, которая гласит, что консультации специалиста, полученные в письменном виде, оглашаются в судебном заседании, приходит к выводу, что направление запроса в порядке ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ представляет собой специальный порядок привлечения специалиста для получения его консультаций, разъяснений и выяснения профессионального мнения в письменной форме без вызова его в судебное заседание[339]. Следовательно, по мнению данного автора, ответ на запрос СИП является консультацией специалиста, полученной в письменной форме.

Обозначенная позиция видится спорной по следующей причине. Как неоднократно отмечалось в научной литературе, субъект, осуществляющий подготовку ответа на запрос СИП, не приобретает процессуального статуса специалиста[340]. Между тем, источником консультации специалиста как предусмотренного арбитражным процессуальным законодательством средства доказывания выступает лицо, привлеченное в установленном законом порядке к

---

[338] Чайкина А.В. Источники гражданского процессуального права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 173-179.
[339] Ковалева А.В. Указ. соч. С. 207.
[340] Рыжаков А.П. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации. 7-е изд., испр. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2012.; Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации: монография / И.А. Близнец, К.Ю. Бубнова, О.В. Видякина и др.; под ред. И.А. Близнеца, Л.А. Новоселовой. М.: Проспект, 2015. С. 70-71 (автор параграфа – К.Ю. Бубнова); Ганичева Е.С. Особенности применения специальных знаний в арбитражном процессе // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 129.

участию в деле в качестве специалиста. Подготовка ответа на запрос СИП не является процессуальной формой применения специалистом своих специальных знаний. В этой связи признать ответ на запрос СИП письменной консультацией специалиста в арбитражном процессе можно было бы только игнорируя существенные различия в процессуальном порядке получения этих доказательств, который является одним из элементов процессуальной формы каждого конкретного средства доказывания.

В научной литературе представлена точка зрения о необходимости квалификации ответа на запрос СИП в качестве письменного доказательства (ст. 75 АПК РФ), поскольку такой документ представляется в суд в письменном виде и приобщается к материалам дела[341]. Думается, что авторы, придерживающиеся этой позиции, исходят исключительно из письменной внешней процессуальной формы ответа на запрос СИП и не учитывают другие элементы процессуальной формы этого средства доказывания, в частности, процессуального порядка получения.

Более распространены в доктрине взгляды относительно принадлежности ответов на запросы СИП к такому средству доказывания как иные документы и материалы (ст. 89 АПК РФ) [342]. Такая позиция в условиях действующего правового регулирования видится более обоснованной. Неформализованный характер иных документов и материалов как средства доказывания обеспечивает возможность представления и исследования источников доказательственной информации с неопределенной правовой природой, в том числе ответов на запросы СИП. Вместе с тем думается, что, как и в случае с заключением внепроцессуальной экспертизы и рецензией на заключение эксперта, такая квалификация является вынужденной ввиду отсутствия в действующем законодательстве норм, специально определяющих процессуальную форму данного средства доказывания.

---

[341] Зинин А.М., Семикаленова А.И., Иванова Е.В. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / под общ. ред. А.М. Зинина. М., 2016. С. 283.

[342] См., например, Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / под общ. ред. Е.А. Моргуновой. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. С 78 (автор главы – С.М. Михайлов); Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации: монография / И.А. Близнец, К.Ю. Бубнова, О.В. Видякина и др.; под ред. И.А. Близнеца, Л.А. Новоселовой. М.: Проспект, 2015. С. 71-72 (автор главы – К.Ю. Бубнова); Терехова Л.А. Заключения сведущих лиц // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 302.

Необходимость обособленного правового регулирования процессуальной формы ответа на запрос СИП может быть объяснена следующим образом.

Во-первых, ответ на запрос СИП представляет собой сложное комплексное явление с вариативным содержанием. В зависимости от содержащейся в таком документе информации вопрос о наличии или отсутствии у него доказательственного значения решается по-разному. В этой связи видится целесообразным установление различного правового регулирования для ответов на вопросы СИП, содержащих сведения о фактах, имеющих отношение к рассматриваемому судом делу.

Во-вторых, одним из проявлений принципа состязательности в цивилистическом процессе является возможность заинтересованных лиц принимать участие в выборе сведущего лица, привлекаемого к участию в деле в качестве эксперта или специалиста. Думается, что заинтересованные лица должны иметь обеспеченную процессуальным законодательством возможность ходатайствовать о направлении СИП запроса и предлагать свои кандидатуры адресатов запроса. Направление запроса не должно оставаться дискреционным правом специализированного арбитражного суда.

В-третьих, ответ на запрос СИП представляет собой результат справочно-консультационной деятельности специалиста, которая осуществлялась в квази-процессуальной форме (поскольку подготовка ответа осуществляется лицом, не привлеченным к участию в деле). Учитывая, что такое доказательство было сформировано с использованием специальных знаний, на наш взгляд было бы целесообразно сформулировать требования к внешней процессуальной форме, такого документа. В частности, для определения степени достоверности представленного ответа на запрос СИП, в нем следует отразить сведения о квалификации составившего ее лица.

В-четвертых, видится необходимым дополнение процессуального законодательства нормой об исследовании ответа на запрос СИП по правилам ст. 71 АПК РФ, наравне с другими доказательствами. Кроме того, принимая во внимание, что такой документ составлен с применением специальных знаний,

следует наделить суд правом вызвать лицо, составившее ответ на запрос, в суд в качестве специалиста для дачи консультации относительно представленного ответа. Лица, участвующие в деле, в свою очередь, должны иметь право ходатайствовать о привлечении такого лица к участию в деле в качестве специалиста. Думается также, что принимать участие в исследовании и оценке ответа на запрос СИП, при необходимости, может любой другой специалист, привлеченный в установленном процессуальным законодательством порядке к участию в деле. Озвученные предложения направлены на снятие существующего в настоящее время «иммунитета» ответа на запрос СИП от исследования и оценки в качестве доказательства.

Статья АПК РФ, определяющая процессуальную форму ответа на запрос СИП, могла бы выглядеть следующим образом:

«Статья 87.4. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда

1. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда, направленный в порядке части 1.1 статьи 16 настоящего Кодекса, содержащий сведения о фактических обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, исследуется наряду с другими доказательствами по делу.

2. Запрос специализированным арбитражным судом сведений о фактических обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, может быть направлен в порядке в порядке части 1.1 статьи 16 настоящего Кодекса по ходатайству лиц, участвующих в деле, и по инициативе арбитражного суда.

3. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда представляется в суд в письменном виде и должен содержать:

1) дату подготовки ответа специализированного арбитражного суда;

2) сведения о лице, подготовившем ответ на запрос специализированного арбитражного суда;

3) сведения о поступившем запросе специализированного арбитражного суда, на который дается ответ, о вопросах, по которым специализированному арбитражному суду необходимо получить разъяснения, консультацию или выяснить профессиональное мнение;

4) сведения о предоставленных для подготовки ответа на запрос специализированного арбитражного суда материалах дела;

5) сведения об использованных при подготовке ответа на запрос специализированного арбитражного суда нормативных, научно-методических источниках;

6) подробные и мотивированные разъяснения, консультация или профессиональное мнение лица, подготовившего ответ на запрос специализированного арбитражного суда, по поставленным перед ним вопросам.

4. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда подписывается подготовившим его лицом.

5. По ходатайству лица, участвующего в деле, или по инициативе специализированного арбитражного суда в судебное заседание может быть вызван специалист, для оказания суду помощи в исследовании ответа на запрос специализированного арбитражного суда. В качестве специалиста для оказания помощи в исследовании ответа на запрос специализированного арбитражного суда может быть вызвано лицо, подготовившее такой ответ.».

Предложенная редакция статьи, на наш взгляд, учитывает существующие особенности формирования такого средства доказывания как ответ на запрос специализированного арбитражного суда. Вместе с тем следует отметить, что потребность в наличии такой формы использования специальных знаний, на наш взгляд, отпадает при дополнении арбитражного процессуального законодательства положениями, допускающими письменную внешнюю процессуальную форму консультации специалиста.

Единственным преимуществом института направления запроса СИП в сравнении с привлечением специалиста для дачи письменной консультации при таких обстоятельствах окажется отсутствие необходимости оплачивать деятельность сведущего лица по подготовке ответа на запрос (п. 11 ПП ВАС №60). Признавая отсутствие в АПК РФ норм, которые могли бы послужить основанием для оплаты труда сведущих лиц по подготовке таких ответов, отметим, что такое положение дел представляется неоправданным. С содержательной точки зрения

дача специалистом письменной консультации и подготовка ответа на запрос СИП не различаются. При таких обстоятельствах и решение вопроса о вознаграждении сведущих лиц в обоих случаях должно быть одинаковым. В этой связи видится правильным дополнение процессуального законодательства положениями, предусматривающими оплату деятельности ученых, специалистов и прочих лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого специализированным арбитражным судом спора, по подготовке ответа на соответствующий запрос.

В этой связи закономерным следствием развития законодательного регулирования процессуальной справочно-консультационной деятельности специалиста видится отказ от направления специализированным арбитражным судом запроса для тех целей, которые преследуются неспециализированными арбитражными судами при привлечении к участию в деле специалиста для дачи консультации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование продемонстрировало потребность в решении ряда теоретических и практических проблем использования результатов применения специальных знаний в доказывании в цивилистическом процессе. По итогам изучения законодательного материала, правоприменительной практики и научной литературы по теме диссертации выработаны предложения по совершенствованию правового регулирования в исследованной области, осуществлена актуализация и расширение научных знаний о доказательственном значении результатов внепроцессуальной деятельности сведущих лиц и иных результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой в цивилистическом процессе. Основные выводы исследования сводятся к следующим.

1. Обосновано, что с позиций определения сущности судебных доказательств как единства содержания (сведений о фактах) и процессуальной формы (средств доказывания) категория «доказательственное значение» применима к содержательной составляющей этого термина. Под доказательственным значением предложено понимать потенциальную возможность получения из определенных источников сведений о фактических обстоятельствах дела без определения надлежащей процессуальной формы таких сведений.

2. Аргументировано, что критерием, по которому происходит законодательная дифференциация судебной экспертизы, справочно-консультационной деятельности и непосредственной (технической) помощи специалиста выступает цель использования специальных знаний в конкретной процессуальной форме. Вместе с тем использованию специальных знаний в целом не присуща особая цель, позволяющая отграничить этот институт от смежных явлений, в частности от участия в деле свидетеля. В ее обособлении в качестве признака понятия «специальные знания» отсутствует практическая и научная необходимость.

3. Доказано, что вопрос об обоснованности включения знаний правового характера в содержание категории «специальные знания» должен решаться по-разному, в зависимости от направления, в котором такие знания применяются. Знания в области содержания норм иностранного и международного права, правовых обычаев как источников российского права являются специальными по своей правовой природе. В свою очередь, привлечение сведущих лиц для оказания суду помощи в установлении содержания российского законодательства противоречит аксиоме jura novit curia, которая в современном цивилистическом процессе должна пониматься в значении «судья может отыскать право». Привлечение к участию в деле для установления содержания правовых норм сведущих лиц необходимо в случае введения в российскую правовую систему новых источников – таких, как правовая доктрина, корпоративные акты, акты «мягкого права» и т.д. Сведения о надлежащем толковании правовых норм или юридической квалификации фактов, входящих в пределы доказывания по конкретному делу, не могут быть получены судом в рамках доказывания, поскольку имеют разную правовую природу со сведениями о фактах.

4. Обосновано, что целью справочно-консультационной деятельности специалиста является предоставление суду в абстрактной форме или применительно конкретным обстоятельствам дела уже известных специалисту на момент привлечения его к участию в деле положений науки, ремесла или искусства, которые имеют значение для решения исключительно процессуальных вопросов, возникающих в ходе рассмотрения дела, или, ввиду их связи с искомыми юридическими фактами, необходимы для правильного его рассмотрения и разрешения. Характер получаемых из консультации специалиста сведений позволяет прийти к выводу, что консультация специалиста в цивилистическом процессе является доказательством и служит средством познания судом доказательственных фактов и фактов, имеющих процессуальное значение.

5. Установлено, что специалист в арбитражном судопроизводстве наряду со справочно-консультационной деятельностью оказывает арбитражному суду непосредственную (техническую) помощь в процессуальном статусе переводчика.

При этом арбитражные суды не имеют обеспеченной процессуальным законом возможности привлечь к участию в деле специалиста для оказания непосредственной (технической) помощи в иных случаях, не связанных с осуществлением перевода. В этой связи текущее состояние арбитражного процессуального законодательства, которое, в отличие от ГПК РФ и КАС РФ, прямо не предусматривает оказание специалистом непосредственной (технической) помощи, не может быть признано удовлетворительным.

6. Доказано, что критерием разграничения судебной и внепроцессуальной экспертизы выступает наличие в первом случае связи проведенного исследования с конкретным гражданским делом, конкретным процессом. Основываясь на этом критерии, внепроцессуальную экспертизу предлагается понимать как специальное исследование, проведенное за рамками гражданского процессуального правоотношения, возникшего между судом и иными участниками процесса в связи с рассмотрением определенного гражданского дела.

7. Обосновано, что уголовная ответственность эксперта за дачу заведомо ложного заключения, предусмотренная ч. 1 ст. 305 УК РФ, не может рассматриваться в качестве гарантии достоверности заключения эксперта или фактора, повышающего его достоверность в сравнении с результатами внепроцессуальной экспертизы. Заведомая ложность представленного в суд заключения является частным случаем его недостоверности. Достоверность или недостоверность устанавливается судом в отношении каждого представленного доказательства, безотносительно предупреждения его составителя об уголовной ответственности.

Наличие установленной уголовным законом ответственности судебного эксперта за заведомо недобросовестное выполнение возложенной на него функции не оказывает влияния на обязанность суда проверить представленное заключение на предмет достоверности. Равным образом эта обязанность сохраняется у суда и при исследовании и оценке заключения внепроцессуальной экспертизы.

8. Обосновано, что заключение внепроцессуальной экспертизы не может быть квалифицировано в качестве одного из закрепленных в действующем цивилистическом процессуальном законодательстве средств доказывания. Признание таких заключений письменными доказательствами в гражданском и административном судопроизводствах основано исключительно на их письменной форме без учета особенностей формирования содержащейся в данном документе информации. Квалификация заключения внепроцессуальной экспертизы в качестве иного документа в арбитражном процессе также не может быть признана состоятельной ввиду неопределенности содержания и процессуального порядка получения такого средства доказывания. Содержательная близость с заключением эксперта в совокупности с неустранимыми различиями в процессуальном порядке получения позволяют прийти к выводу, что заключение внепроцессуальной экспертизы требует обособленного от известных законодательству средств доказывания правового регулирования.

9. Доказано, что рецензия на заключение эксперта представляет собой имеющий доказательственное значение результат справочно-консультационной деятельности сведущего лица, осуществляемой во внепроцессуальном порядке. Рассматривать рецензирование заключения эксперта и оформление результатов рецензирования в виде заключения внепроцессуальной экспертизы недопустимо ввиду наличия существенного различия между указанными видами деятельности, заключающегося в моменте, с которого сведущее лицо начинает применять специальные знания. Субъект, проводящий внепроцессуальную экспертизу, применяет свои специальные знания непосредственно в ходе осуществления специального исследования. Рецензент, в свою очередь, применяет специальные знания уже после того, как ознакомится с содержанием заключения эксперта, излагая свою точку зрения в качестве сведущего лица.

10. Аргументировано, что правовая природа ответа на запрос Суда по интеллектуальным правам различается в зависимости от содержания такого документа. В случае, если перед адресатом запроса были поставлены вопросы правового характера, относящиеся к толкованию правовых норм или юридической

квалификации определенных фактов, представленный в специализированный арбитражный суд ответ не имеет доказательственного значения, поскольку содержащаяся в нем информация не относится к сведениям о фактах. Если запрос направлен по вопросам, не касающимся толкования правовых норм или юридической квалификации определенных фактов, деятельность сведущего лица по составлению ответа с точки зрения своего содержания не отличается от справочно-консультационной деятельности специалиста. Различающийся порядок получения консультации специалиста и ответа на запрос Суда по интеллектуальным правам приводит к выводу о необходимости обособленного правового регулирования процессуальной формы такого ответа как средства доказывания в арбитражном судопроизводстве.

На основе выводов диссертационного исследования автором выработаны предложения по дополнению процессуального законодательства статьями, содержащими требования к порядку получения и содержанию заключения внепроцессуальной экспертизы, рецензии на заключение эксперта и ответа на запрос специализированного арбитражного суда. Соблюдение этих требований призвано обеспечить допустимость данных результатов применения специальных знаний в качестве соответствующих средств доказывания. Диссертантом обосновано, что дополнение законодательства указанными требованиями не должно рассматриваться как регулирование процессуальным правом общественных отношений, не связанных с рассмотрением судами гражданских дел. Предметом регулирования предложенных для введения в процессуальное законодательство норм являются общественные отношения между судом и заинтересованными лицами в связи с представлением в суд заключения внепроцессуальной экспертизы, рецензии на заключение эксперта и ответа на запрос специализированного арбитражного суда.

Конкретные предложения в этой части сводятся к следующим.

1. По тексту ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ заменить термины «эксперт», «заключение эксперта» на «судебный эксперт» и «заключение судебного эксперта» соответственно.

2. Статью 55.1 АПК РФ дополнить указанием на возможность оказания специалистом непосредственной (технической) помощи.

3. Абзац второй части 1 статьи 55 ГПК РФ изложить в следующей редакции:

«Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений судебных экспертов, консультаций специалистов, заключений экспертов, рецензий на заключения экспертов».

4. Часть вторую статьи 59 КАС РФ изложить в следующей редакции:

«В качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, и показания свидетелей, полученные в том числе путем использования систем видеоконференц-связи, системы веб-конференции, а также письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения судебных экспертов, консультации специалистов, заключения экспертов, рецензии на заключения экспертов».

5. Абзац первый части 2 статьи 64 АПК РФ изложить в следующей редакции:

«В качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения судебных экспертов, консультации специалистов, заключения экспертов, рецензии на заключения экспертов, ответы на запрос специализированного арбитражного суда, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы».

6. Часть четвертую статьи 169 КАС РФ изложить в следующей редакции:

«Консультация специалиста является доказательством по административному делу».

7. Главу 6 ГПК РФ дополнить статьей 87.1 следующего содержания:

«Статья 87.1. Заключение эксперта

1. Заключением эксперта признается письменный документ, содержащий сведения об имеющих значение для дела обстоятельствах, представляющий собой

данные, полученные в результате исследования, проведенного с использованием специальных знаний за рамками рассматриваемого судом дела (экспертизы).

2. Заключение эксперта может быть получено по результатам осуществления оценочной деятельности (отчет об оценке), при осуществлении органами государственной власти, органами местного самоуправления и иными субъектами, наделенными публично-властными полномочиями, своих функций, по результатам рассмотрения судом общей юрисдикции или арбитражным судом другого дела, при обеспечении нотариусом доказательств, а также в частном инициативном порядке на основании гражданско-правового договора.

В случае, если действующим законодательством или правилами арбитража установлена процедура проведения экспертизы, заключение эксперта должно быть получено в соответствии с правилами этой процедуры.

Если экспертиза проводится в частном инициативном порядке по просьбе одного из заинтересованных лиц, инициатор проведения экспертизы уведомляет о намерении организовать проведение экспертизы других предполагаемых заинтересованных лиц. Уклонение таких лиц от участия в проведении экспертизы не является препятствием для ее проведения. Добросовестность инициатора проведения экспертизы при определении круга лиц, которым должна быть обеспечена возможность принять участие в ее проведении, предполагается, пока не доказано обратное.

3. Заключение эксперта должно содержать:

1) время и место проведения экспертизы в случае, если выводы, к которым пришел эксперт, обусловлены этими данными;

2) сведения о лице (лицах), проводившем исследование;

3) правовое основание проведения экспертизы (постановление государственного органа, органа местного самоуправления или иного субъекта, наделенного властными полномочиями, определение суда общей юрисдикции или арбитражного суда, постановление третейского суда, гражданско-правовой договор);

4) вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;

5) описание предоставленных для дачи заключения объектов исследования и материалов с указанием предоставившего их лица;

6) описание используемых для дачи заключения инструментов, материалов, средств проведения исследования, полученных экспертом самостоятельно или имеющихся в его распоряжении, с указанием их основных характеристик;

7) отметка о предупреждении лица (лиц), проводившего исследование, об ответственности за дачу заведомо ложного заключения в случае, если такая ответственность предусмотрена в соответствии с законодательством, регулирующем проведение данного вида исследований;

8) сведения о методах и методиках проведения исследования;

9) сведения о нормативных и руководящих документах, научной литературе, использовавшихся при проведении исследования и необходимых для проведения исследования с учетом избранных методов и методик;

10) подробное описание хода проведенного исследования и полученных результатов, объяснение и оценка полученных результатов;

11) выводы по поставленным перед экспертом (экспертами) вопросам и их обоснование.

Материалы и документы, иллюстрирующие содержание заключения эксперта, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

4. Заключение эксперта представляется в суд в подлиннике. В случае отсутствия у лица, представляющего в суд заключение эксперта, его подлинного экземпляра по причине хранения заключения в органе или организации, по поручению которых была проведена экспертиза, допускается представление заключения эксперта в форме надлежащим образом заверенной копии с сообщением суду места нахождения подлинного экземпляра заключения.

Подлинник заключения эксперта может быть истребован у органа или организации, по поручению которых была проведена экспертиза по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда.

5. Заключение эксперта оглашается в судебном заседании и исследуется наряду с другими доказательствами по делу.

6. По ходатайству лица, участвующего в деле, или по инициативе суда в судебное заседание может быть вызван специалист для оказания суду помощи в исследовании заключения эксперта и предоставления необходимых консультаций.

7. В случаях недостаточной ясности или неполноты заключения эксперта суд может назначить дополнительную судебную экспертизу, поручив ее проведение тому же или другому эксперту.

8. В случае возникновения сомнений в правильности или обоснованности заключения эксперта, наличием противоречий в заключениях нескольких экспертов, в том числе судебных, суд может назначить по тем же вопросам повторную судебную экспертизу, проведение которой поручается другому эксперту или другим экспертам. Назначение судебной экспертизы по тем же вопросам по правилам статьи 79 настоящего Кодекса в отсутствие оснований для проведения повторной судебной экспертизы не допускается.».

Дополнить главу 7 АПК РФ статьей сходного содержания за порядковым номером 87.2.

Дополнить главу 6 КАС РФ статьей сходного содержания за порядковым номером 83.1.

8. Главу 6 ГПК РФ дополнить статьей 87.2 следующего содержания:

«Статья 87.2. Рецензия на заключение эксперта

1. Рецензией на заключение эксперта признается полученное по инициативе лица, участвующего в деле, мотивированное мнение лица, владеющего специальными знаниями, относительно наличия или отсутствия недостатков в заключении эксперта или заключении судебного эксперта.

Рецензирование заключения эксперта (заключения судебного эксперта) представляет собой научно-методическую проверку правильности проведения экспертизы (судебной экспертизы) с использованием специальных знаний в целях выявления недостатков проведенной экспертизы (судебной экспертизы), способных оказать влияние на достоверность выводов, к которым пришел эксперт (судебный эксперт).

2. Рецензия на заключение эксперта должна содержать:

1) дату рецензирования заключения эксперта;

2) сведения о лице, проводившем рецензирование;

3) сведения о правовом основании проведения рецензирования (реквизиты гражданско-правового договора либо сведения о том, что рецензент является работником лица, участвующего в деле);

4) сведения о заключении эксперта или заключении судебного эксперта, представленных на рецензирование;

5) сведения о нормативных и научно-методических источниках, использованных при проведении рецензирования;

6) оценку достаточности предоставленных эксперту (судебному эксперту) объектов исследования и материалов, использованных экспертом (судебным экспертом) инструментов для проведения экспертизы;

7) оценку допустимости и обоснованности методов и методик, примененных при проведении экспертизы (судебной экспертизы);

8) научно-методическую оценку правильности порядка проведения экспертизы (судебной экспертизы) и достоверности полученных результатов;

9) оценку влияния выявленных в ходе рецензирования недостатков на правильность выводов, содержащихся в заключении эксперта (заключении судебного эксперта);

10) подробное и мотивированное обоснование содержащихся в рецензии замечаний относительно недостатков экспертизы (судебной экспертизы);

11) вывод о достоверности или недостоверности выводов, содержащихся в заключении эксперта (заключении судебного эксперта).

Материалы и документы, иллюстрирующие содержание рецензии, при наличии таковых, прилагаются к рецензии и служат его составной частью.

3. Рецензия на заключение эксперта подписывается составившим ее лицом и представляется в суд в подлиннике.

4. Рецензия на заключение эксперта оглашается в судебном заседании и исследуется наряду с другими доказательствами по делу.

5. По ходатайству лица, участвующего в деле, или по инициативе суда в судебное заседание может быть вызван специалист для оказания суду помощи в исследовании рецензии на заключение эксперта и предоставления необходимых консультаций.».

Дополнить главу 7 АПК РФ статьей сходного содержания за порядковым номером 87.3.

Дополнить главу 6 КАС РФ статьей сходного содержания за порядковым номером 83.2.

9. Дополнить главу 7 АПК РФ статьей 87.4 следующего содержания:

«Статья 87.4. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда

1. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда, направленный в порядке части 1.1 статьи 16 настоящего Кодекса, содержащий сведения о фактических обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, исследуется наряду с другими доказательствами по делу.

2. Запрос специализированным арбитражным судом сведений о фактических обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, может быть направлен в порядке в порядке части 1.1 статьи 16 настоящего Кодекса по ходатайству лиц, участвующих в деле, и по инициативе арбитражного суда.

3. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда представляется в суд в письменном виде и должен содержать:

1) дату подготовки ответа специализированного арбитражного суда;

2) сведения о лице, подготовившем ответ на запрос специализированного арбитражного суда;

3) сведения о поступившем запросе специализированного арбитражного суда, на который дается ответ, о вопросах, по которым специализированному арбитражному суду необходимо получить разъяснения, консультацию или выяснить профессиональное мнение;

4) сведения о предоставленных для подготовки ответа на запрос специализированного арбитражного суда материалах дела;

5) сведения об использованных при подготовке ответа на запрос специализированного арбитражного суда нормативных, научно-методических источниках;

6) подробные и мотивированные разъяснения, консультация или профессиональное мнение лица, подготовившего ответ на запрос специализированного арбитражного суда, по поставленным перед ним вопросам.

4. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда подписывается подготовившим его лицом.

5. По ходатайству лица, участвующего в деле, или по инициативе специализированного арбитражного суда в судебное заседание может быть вызван специалист, для оказания суду помощи в исследовании ответа на запрос специализированного арбитражного суда. В качестве специалиста для оказания помощи в исследовании ответа на запрос специализированного арбитражного суда может быть вызвано лицо, подготовившее такой ответ.».

Результаты диссертационного исследования могут послужить основой для дальнейшей теоретической разработки проблематики использования в судопроизводстве специальных знаний и доказательственного права. Так, на наш взгляд перспективным направлением правовых исследований является исследование отношений суда и иных участников процесса со сведущими лицами с позиций коммуникативного подхода. Отдельного теоретического осмысления заслуживает определение значения, которое имеют для суда заключения ученых-правоведов по вопросам толкования права и юридической квалификации фактов. Интерес представляет вопрос необходимости сохранения в арбитражном судопроизводстве такого средства доказывания как иные документы и материалы в условиях отсутствующих признаков его процессуальной формы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Федеральный конституционный закон от 27.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. – 23.07.1994. – № 138-139.

2. Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. – 11.11.2020. – №253.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. – 27.07.2002. – № 137.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. – 08.12.1994. – №238-239.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 5. – Ст. 410.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Российская газета. – 28.11.2001. – № 233.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. – № 46. – Ст. 4532.

8. Закон РФ от 07.07.1993 №5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Российская газета. – 14.08.1993. – №156.

9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета. – 11.03.2015. – № 49.

10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – 31.12.2001. – № 256.

11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Российская газета. – 06.08.1998. – №148-149.

12. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. – 27.01.1996. – № 17.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. – 22.12.2001. – № 249.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1966 – № 25. – Ст. 2954.

15. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета – 06.08.1998. - №148-149.

16. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. – 05.06.2001. – № 106.

17. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Российская газета – 06.10.2007. – № 223.

18. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета. – 31.12.2015. – №297.

19. Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Российская газета. – 06.06.2018. – № 121.

20. Федеральный закон от 29.07.2018 №265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 01.08.2018. – № 166.

21. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета. – 05.08.2020. – № 171.

22. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 №4462-1) // Российская газета. – 13.03.1993. – № 49.

Подзаконные акты

23. Постановление Правительства РФ от 15.07.2009 № 569 «Об утверждении положения о государственной историко-культурной экспертизе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. – №30. – Ст. 3812.

24. Постановление Правительства РФ от 05.03.2007 № 145 «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» // Российская газета – 15.03.2007. – № 52.

25. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. - №18 (часть II). – Ст. 2158.

26. Постановление Правительства РФ от 07.11.2020 № 1796 «Об утверждении Положения о проведении государственной экологической экспертизы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. – № 46 – Ст. 7296.

27. Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 558 «О признании лица инвалидом» (вместе с «Правилами признания лица инвалидом») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. – №15. – Ст. 2506.

28. Приказ Минэкономразвития России от 14.04.2022 № 200 «Об утверждении федеральных стандартов оценки и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России о федеральных стандартах оценки» (вместе с «Федеральным стандартом оценки «Структура федеральных стандартов оценки и основные понятия, используемые в федеральных стандартах оценки (ФСО I)», «Федеральным стандартом оценки «Виды стоимости (ФСО II)», «Федеральным стандартом оценки «Процесс оценки (ФСО III)», «Федеральным стандартом оценки "Задание на оценку (ФСО IV)», «Федеральным стандартом оценки "Подходы и методы оценки (ФСО V)», «Федеральным стандартом оценки

"Отчетом об оценке (ФСО VI)») // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 01.11.2024).

Нормативные правовые акты, утратившие силу

29. Гражданский кодекс РСФСР [утвержден Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 года] // СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР.» (вместе с Гражданским Процессуальным Кодексом РСФСР) // СПС «КонсультантПлюс».

31. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией : Ч. 1. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург, 1867. – 763 с.

Научная и учебная литература:

Книги, монографии

32. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / В.В. Ярков, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др. ; под ред. В.В. Яркова. – Москва : Статут, 2021. – 460 с.

33. Амелин, Р. В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов. – Москва : Норма, 2023. – 280 с.

34. Арсеньев, В.Д., Заболоцкий, В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В.Д. Арсеньев, В.Г. Заболоцкий. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 152 с.

35. Белоносов, В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права России: монография / В.О. Белоносов. – Самара : Самарский ун-т, 2006. – 415 с.

36. Боннер, А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств / А.Т. Боннер. – Москва : Проспект, 2017. 556 с.

37. Боннер, А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А.Т. Боннер. – Москва : Проспект, 2014. – 613 с.

38. Вопленко, Н.Н. Толкование права: монография / Н.Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. 126 с.

39. Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – 3-е изд., доп. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 308 с.

40. Гордон, В.М. Основание иска в составе измененных требования / В.М. Гордон. – Ярославль : Типография Губернского Правления, 1902. – 317 с.

41. Гришина, Е.П. Теория и практика участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве: монография / Е.П. Гришина. – Москва : Акад. упр. МВД России, 2007. – 186 с.

42. Гурвич, М.А. Избранные труды / М.А. Гурвич. – Краснодар : Советская Кубань, 2006. – 544 с.

43. Давтян, А.Г. Экспертиза в гражданском процессе / А.Г. Давтян. – Москва : Фирма «СПАРК», 1995. – 83 с.

44. Духно, Н.А. Судебная экспертиза по новому законодательству России (в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах) / Н.А. Духно, Ю.Г. Корухов, В.А. Михайлов ; под ред. Ю.Г. Корухова : Москва : Юридический институт МИИТа, 2003. – 395 с.

45. Документально-проверочная деятельность органов внутренних дел при расследовании преступлений в сфере налогообложения: монография / [Опальский А.П. и др.] ; под ред. А.П. Опальского. – Москва : Акад. Упр. МВД России, 2011. – 139 с.

46. Жижина, М.В. Тактика и технология проведения судебных действий в гражданском судопроизводстве / М.В. Жижина. – Москва : Проспект, 2019. – 304 с.

47. Калиниченко, Т.Г. Нотариальное право и процесс в Российской Федерации: теоретические вопросы развития: монография / Т.Г. Калиниченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 240 с.

48. Клейнман, А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе / А.Ф. Клейнман. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 72 с.

49. Комиссарова, Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика: монография / Я.В. Комиссарова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 368 с.

50. Курылев, С.В. Избранные труды / С.В. Курылев – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. – 607 с.

51. Лазарева, Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу / Л.В. Лазарева. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 219 с.

52. Лилуашвили, Т.А. Экспертиза в советском гражданском процессе / Т.А. Лилуашвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1967. – 218 с.

53. Москаленко, М.Н. Обеспечение доказательственной информации нотариатом: монография / М.Н. Москаленко. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. – 150 с.

54. Нахова, Е.А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию / Е.А. Нахова. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2006. – 160 с.

55. Орлов, Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие / Ю.К. Орлов. – Москва : Проспект, 2016. – 213 с.

56. Орлов, Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве / Ю.К. Орлов. – Москва : Ин-т повышения квалификации Рос. федер. центра судеб. экспертизы, 2005. – 261 с.

57. Петрухин, И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе / И.Л. Петрухин. – Москва : Юрид. лит., 1964. – 266 с.

58. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / С.М. Михайлов, Е.А. Моргунова, А.А. Рябов, Б.А. Шахназаров ; под общ. ред. Е.А. Моргуновой. – Москва : Норма, 2014. – 173 с.

59. Решетникова, И.В. Размышляя о судопроизводстве : Избранное / И.В. Решетникова. – Москва : СТАТУТ, 2019. – 510 с.

60. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / Е.Р. Россинская – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 576 с.

61. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / Е.Р. Россинская – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 576 с.

62. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / Е.Р. Россинская – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 576 с.

63. Сахнова, Т.В. Судебная экспертиза / Т.В. Сахнова. – Москва : Городец : Формула права, 1999. – 368 с.

64. Сорокотягин, И.Н. Специальные познания в расследовании преступлений / И.Н. Сорокотягин. ; отв. Ред. Л.Я. Драпкин. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1984. – 119 с.

65. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / С. Л. Дегтярев, А. В. Закарлюка, Л. М. Звягинцева и др. ; под ред. И.В. Решетниковой – 5-е изд., доп. и перераб. – Москва : Норма, 2011. – 496 с.

66. Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации / К.Б. Леонтьев, В.С. Савина, С.А. Казьмина и др. ; под ред. И.А. Близнеца, Л.А. Новоселовой. – Москва : Проспект, 2015. – 126 с.

67. Тихиня, В.Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве / В.Г. Тихиня. – Минск : Вышейш. шк., 1983. – 159 с.

68. Толстик, В. А. Системное толкование норм права : Монография / В. А. Толстик, Н. Л. Дворников, К. В. Каргин. – Москва : ИД «Юриспруденция», 2011. – 135 с.

69. Треушников, М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе / М.К. Треушников. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 160 с.

70. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : Городец, 2005. – 288 с.

71. Фурсов, Д.А., Харламова, И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том второй: Гражданское судопроизводство как форма отправления правосудия. – Москва : Статут, 2009. – 599 с.

72. Шакарян, М.С. Избранные труды / М.С. Шакарян. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Издательство «Юридический центр», 2024. – 880 с.

73. Эйсман, А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование / А.А. Эйсман. – Москва : Юрид. лит., 1965. – 231 с.

74. Юдельсон, К.С. Судебные доказательства в гражданском процессе / К.С. Юдельсон. – Москва : Госюриздат, 1956. – 251 с.

Комментарии законодательства

75. Валеев, Д.Х. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. "Об исполнительном производстве" (продолжение) / Д.Х. Валеев // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 5. – С. 90-141.

76. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / В.А. Багаев, Е.Е. Баглаева, О.А. Беляева и др. ; отв. ред. В.М. Жуйков. : Москва : Юридическая фирма Контракт, 2021. Вып. 28. – 200 с.

77. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А. И. Бессонова и др. ; под ред. В.В. Яркова. – 4-е изд., испр. и перераб. – Москва : Статут, 2020. – 1070 с.

78. Рыжаков, А.П. Комментарий к Федеральному закону от 8 декабря 2011 года № 422-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» / А.П. Рыжаков. – Москва : СПС «Консультант плюс», 2012. – 65 с.

79. Рыжаков, А.П. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / А.П. Рыжаков. – 7-е изд., ипр. и доп. – СПС «КонсультантПлюс».

Диссертации, авторефераты диссертаций

80. Азаренко, И.В. Участие эксперта и специалиста в гражданском судопроизводстве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Азаренко Илья Викторович. – Санкт-Петербург, 2007. – 23 с.

81. Амерханова, А.Р. Письменные доказательства в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Амерханова Анаид Робертовна. – Краснодар, 2006. – 183 с.

82. Бегдан, О.Л. Концентрация доказательств в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Бегдан Ольга Леонидовна. – Саратов, 2018. – 183 с.

83. Борискина, Н.И. Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Борискина Надежда Ивановна. – Москва, 2020. – 177 с.

84. Виаам Х. Заключение эксперта и консультация специалиста в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.3 / Хассан Виаам. – Санкт-Петербург, 2023. – 285 с.

85. Гаврилова, Ю.А. Толкование права по объему : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Гаврилова Юлия Александровна. – Волгоград, 2008. – 210 с.

86. Дьяконова, О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика : дис.

… д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Дьяконова Оксана Геннадьевна. – Москва, 2021. – 647 с.

87. Жижина, М.В. Криминалистическая экспертиза документов в арбитражном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Жижина Марина Владимировна. – Москва, 2003. – 241 с.

88. Жуков, Ю.М. Судебная экспертиза в Советском гражданском процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.00 / Жуков Юрий Михайлович. – Москва, 1965. – 325 с.

89. Зайцева, Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Зайцева Елена Александровна. – Москва, 2008. – 741 с.

90. Иванова, Е.В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами : дис. … д-ра юрид. Наук : 12.00.12 / Иванова Елена Вячеславовна. – Коломна, 2016. – 468 с.

91. Исаев, А.А. Роль судебной экспертизы в квалификации преступлений : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09, 12.00.08 / Исаев Аджимурат Алыбалаевич. – Алматы, 1998. – 366 с.

92. Классен, Н.А. Использование специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Классен Николай Александрович. – Челябинск, 2009. – 248 с.

93. Короткий, С.А. Аудио- и видеозаписи как средства доказывания в гражданском процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Короткий Сергей Александрович. – Москва, 2010. – 156 с.

94. Кошелева, В.В. Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кошелева Виталия Васильевна. – Саратов, 1991. – 210 с.

95. Лазарева, Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Лазарева Лариса Владимировна. – Владимир, 2011. – 470 с.

96. Леонтьева, Е.А. Использование специальных знаний адвокатом - представителем по гражданским делам : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.11 / Леонтьева Екатерина Александровна. – Москва, 2010. – 27 с.

97. Леонтьева, Е.А. Использование специальных знаний адвокатом - представителем по гражданским делам : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.11 / Леонтьева Екатерина Александровна. – Москва, 2010. – 200 с.

98. Лилуашвили, Т.А. Применение специальных познаний в советском гражданском процессе : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.00 / Лилуашвили Тенгиз Александрович. – Москва, 1970. – 545 с.

99. Макушкина, Е.Э. Право адвоката на сбор доказательств : гражданско-процессуальный аспект : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Макушкина Елена Эдуардовна. – Томск, 2007. – 247 с.

100. Медведев, И.Г. Письменные доказательства в гражданском процессе России и Франции : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Медведев Игорь Геннадьевич. – Екатеринбург, 2003. – 348 с.

101. Молчанов, В.В. Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Молчанов Валерий Владимирович. – Москва, 2009. – 451 с.

102. Мохов, А.А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Мохов Александр Анатольевич. – Санкт-Петербург, 2005. – 380 с.

103. Назаров, В.А. Назначение и проведение экспертизы в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Назаров Владимир Афанасьевич. – Екатеринбург, 1999. – 25 с.

104. Пирмаев, Е.В. Судебное толкование (теоретико-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пирмаев Евгений Владимирович. – Иркутск, 2019. – 194 с.

105. Потапов, В.А. Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Потапов Владимир Александрович. – Москва, 2008. – 24 с.

106. Ракитина, Л.Н. Участие специалистов в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ракитина Любовь Николаевна. – Саратов, 1985. – 203 с.

107. Сахнова, Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Сахнова Татьяна Владимировна. – Красноярск, 1998. – 402 с.

108. Селина, Е.В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Селина Елена Викторовна. – Краснодар, 2003. – 356 с.

109. Смолина, О.С. Доказывание и доказательства при оспаривании ненормативных правовых актов по результатам налоговых проверок в арбитражном суде : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Смолина Ольга Сергеевна. – Москва, 2015. – 172 с.

110. Стрельцова, Е.Г. Взаимодействие судебного и альтернативных порядков защиты субъективного права и принудительное исполнение исполнительных документов в социальном государстве : дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.3 / Стрельцова Елена Геннадиевна. – Москва, 2023. – 493 с.

111. Трапезникова, И.И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура) : дис. … канд. юрид. наук. : 12.00.09 / Трапезникова Ирина Ильинична. – Челябинск, 2004. – 232 с.

112. Фокина, М.А. Механизм доказывания по гражданским делам : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Фокина Марина Анатольевна. – Москва, 2011. – 612 с.

113. Чайкина, А.В. Источники гражданского процессуального права : дис. … канд. юрид. наук. : 12.00.15 / Чайкина Алена Васильевна. – Москва, 2021. – 221 с.

114. Чернова, М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Чернова Мария Николаевна. – Москва, 2015. – 187 с.

115. Шкурова, П.Д. Письменные доказательства в гражданском и административном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. Наук : 12.00.15 / Шкурова Полина Дмитриевна. – Москва, 2019. – 227 с.

116. Эйсман, А.А. Заключение эксперта в системе судебных доказательств (Исследование логической структуры доказывания, методов обоснования выводов эксперта и их оценки в уголовном процессе) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Эйсман Алексей Александрович. – Москва, 1965. - 36 с.

117. Юдин, И.В. Заключение о результатах экспертизы как средство доказывания в гражданском судопроизводстве / дис. … канд. юрид. наук : 5.1.3 / Юдин Игорь Васильевич. – Саратов, 2023. – 238 с.

Научные статьи, тезисы научных докладов

118. Авхадеев, В.Р. Правовое регулирование освоения морских биоресурсов Арктики: нормы международного права и механизмы сотрудничества государств / В.Р. Авхадеев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 216-239.

119. Аргунов, В.В. Нотариальный акт в судебном доказывании по гражданским делам: историко-теоретический очерк / В.В. Аргунов // Вестник гражданского процесса. – 2017. – Т. 7, № 6. – С. 130-148.

120. Бегичев, А.В. Назначение экспертизы нотариусом в порядке обеспечения доказательств / А.В. Бегичев // Современное право. – 2011. – № 8 – С. 113-117.

121. Блохин, П.Д. Умножение сущностей: обращение Конституционного Суда РФ к международной (зарубежной) судебной практике /П.Д. Блохин // Вестник исполнительного производства. – 2021. – № 3. – С. 6-13.

122. Боннер, А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе / А.Т. Боннер // Законодательство. – 2008. – № 3. – С. 79-87.

123. Бортникова Н.А. Внесудебные экспертные исследования (досудебная экспертиза) / Н.А. Бортникова // СПС «КонсультантПлюс». 2023.

124. Газарова, С.А. К вопросу об отнесении заключения органа государственной власти или органа местного самоуправления к доказательствам в арбитражном процессе / С.А. Газарова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 1. – С. 72-75.

125. Галяух, Е.А. Досудебная экспертиза как доказательство в цивилистическом процессе России / Е.А. Галяух, К.А. Голубенко // Вестник гражданского процесса. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 154-178.

126. Галяшина, Е.И. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования / Е.И. Галяшина, Е.Р. Россинская // Lex Russica (Русский закон). – 2006. – Т. 65, № 6. – С. 1033-1055.

127. Ганичева, Е.С. Особенности применения специальных знаний в арбитражном процессе / Е.С. Ганичева // Журнал российского права. – 2020. – №3. – 119-131.

128. Гродзинский, М.М. Сущность и формы экспертизы в советском уголовном процессе / М.М. Гродзинский // Ученые записки Харьковского юридического института. – 1955. – Вып. 6. – С. 55–68.

129. Дьяконова, О.Г. Возможности использования специальных знаний в альтернативном разрешении споров / О.Г. Дьяконова // Российский судья. – 2022. – № 8. – С. 3-7.

130. Дьяконова, О.Г. Институт использования специальных знаний в проекте Кодекса административного судопроизводства / О.Г. Дьяконова // Административное право и процесс. – 2014. – № 2. – С. 36-39.

131. Дьяконова, О.Г. К вопросу о проведении специалистом "исследований" в судопроизводстве стран - участниц ЕАЭС / О.Г. Дьяконова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 4. – С. 47-51.

132. Дьяконова, О.Г. Комплексный подход к регламентации использования специальных знаний в проекте Процессуального кодекса РФ об административных

правонарушениях: быть или не быть? / О.Г. Дьяконова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 9(130). – С. 133-140.

133. Дьяконова, О.Г. Процессуальная регламентация несудебной экспертизы / О.Г. Дьяконова // Эксперт-криминалист. – 2010. – № 2. – С. 7-9.

134. Дьяконова, О.Г. Рецензия специалиста на заключение судебной экспертизы: понятие, сущность, нормативное регулирование / О.Г. Дьяконова // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 84-97.

135. Дьяконова, О.Г. Судебная экспертиза в арбитражном процессе / О.Г. Дьяконова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 5. – С. 14-17.

136. Дьяконова, О.Г. Судебная экспертиза и оценка имущества: проблемы разграничения и законодательного регулирования / О.Г. Дьяконова // Российский юридический журнал. – 2018. – № 1(118). – С. 155-166.

137. Дьяконова, О.Г. Формы участия специалиста в судопроизводстве / О.Г. Дьяконова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 8(24). – С. 15-31.

138. Дьяконова, О.Г. Экспертизы по постановлению нотариуса: обновление правового регулирования / О.Г. Дьяконова // Нотариус. – 2013. – № 7. – С. 10-14.

139. Ефимова, Л.Г. Источники правового регулирования общественных отношений в киберпространстве / Л. Г. Ефимова // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 3(160). – С. 114-120.

140. Жданов, С.П. Понятие и сущность специальных познаний (знаний) специалиста / С.П. Жданов // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 1(34). – С. 161-163.

141. Жижина, М.В. О выплате вознаграждения эксперту за проведение судебной экспертизы в арбитражном процессе / М.В. Жижина // Вестник арбитражной практики. – 2023. – № 3(106). – С. 86-93.

142. Жижина, М.В. Рецензирование экспертных заключений в практике рассмотрения арбитражных дел / М.В. Жижина // Вестник арбитражной практики. – 2014. – № 4(53). – С. 51-58.

143. Жижина, М.В. Рецензирование экспертных заключений в судопроизводстве: ожидания и реалии / М.В. Жижина // Вопросы экспертной практики. – 2017. – № S1. – С. 121-124.

144. Жижина, М.В. Тактические вопросы использования рецензии на экспертное заключение в судопроизводстве / М.В. Жижина // Арбитражные споры. – 2018. – № 1(81). – С. 85-91.

145. Залоило, М.В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели / М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 22-37.

146. Зернов, С.И. К вопросу о рецензировании заключения эксперта по исковым производствам в гражданском и арбитражном процессах / С.И. Зернов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 1. – С. 29-35.

147. Каменков, М.В. Процессуальный статус внесудебных заключений эксперто / М.В. Каменков // Закон. – 2014. – № 9. – С. 150-155.

148. Климович Л.П., Логинова Н.Г., Кривоколеско И.И. Специальные знания как средство формирования адвокатом правовой позиции защиты / Л.П. Климович, Н.Г. Логинова, И.И. Кривоколеско // Адвокатская практика. – 2021. – №6. – С. 27-31.

149. Ковалева, А.В. О возможности участия специалиста при обеспечении доказательств / А.В. Ковалева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 3(100). – С. 107-117.

150. Ковалева, А.В. Ответ на запрос специализированного арбитражного суда (п. 1.1 Ч. 1 ст. 16 АПК РФ) как особая форма участия специалиста и его доказательственное значение / А.В. Ковалева // Вестник гражданского процесса. – 2017. – Т. 7, № 6. – С. 192-211.

151. Константина, Е.И. Протокол допроса свидетеля: доказательственное значение в налоговых спорах / Е.И. Константина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 7. – С. 46-49.

152. Лескова, Ю. Г. Корпоративные акты как источники корпоративного права / Ю. Г. Лескова, А. А. Диденко // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 4. – С. 15-20.

153. Линев, А.Н. К вопросу о процессуальном статусе рецензии на заключение эксперта / А.Н. Линев // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 1. – С. 118-120.

154. Лукашин, А. А. К вопросу о допустимости квалификации рецензии на заключение эксперта в качестве объяснения стороны / А. А. Лукашин // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации) : Сборник научных статей молодых исследователей X ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и соискателей с международным участием, Санкт-Петербург, 25–26 марта 2022 года / Под общей редакцией Я.Б. Жолобова, А.А. Дорской. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2022. – С. 935-940.

155. Лукашин, А.А. Конкуренция экспертных заключений в цивилистическом процессе: препятствие на пути правосудия или необходимость / А.А. Лукашин // Суд и правосудие: традиция, новация, практика : Материалы Международной научно-практической конференции, Калининград, 15–16 декабря 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – С. 177-183.

156. Лукашин, А.А. Проблемы квалификации заключения специалиста в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве / А.А. Лукашин // Адвокатская практика. – 2022. – № 6. – С. 41-45.

157. Луконина, Ю.А. Правовая природа досудебного порядка урегулирования спора в цивилистическом процессе / Ю.А. Луконина // Арибтражный и гражданский процесс. – 2023. – №10 – С. 37-41.

158. Маколкин, Н. Н. Некоторые характеристики доказательств: историко-правовой анализ / Н. Н. Маколкин // Вестник гражданского процесса. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 193-202.

159. Малешин, Д.Я. Процессуальные гарантии назначения нотариусом экспертизы / Д.Я. Малешин // Нотариальный вестник. – 2023. – № 1. – С. 5-20.

160. Малина, М.А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект / М.А. Малина // Российский следователь. – 2023. – № 1. – С. 20-24.

161. Михайлов, С.М. Консультация специалиста как форма использования специальных знаний с неопределенным процессуальным статусом в проекте Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации / С.М. Михайлов // Юридический мир. – 2014. – №1. – С. 13-16.

162. Мохов, А.А. Специфика экспертного заключения как судебного доказательства / А.А. Мохов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2003. – № 9. – С. 35-38.

163. Овсянников, И. – Заключение и показания специалиста / И. Овсянников // Законность. – 2005. – № 7. – СПС «КонсультантПлюс».

164. Османова, Д.О. Доктрина как источник гражданского права / Д.О. Османова // Хозяйство и право. – 2023. – №12. – С. 3-20.

165. Поздняков, М.А. Понятие и признаки специальных знаний в уголовном судопроизводстве / М.А. Поздняков // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №9. – С. 155-161.

166. Раскатова, Н.Н. Проблема определения доказательственного статуса рецензий на заключения экспертов и процессуального статуса подготовивших их лиц в гражданском судопроизводстве / Н.Н. Раскатова // Lex Russica (Русский закон). – 2006. – Т. 65, № 5. – С. 956-963.

167. Рехтина, И. В. Обстоятельства, подтвержденные нотариусом, как факты, не подлежащие доказыванию: спорные вопросы / И. В. Рехтина // Современное право. – 2023. – № 6. – С. 63-68.

168. Рихтерман, В.Я. Доказательственное значение судебной экспертизы в арбитражном процессе. Правовые аспекты оценки заключения эксперта и возможности его критического восприятия / В.Я. Рихтерман, В.И. Родионов // Закон. – 2019. – № 10. – С. 63-72.

169. Рогожин, С.П. Процессуальные особенности доказывания по делам, возникающим из таможенных правоотношений / С.П. Рогожин. - Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 160 с.

170. Романов, А.А. Объяснения сторон и третьих лиц как доказательства в российском гражданском процессе / А.А. Романов // Российский судья. – 2023. – №4. – С. 18-21.

171. Ручкина, Г.Ф. Взыскание действительной стоимости доли участника общества с ограниченной ответственностью при добровольном выходе участника из общества: некоторые проблемы арбитражной практики / Г.Ф. Ручкина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 8. – С. 15-20.

172. Рыжаков, А.П. Понятие и правовой статус специалиста в современном российском уголовном процессе. Комментарий к статье 58 УПК РФ / А.П. Рыжаков. – Москва : СПС «Консультант плюс», 2004. – 94 с.

173. Рыжов, К.Б. Новеллы законодательства об обеспечении доказательств нотариусом и доказательственной силе нотариальных документов / К.Б. Рыжов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2015. – № 4. – С. 85-91.

174. Сахнова, Т.В. Доказательственное значение специальных познаний / Т.В. Сахнова // ЭЖ-Юрист. – 2004. – № 21. – С. 4-5.

175. Степанов, В. В. Специальные знания в судебной экспертизе / В. В. Степанов, Л. Г. Шапиро // Судебная экспертиза. – 2004. – № 1. – С. 66-69.

176. Терехова, Л.А. Заключения сведущих лиц / Л.А. Терехова // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11, № 5. – С. 295-306.

177. Шварц, М.З. К вопросу о доказательственном значении государственной регистрации права на недвижимое имущество (некоторые размышления над правовой позицией Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 24.05.2012 № 17802/11) / М.З. Шварц // Арбитражные споры. – 2013. – №3. – С. 135-150.

178. Шмонин, А.В. Понятие и содержание специальных познаний в уголовном процессе / А.В. Шмонин // Российский судья. – 2002. – №11. – СПС «КонсультантПлюс».

179. Ярков, В.В. Злоупотребление процессуальными правами: диагностика и лечение (комментарий Определения Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 36-КГ16-26) / В.В. Ярков // Вестник гражданского процесса. – 2017. – Т. 7, № 5. – С. 81-112.

Учебная литература

180. Арбитражный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Т.К, Андреева, Е.А. Борисова, С.А. Иванова и др. ; под ред. М.К. Треушникова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Городец, 2011. – 752 с.

181. Васьковский, Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е.В. Васьковский. – Москва : Статут, 2016. – 624 с.

182. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. – 2-е изд. перераб. – Краснодар : Издательство «Советская Кубань», 2003. – 528 с.

183. Ванеева, Л.А. Гражданские процессуальные правоотношения (учебное пособие) / Л.А. Ванеева. – Владивосток. – 1974. – 40 с.

184. Гольмстен, А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / А.Х. Гольмстен. – 5-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : типография М. Меркушева, 1913. – 411 с.

185. Гражданский процесс: учебник для бакалавров / С.А. Алехина, В.В. Блажеев, А.Т. Боннер и др. ; отв. ред. В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. – Москва : Проспект, 2017. – 736 с.

186. Гражданский процесс: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев, А.Т. Боннер и др. ; отв. ред. В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. – Москва : Проспект, 2023. – 688 с.

187. Гражданский процесс: учебник / Т.К. Андреева, В.В. Аргунов, Е.А. Борисова и др. : под ред. М.К. Треушникова. – 7-е изд., перераб. – Москва : Городец, 2021. – 992 с.

188. Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. / Т.К. Андреева, С.Ф, Афанасьев, В.В. Блажеев и др. : под ред. П.В. Крашенинникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2022. Т. 1: Общая часть – 548 с.

189. Гражданское процессуальное право : Учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев, А.Т. Боннер и др. ; под ред. М.С. Шакарян. – Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 584 с.

190. Гражданское процессуальное право России : учебник для академического бакалавриата. В 2 т. Т. 1 / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; под ред. С.Ф. Афанасьева. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2015. – 444 с.

191. Зинин, А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник / А.М. Зинин. – Москва : Проспект, 2014. – 254 с.

192. Зинин, А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник / А.М. Зинин, А.И. Семикаленова, Е.В. Иванова. – Москва : Проспект, 2016. – 288 с.

193. Криминалистика: Учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2004. – 973 с.

194. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др. ; под ред. М.А. Фокиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2019. 654 с.

195. Майлис, Н.П. Введение в судебную экспертизу: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.П. Майлис. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 159 с.

196. Малышев, К.И. Курс гражданского судопроизводства / К. Малышев. – 2-е испр. и доп. Изд. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1876.

197. Мирлес, А.А. Основные начала русского гражданского процесса : Руководство для подготовки к государственным экзаменам и для начинающих юристов / А.А. Мирлес. – Киев : Книгоиздательство И.И. Самоненко, 1910. – 128 с.

198. Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Эксмо, 2010. – 512 с.

199. Нефедьев, Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е.А. Нефедьев. – 3-е изд. – Москва : типография Императорского Московского университета, 1909. – 403 с.

200. Орлов, Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам: учебное пособие / Ю.К. Орлов. – Москва : Юрист, 1995. – 64 с.

201. Решетникова, И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие / И.В. Решетникова. – Москва : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2010. – 503 с.

202. Решетникова, И. В. Доказывание в гражданском процессе : Учебно-практическое пособие / И. В. Решетникова. – 7-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 388 с.

203. Россинская, Е.Р. Экспертиза в судопроизводстве : учебник / Е.Р. Россинская, А.М. Зинин. ; под ред. Е.Р. Россинской. – Москва : Проспект, 2022.

204. Сахнова, Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2014. – 783 с.

205. Сахнова, Т.В. Экспертиза в суде по гражданским делам: Учебно-практическое пособие / Т.В. Сахнова. – Москва : Издательство БЕК, 1997. – 265 с.

206. Советский гражданский процесс. Учебник / М.А. Гурвич, М.С. Шакарян, В.Ф. Тараненко и др. ; под ред. М.А. Гурвича. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высш. Школа, 1975. – 399 с.

207. Сорокотягина, Д.А. Судебная экспертиза: учебное пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. – 336 с.

208. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – Москва : Норма, 2007. – 480 с.

209. Энгельман, И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства / И.Е. Энгельман. – 3-е изд., испр. и доп. – Юрьев : тип. К. Маттисена, 1912. – 632 с.

Иная юридическая литература

210. Дячук, М. Финансово-экономическая экспертиза в делах о субсидиарной ответственности / М. Дячук, В. Мельников // Юридический справочник руководителя. – 2022. – № 11. – С. 77-92.

211. Иванов Д.А. Судебно-медицинская экспертиза как предпосылка права гражданина на справедливое судебное разбирательство / Д.А. Иванов// «Налоги» (газета). – 2009. – №18. – СПС «КонсультантПлюс».

212. Тарасова Ю. Экспертиза: правила оспаривания // Ю. Тарасова // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 12.

213. Хлюстов П. Внесудебная экспертиза в гражданском и арбитражном процессах / П. Хлюстов // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 8. – С. 4.

214. Холопова Е. Заключение (рецензия) специалиста VS заключение эксперта // Адвокатская газета. – 2021. – № 14. – СПС «Гарант».

Судебная практика

Постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, информационные письма

215. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» (вместе с «Обзором судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дела с участием иностранных лиц») // СПС «КонсультантПлюс».

216. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 60 «О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 12.

217. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6.

218. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Российская газета – 02.07.2008. – № 140.

219. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 №11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Российская газета. – 2012. – №141.

220. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – № 140.

221. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 9.

222. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Российская газета. – 2017. – № 144.

223. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. – 2021. – № 144.

224. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Российская газета. – 14.01.2022. – №7.

225. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 №20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Российская газета. – 2022. – № 145.

226. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 №31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. – 18.11.2022. – № 261.

227. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. – 2010. – № 109.

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации

228. Определение ВАС РФ от 28.12.2012 № ВАС-16273/12 по делу № А03-15310/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

229. Определение Верховного Суда РФ от 30.01.2007 № 18-В06-95 // СПС «КонсультантПлюс».

230. Определение Верховного Суда РФ от 29.08.2017 № 307-КГ17-7434 по делу № А56-5225/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

231. Определение Верховного Суда РФ от 28.09.2021 № 309-ЭС21-16351 по делу № А76-19207/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

232. Определение Верховного Суда РФ от 05.02.2024 № 310-ЭС23-28974 по делу № А84-4484/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

233. Определение Верховного Суда РФ от 09.04.2024 № 301-ЭС24-3481 по делу № А31-15435/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

234. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сакулиной Татьяны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 84 и частью третьей статьи 86 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

235. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.02.2016 № 14-КГ15-22 // СПС «КонсультантПлюс».

236. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2017 №36-КГ16-26 // СПС «КонсультантПлюс».

237. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.12.2018 № 18-КГ18-224 // СПС «КонсультантПлюс».

238. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 №66-КГ21-7-К8 // СПС «КонсультантПлюс».

239. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2022 № 5-КГ21-181-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

240. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2022 № 43-КГ22-3-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

241. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2022 №20-КГ22-13-К5 // СПС «КонсультантПлюс».

242. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.2023 № 30-КГ22-18-К5 // СПС «КонсультантПлюс»

243. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 №56-КГ23-13-К9 // СПС «КонсультантПлюс».

244. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.01.2018 по делу №305-ЭС17-11486 // СПС «КонсультантПлюс».

245. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2020 №305-ЭС20-15163 // СПС «КонсультантПлюс».

246. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2021 № 305-ЭС21-17612 по делу № А41-28713/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

247. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.10.2012 № 6083/12 по делу № А40-114306/11-93-1021 // СПС «КонсультантПлюс».

Судебная практика иных судов

248. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 05.10.2021 по делу № 33-7305/2021 // СПС «Гарант».

249. Апелляционное определение Амурского областного суда от 16.02.2022 по делу №33АП-610/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

250. Апелляционное определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 08.12.2021 по делу №33-1939/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

251. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 06 октября 2016 г. по делу № 33-17119/2016 // СПС «Гарант».

252. Апелляционное определение Зарайского городского суда Московской области от 05 апреля 2019 г. по делу № 11-5/2019 // СПС «Гарант».

253. Апелляционное определение Калининградского областного суда от 20.10.2021 по делу № 2-6/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

254. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 26.05.2021 по делу № 2-965/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

255. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.12.2020 по делу № 33а-6015/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

256. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.05.2023 по делу № 33-16729/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

257. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.10.2023 по делу № 33-42983/2023 // СПС «Гарант».

258. Апелляционное определение Московского областного суда от 02 февраля 2022 г. по делу №33-1123/2022 // СПС «Гарант».

259. Апелляционное определение Московского областного суда от 01 марта 2023 г. по делу № 33а-7585/2023 // СПС «Гарант».

260. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 17 августа 2016 г. по делу №33-6156/2016 // СПС «Гарант».

261. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 13 февраля 2020 г. по делу № 66а-383/2020 // СПС «Гарант».

262. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.02.2021 по делу №66а-516/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

263. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 20.07.2021 по делу №66а-3340/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

264. Апелляционное определение Самарского областного суда от 22.05.2018 по делу № 33-5877/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

265. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 27 июля 2022 г. по делу № 33-57/2022 // СПС «Гарант».

266. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.09.2021 по делу № 66а-3037/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

267. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.10.2020 № 88а-15091/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

268. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2023 № 88А-18712/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

269. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2023 № 88а-13448/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

270. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2024 № 88а-1879/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

271. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 06.03.2024 № 88А-2496/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

272. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2023 № 88а-21260/2023 по делу № 2а-199/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

273. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2022 № 88-3795/2022 по делу № 2-6716/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

274. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2024 № 88а-5287/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

275. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2024 № 88а-7648/2024 // СПС «КонсультантПлюс»

276. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2023 № 88а-28181/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

277. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2020 по делу № 88-3420/2020 // СПС «Гарант».

278. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2022 № 88-7407/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

279. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2022 № 88-18785/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

280. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2023 №88-22485/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

281. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.08.2021 по делу № 88-16805/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

282. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2022 по делу № 88-8220/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

283. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2022 по делу № 88-12647/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

284. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 № 88-23019/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

285. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2023 по делу № 88-3266/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

286. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.05.2023 № 88а-13286/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

287. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2023 по делу № 88-31593/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

288. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2023 №88-10318/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

289. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2022 № 88-24432/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

290. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2023 № 88-12882/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

291. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.07.2023 № 88а-20884/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

292. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.10.2023 № 88-30639/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

293. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.04.2024 № 88-11376/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

294. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2023 № 88-7954/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

295. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2022 № 88-6581/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

296. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.08.2022 № 88-12289/2022 // СПС «КонсультантПлюс»

297. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2019 № 88-231/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

298. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.12.2021 по делу № 88-19543/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

299. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.09.2022 № 88-15881/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

300. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 декабря 2023 г. по делу № 88-25570/2023 // СПС «Гарант».

301. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2021 г. по делу №8Г-20133/2021 // СПС «Гарант».

302. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2022 № 88а-4702/2022 по делу № 2а-2005/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

303. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2022 г. по делу № 8Г-27151/2022 // СПС «Гарант».

304. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2023 по делу №88-2690/2023 // СПС «Гарант».

305. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2024 по делу № 88-11524/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

306. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2023 по делу № 88-20263/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

307. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2023 г. по делу № 8Г-25583/2022 // СПС «Гарант».

308. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2023 по делу № 88-24434/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

309. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2023 № 88-27251/2023 по делу № 2-22/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

310. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.06.2022 №Ф01-2279/2022 по делу № А43-52401/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

311. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.07.2020 № Ф02-2932/2020, Ф02-3029/2020 по делу № А33-25414/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

312. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.07.2021 № Ф02-3510/2021 по делу № А19-22930/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

313. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.12.2021 № Ф02-7555/2021 по делу № А78-3255/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

314. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.11.2022 № Ф02-5514/2022 по делу № А19-21153/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

315. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.08.2021 № Ф03-4383/2021 по делу № А73-5804/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

316. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 мая 2023 г. №Ф03-1423/23 по делу № А73-4838/2020 // СПС «Гарант».

317. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.05.2023 № Ф03-1742/2023 по делу № А51-19821/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

318. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.06.2023 № Ф03-1904/2023 по делу № А51-18017/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

319. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 августа 2021 г. № Ф04-4543/21 по делу № А45-33862/2019 // СПС «Гарант».

320. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 октября 2022 г. №Ф04-4908/22 по делу №А27-1141/2021 // СПС «Гарант».

321. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 1 февраля 2023 г. №Ф04-8201/22 по делу №А45-32355/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

322. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 апреля 2023 г. №Ф04-1147/23 по делу №А03-13715/2020 // СПС «Гарант».

323. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.10.2023 № Ф04-4890/2023 по делу № А70-19846/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

324. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.04.2024 № Ф04-1056/2024 по делу № А46-17374/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

325. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.03.2016 № Ф05-204/2016 по делу № А40-217715/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

326. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04 марта 2022 г. № Ф05-923/2022 по делу № А41-2319/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

327. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.06.2022 № Ф05-10892/2022 по делу № А41-92272/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

328. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.10.2022 № Ф05-25652/2022 по делу № А40-55244/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

329. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2023 № Ф05-816/2023 по делу № А40-46975/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

330. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.06.2023 № Ф05-11762/2023 по делу № А41-32301/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

331. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.07.2023 № Ф05-14227/2023 по делу № А40-249817/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

332. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 августа 2023 г. № Ф05-15401/2023 по делу № А40-152381/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

333. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 августа 2023 г. № Ф05-15401/2023 по делу № А40-152381/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

334. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 марта 2024 года № Ф05-3671/2024 по делу № А40-141653/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

335. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.04.2024 № Ф05-4530/2024 по делу № А40-57244/2023 // СПС «КонсультантПлюс»

336. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.05.2020 № Ф06-60152/2020 по делу № А57-3463/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

337. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.05.2020 № Ф06-60152/2020 по делу № А57-3463/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

338. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.09.2021 № Ф06-9447/2021 по делу № А55-30348/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

339. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.02.2023 № Ф06-259/2023 по делу № А55-10630/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

340. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.08.2023 № Ф06-29/2023 по делу № А65-17873/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

341. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 ноября 2022 г. №Ф05-27999/22 по делу №А40-176929/2021 // СПС «Гарант».

342. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 сентября 2023 г. №Ф05-20031/18 по делу №А41-101720/2017 // СПС «Гарант».

343. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.03.2024 № Ф06-335/2024 по делу № А55-37941/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

344. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.09.2021 № Ф07-12310/2021 по делу № А21-4001/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

345. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 ноября 2022 г. №Ф07-17629/22 по делу №А56-9814/2021 // СПС «Гарант».

346. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 октября 2023 г. «Ф07-12009/23 по делу №А13-2613/2022 // СПС «Гарант».

347. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2023 № Ф07-18672/2023 по делу № А56-39738/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

348. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 сентября 2020 г. № Ф08-6512/2020 по делу №А32-6105/2018 // СПС «Гарант».

349. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.04.2022 № Ф08-1239/2022 по делу № А32-7189/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

350. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.06.2023 № Ф08-5597/2023 по делу № А63-8790/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

351. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 апреля 2023 г. №Ф09-2065/23 по делу №А60-4626/2022 // СПС «Гарант».

352. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.07.2023 № Ф09-4252/23 по делу № А50-32369/2022 // «КонсультантПлюс».

353. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.10.2023 № Ф09-6183/23 по делу № А76-29269/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

354. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.03.2024 № Ф09-1401/21 по делу № А60-1032/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

355. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.07.2023 № Ф10-2604/2023 по делу № А64-8483/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

356. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 8 августа 2023 г. №Ф10-1506/21 по делу №А64-2289/2018 // СПС «Гарант».

357. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.08.2023 №Ф10-3478/23 по делу №А35-8859/2021 // СПС «Гарант».

358. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.09.2023 № Ф10-4402/2023 по делу № А68-139/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

359. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.03.2024 № Ф10-692/2024 по делу № А62-6368/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

360. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.04.2024 № Ф10-1242/2024 по делу № А14-772/2022 // СПС «КонсультантПлюс»

361. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2023 № 18АП-13573/2023 по делу № А47-7830/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

362. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2020 №08АП-12723/2020 по делу №А75-17744/2019 // СПС «Гарант».

363. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 26.11.2021 № 08АП-10859/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

364. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 14.12.2021 № 02АП-6073/2021 по делу № А28-14931/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

365. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2018 №21АП-345/2018 по делу №А84-3095/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

366. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 марта 2023 г. №12АП-11533/22 по делу №А57-23737/2021 // СПС «Гарант».

367. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2019 г. № 19АП-7423/19 // СПС «Гарант».

368. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2020 № 09АП-62368/2020 по делу № А40-63817/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

369. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 декабря 2022 г. №09АП-77865/22 по делу №А40-319017/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

370. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2023 № 09АП-21232/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

371. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.08.2023 № 09АП-50506/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

372. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 октября 2023 г. №09АП-60641/23 по делу №А40-9446/2016 // СПС «Гарант».

373. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 апреля 2023 г. №19АП-1231/23 по делу №А35-6748/2021 // СПС «Гарант».

374. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27 февраля 2023 г. №10АП-15771/22 по делу №А41-85602/2020 // СПС «Гарант».

375. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.01.2022 № 11АП-18207/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

376. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.10.2021 №С01-1433/2021 по делу №СИП-139/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

377. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 03.06.2022 №С01-116/2022 по делу №СИП-668/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

378. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 29.05.2023 №С01-70/2023 по делу №СИП-535/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

379. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 19.01.2024 №С01-2130/2023 по делу №СИП-877/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

380. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22.01.2024 №С01-412/2023 по делу №СИП-96/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

381. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 сентября 2020 г. № 15АП-11043/20 по делу № А32-4459/2017 // СПС «Гарант».

382. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2022 № 15АП-6093/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

383. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.05.2023 №15АП-5038/23 по делу №А32-46311/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

384. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2023 № 15АП-16733/2023 по делу № А53-11079/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

385. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 18 июня 2021 г. № 07АП-4568/21 по делу № А45-11686/2020 // СПС «Гарант».

386. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2023 № 17АП-9797/2023-АК по делу № А50-14307/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

387. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.08.2023 №С01-848/2022 по делу №А07-30376/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

388. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 03.05.2023 по делу № А33-36520/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

389. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.04.2022 № 13АП-43552/2021 по делу № А56-3769/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

390. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2023 № 13АП-27919/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

391. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14 ноября 2023 г. №03АП-4303/23 по делу №А33-527/2023 // СПС «Гарант».

392. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2023 № 16АП-3726/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

393. Решение Александровского городского суда Владимирской области от 22 марта 2024 г. по делу № 2-5/2024 // СПС «Гарант».

394. Решение Арбитражного суда Астраханской области от 16.11.2022 по делу № А06-8428/2020 // СПС «Гарант».

395. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 9 августа 2017 г. по делу № А40-106629/2016 // СПС «Гарант».

396. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 8 сентября 2021 г. по делу № А40-94473/2021 // СПС «Гарант».

397. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18 апреля 2024 г. по делу № А40-242830/2021 // СПС «Гарант».

398. Решение Арбитражного суда Московской области от 09.08.2021 по делу № А41-67994/2020 // СПС «Гарант».

399. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 27 декабря 2016 г. по делу № А63-8206/2015 // СПС «Гарант».

400. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 25 сентября 2017 г. по делу № А75-14572/2016 // СПС «Гарант».

401. Решение Борисоглебского городского суда Воронежской области от 29 декабря 2022 г. по делу № 2-1261/2022 // СПС «Гарант».

402. Решение Верховного суда Республики Татарстан от 17.02.2021 по делу № 3а-91/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

403. Решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 22 октября 2021 г. по делу № 2-192/2021 // СПС «Гарант».

404. Решение Донского городского суда Тульской области от 26 мая 2020 г. по делу № 2-1329/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/DVF6PpbU5jQO/ (дата обращения: 01.11.2024).

405. Решение Еланского районного суда Волгоградской области от 21.06.2023 по делу №2-62/2023 // СПС «Гарант».

406. Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 01 августа 2022 г. по делу №2-434/2022 // СПС «Гарант».

407. Решение Иглинского районного суда республики Башкортостан от 12 декабря 2019 г. по делу № 2-1765/2019 // СПС «Гарант».

408. Решение Иркутского районного суда Иркутской области от 25.12.2019 №2-825/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

409. Решение Калужского областного суда от 02 июня 2023 г. по делу № 3а-43/2023 // СПС «Гарант».

410. Решение Кировского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 08 июня 2023 г. по делу №2-303/2023 // СПС «Гарант».

411. Решение Ленинского районного суда г. Грозного Чеченской Республики от 13 октября 2022 г. по делу № 2-1691/2022 // СПС «Гарант».

412. Решение Ленинского районного суда г. Новороссийска от 12.09.2019 № 2-664/2019// СПС «Гарант».

413. Решение Ленинского районного суда г. Ставрополя Ставропольского края от 24 ноября 2022 г. по делу № 2-3493/2022 // СПС «Гарант».

414. Решение Ленинского районного суда г. Тюмени Тюменской области от 22 января 2020 г. по делу № 2-599/2020 // СПС «Гарант».

415. Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска Ульяновской области от 14 октября 2022 г. по делу № 2-4238/2022 // СПС «Гарант».

416. Решение Луховицкого районного суда Московской области от 16 апреля 2015 г. по делу № 2-410/2015 // СПС «Гарант».

417. Решение Московского городского суда от 12.10.2020 по делу № 7-11714/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

418. Решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 16 сентября 2019 г. по делу № 2-8705/2019 // СПС «Гарант».

419. Решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 15 ноября 2019 г. по делу № 2-7585/2019 // СПС «Гарант».

420. Решение Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан от 02 декабря 2022 г. по делу № 2-1682/2022 // СПС «Гарант».

421. Решение Октябрьского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 13 января 2021 г. по делу № 2-607/2021 // СПС «Гарант».

422. Решение Октябрьского районного суда г. Рязани Рязанской области от 31 августа 2023 г. по делу № 2-67/2023 // СПС «Гарант».

423. Решение Пестовского районного суда Новгородской области от 6 ноября 2018 г. по делу № 2-373/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/lg27qYz917HT/ (дата обращения: 01.11.2024)

424. Решение Подосиновского районного суда Кировской области от 25 сентября 2023 г. по делу №2-127/2023 // СПС «Гарант».

425. Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя Ставропольского края от 24 октября 2023 г. по делу № 2-5025/2023 // СПС «Гарант».

426. Решение Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 30 ноября 2023 г. по делу №2-2831/2023 // СПС «Гарант».

427. Решение Советского районного суда г. Воронежа Воронежской области от 21 февраля 2022 г. по делу № 2-106/2022// СПС «Гарант».

428. Решение Суда по интеллектуальным правам от 30.06.2022 по делу №СИП-914/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

429. Решение Суда по интеллектуальным правам от 20.10.2023 по делу №СИП-668/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

430. Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.11.2023 по делу №СИП-322/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

431. Решение Суда по интеллектуальным правам от 19.12.2023 по делу №СИП-58/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

432. Решение Центрального районного суда г. Новосибирска от 16.07.2020 №2-1590/2020 // СПС «Гарант».

433. Решение Шадринского районного суда Курганской области от 23.07.2021 по делу № 2-115/2021 // СПС «Гарант».

Иные официальные документы

434. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : [одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)] // СПС «КонсультантПлюс».

435. Методические рекомендации по организации работы по оценке арестованного имущества [утв. ФССП России 24.07.2013 №01-9] // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2013. – № 11.

436. Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза, [утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ] // СПС «КонсультантПлюс».

437. Письмо Федеральной службы судебных приставов от 28.04.2016 №00011/16/37579-СВС «Об организации работы по исполнению исполнительных производств, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2016. – № 6.

438. Протокол заседания Научно-консультативного Совета при Суде по интеллектуальным правам (23 января 2014 года) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2014. – №4.

439. Справка о некоторых вопросах привлечения специалистов и направления запросов судом по интеллектуальным правам [утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 14.11.2014 №СП-21/89] // СПС «КонсультантПлюс».

Электронные ресурсы

440. URL: https://www.arbitration-niratec.ru/rules/ (дата обращения: 13.04.2024).

441. URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/regulation/ (дата обращения: 13.04.2024).

442. URL: https://centerarbitr.ru/text/ (дата обращения: 13.04.2024).

443. URL: https://ipc.arbitr.ru/node/13545 (дата обращения: 30.04.2024).

444. URL: https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/ (дата обращения 13.04.2024).

445. URL: http://www.eaeunion.org (дата обращения 01.11.2024).

446. Отзыв Высшего Арбитражного Суда РФ №ВАС-С01/УПП-1642 на законопроект №446381-5 // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/446381-5 (дата обращения: 17.02.2024).